

ГОРБИ GORBY

№ 3

НОЯБРЬ 2023

Савицкий

МЕНЕДЖМЕНТ МИРА

«ГОРБАЧЕВ, ПОМОГИ!». Объединение Германии означало реальный конец холодной войны. Без «нового мышления» оно бы не состоялось. Редакционная статья **стр. 3**

«Мне не хотелось бы сейчас теоретизировать по поводу понятия нации». Из беседы М.С.Горбачева с президентом ФРГ Рихардом фон Вайцзеккером. Москва, 7 июля 1987 года **стр. 8**

«Нам понятны переживания немецкого народа. Но что делаешь — историю не перепишешь». Беседа М.С. Горбачева с канцлером ФРГ Гельмутом Колем. 24 октября 1988 года
Из дневника А.С. Чернышева. 9 октября, 11 октября, 10 ноября 1989 года. **стр. 9**

«Не следует подталкивать развитие к непредсказуемому ходу, к хаосу». Из телефонного разговора М.С. Горбачева с Г. Колем. 11 ноября 1989 года. **стр. 11**

«Воссоединение ФРГ и ГДР не актуальный вопрос». Из беседы М.С. Горбачева с Дж. Андретти. Рим, 29 ноября 1989 года. **стр. 12**

«Зрелище было впечатляющее». Из книги: Горбачев М.С. «В меняющемся мире». **стр. 13**

«Никто не должен рассчитывать, что объединенная Германия уйдет в НАТО». Обсуждение германского вопроса на узком совещании в кабинете генерального секретаря ЦК КПСС. 26 января 1990 года. **стр. 14**

«Нельзя исходить лишь из того, чего хотите вы». Запись беседы М.С.Горбачева с Государственным секретарем США Дж.Бейкером. 18 мая 1990 года. **стр. 16**

«Из нас пытаются сделать заложников происходящего». Запись беседы М.С.Горбачева с президентом Франции Франсуа Миттераном. 25 мая 1990 года. **стр. 18**

«Если бы был сохранен Союз, расширения НАТО на восток не произошло бы». Из книги: Горбачев М.С. «В меняющемся мире». **стр. 20**

«Сила или угроза силой в любой форме должна быть исключена». Из книги: Горбачев М.С. «В меняющемся мире». **стр. 20**

«Устная история окончания холодной войны». Фрагменты из расшифровки серии интервью для совместного проекта Горбачев-Фонда и Гуверовского института. **стр. 21**

«Талантов масштаба Гюнтера Грасса или Генриха Бёлля в ГДР, увы, не появилось». Борис Акунин отвечает на вопросы Ольги Тимофеевой. **стр. 24**

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Александр БИКБОВ. **От неолиберализма к неомеркантилизму.** Поединок эффективности и суверенитета на российских просторах. **стр. 26**

Андрей КОЛЕСНИКОВ (признан в РФ «иноагентом»). **Гибридный тоталитаризм?** Попытка определить режим, в котором пребывает нынешняя Россия. **стр. 32**

Наталья ЧЕРНОВА. **У российского общества тревожно-депрессивное расстройство.** Как травмы прошлых поколений сказываются на потомках? Беседа с психологом Анной Варгой. **стр. 36**

О чем думают в России: социологическая рубрика. Тоска по «Великой Державе». **стр. 42**

НЕОТЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР

«Право на мнение — хребет демократии». Олег Орлов осужден. Но этот политический процесс можно считать выигранным. **стр. 46**

Павел ПОЛЯН. **Труслив и любит безнаказанность.** Заметки о трансформации антисемитизма. **стр. 52**

РИФМЫ: рубрика Александра АРХАНГЕЛЬСКОГО. **Национальный вопрос испортил многих.** **стр. 60**

ЧТО НА ГОРИЗОНТЕ

Кирилл ФОКИН. **Как быть с Московской стеной.** «Национальные государства» невозможны без демократии. **стр. 64**

С. МОНТЕЙН. **Национальный интерес: Гештальт силы и Новое начало.** Эссе. Часть первая. **стр. 68**

Сергей ЗЕНКИН. **Свобода держать ответ.** Как коллективная ответственность связана с восстановлением достоинства страны. **стр. 74**

ДЕМИСТИФИКАЦИЯ

Дмитрий ПРОКОФЬЕВ. **Жестокий дефицит.** Что за экономику «принял» Михаил Горбачев. **стр. 80**

Леонид НИКИТИНСКИЙ. **«Люди с улицы» в судебных процессах.** Как изменялась судьба суда присяжных в современной России. **стр. 86**

Татьяна БРИЦКАЯ. **Волонтеры насилия.** Наследники «Черной сотни» помогают бороться с оппозицией и инакомыслием. **стр. 96**

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

Борис МИНАЕВ. **Милые ж вы мои! Вы кто ж будете?** Почему проблема «возвращенцев» опять стала актуальной. **стр. 102**

Доктор Смех. Он спасает людей от горя и отчаяния. Фрагменты документальной книги Игоря НАРОВСКОГО «Орфей». **стр. 108**

Картинка из «Букваря». **стр. 114**

ГОРБИ
GORBY

МЕНЕДЖМЕНТ МИРА

«Горбачев,
помоги!»

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ ОЗНАЧАЛО РЕАЛЬНЫЙ
КОНЕЦ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ. БЕЗ «НОВОГО
МЫШЛЕНИЯ» ОНО БЫ НЕ СОСТОЯЛОСЬ

От редакции

Большинство анекдотов разных времен о разъединенной немецкой нации касаются бегства восточных немцев в Западную Германию.

Анекдот времен строительства Берлинской стены:

«— Какой у Германии самый великий полководец?

— Вальтер Ульбрихт (с 1950 по 1971 год первый, затем генеральный секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). — Ред.). Он сумел обратить в бегство три миллиона и взял в плен пятнадцать миллионов».

Двадцать с лишним лет спустя:

«Эрих Хонеккер (генеральный секретарь СЕПГ с 1971 по 1989 год, известен фотографией со своим страстным поцелуем с Леонидом Брежневым. — Ред.) после очередной победы Катарины Витт (многократная чемпионка мира, Олимпийских игр и Европы по фигурному катанию в 1980-е годы. — Ред.)

«Горбачев, помоги!»

спрашивает у нее, какую бы она хотела награду от руководства страны.

Витт просит, чтобы генеральный секретарь открыл границу с Западной Германией.

— Правильно ли я вас понял — вы бы хотели, чтобы мы с вами остались одни?»

В аналогичном анекдоте фигурируют уже журналистка и Брежнев: «А, чертовка, ты хочешь, чтобы мы остались одни!»

Разъединение Германии символизировало вхождение мира в холодную войну. Объединение Германии 3 октября 1990-го стало самым ясным сигналом об ее окончании — еще более внятными, чем даже падение Берлинской стены в ночь с 9 на 10 ноября 1989-го.

Новым символом бегства на Запад стал не очередной анекдот, а экстраординарное событие: 27 июня 1989 года министры иностранных дел Австрии Алоис Мок и Венгрии Дьюла Хорн поучаствовали в процедуре «перекусывания» колючей проволоки на границе между двумя странами. За несколько часов границу пересекли 600 восточных немцев, чьей целью было перебраться в ФРГ. Полностью же ограничения на выезд через эту границу были сняты 11 сентября того же года. Граждане социалистической Германии активно голосовали против социализма ногами: за один только 1989-й, по данным самого Горбачева, из ГДР в ФРГ через Венгрию и Чехословакию переместилось

Алоис Мок (слева) и Дьюла Хорн

Фонд Горбачева

Г. Коль и М. Горбачев

350 тысяч человек (по данным канцлера Западной Германии Гельмута Коля, 380 тысяч).

«Нам не нужна никакая единая Германия»

Разделение мира на зоны влияния двух сверхдержав со временем стало казаться привычным и даже естественным. Ядерное сдерживание и внушало страх, и успокаивало одновременно. Мантры об американском империализме и германском реваншизме казались старым, привычным и уютным, ландшафтом советских представлений о реальности, не мешавшим гражданам СССР мечтать о джинсах, жвачке, кока-коле и считать работу за границей самым желанным пиком карьеры.

Никсоновско-киссинджеровские Соединенные Штаты прагматизировали политику — на их импульс брежневский Советский Союз начал отвечать взаимностью. В те же годы канцлер ФРГ

Вилли Брандт начал новую восточную политику, предполагавшую сближение со странами социализма. Московский договор между СССР и ФРГ — висевший на волоске, но все-таки ратифицированный в Западной Германии в 1970-м — знаменовал улучшение отношений между двумя странами. Началась эпоха детанта — разрядки международной напряженности.

В те годы, до них и позже, мало кто задумывался об объединении Германии. Посол Советского Союза в ФРГ Валентин Фалин многократно пытался обсуждать этот вопрос с министром иностранных дел Андреем Громыко. И однажды Громыко самым откровенным образом завершил дискуссию: «Нам не нужна никакая единая Германия, в том числе социалистическая. Вполне хватает единого социалистического Китая».

Из незыблемости факта существования двух немецких государств исходил поначалу и Михаил Горбачев. Эту мысль он подчеркнул в ходе встречи в Москве в июле 1987 года с президентом ФРГ Рихардом фон Вайцзеккером. При этом советский лидер заверил западногерманского президента в том, что советские люди «не спугали немецкий народ с нацистским режимом».

В тот раз едва ли советская сторона придавала серьезное значение фразе фон Вайцзеккера: «Принадлежность немцев к одной нации является, на наш взгляд, двигателем на пути прогресса в Европе, а не источником помех или препятствий».

Та встреча растопила лед в отношениях СССР и Западной Германии. В октябре 1988 года состоялась первая встреча Михаила Горбачева и канцлера Гельмута Коля. Тогда канцлер ФРГ заметил: «Война, насилие уже не являются средством политики. Думать иначе — значит вести дело к концу света».

В июне 1989-го состоялся ответный визит советского лидера в ФРГ. Как вспоминал Горбачев, «нам открылась Западная Германия такой, какой она уже давно стала благодаря демократическим переменам, полному преодолению и общенациональному осуждению нацистского прошлого. Это был отнюдь не «очаг реваншизма».

В

то же время напряглись отношения СССР и ГДР — Эрих Хонеккер не принял перестройку, подозревая, что

Горбачев списывает его со счетов. Тем не менее, как отмечал Валентин Фалин, еще в 1988 году «считалась установочной другая оценка: история решит проблему единства Германии через 50 лет».

Поезд пришел по назначению

Горбачев побывал в начале октября 1989 года на праздновании 40-летия образования ГДР, однако контакты с Хонеккером были прохладными, а приветствовавшие советского лидера толпы молодых людей скандировали «Горбачев, помоги!». Вскоре после этого, в том же месяце, Хонеккер был смещен с поста генерального секретаря — без всякого вмешательства автора перестройки. Пала Берлинская стена, события развивались лавинообразно, и «управлять» ими становилось все сложнее. Помощник генсека Анатолий Черняев записал в своем дневнике 10 ноября 1989-го, наутро после событий: «...тут уже не о «социализме» речь, а об изменении мирового соотношения сил, здесь конец Ялты». 11 ноября Гельмут Коль позвонил Горбачеву: «...мы не хотим дестабилизации в ГДР... Однако руководству ГДР следовало бы в создавшихся условиях действовать динамично».

В январе 1990 года были приняты решения об образовании «шестерки» (СССР, США, Великобритания, Франция и два немецких государства) для обсуждения внешних проблем объединения. Споры по поводу того, как должен называться формат — «4+2» (главенствующая роль четырех держав) или «2+4» (доминирующая роль в переговорах ФРГ и ГДР — эта формула в результате и была зафиксирована как официальная), продолжались, но практического значения для торможения или ускорения объединения уже не имели.

Даже в тот период Михаил Горбачев, как и его коллеги — лидеры ведущих стран Европы, совершенно не стремился форсировать события. В большей степени его волновала возможность перемен внутри ГДР, но роспуск самого восточногерманского государства не считался приоритетом.

«Горбачев, помоги!»

Associated Press

Больше того, Горбачев очень болезненно отреагировал на так называемые «10 пунктов» Гельмута Коля об объединении, изложенные в выступлении канцлера в Бундестаге 28 ноября 1989 года. В третьем пункте Коль предложил «значительно расширить» помощь ФРГ Германской Демократической Республике, если в ГДР будут приняты решения, «гарантирующие

коренные перемены в политической и экономической системе». Среди прочего — «монополия СЕПГ на власть должна быть упразднена». В пятом пункте Коль сообщил о готовности пойти на формирование конфедеративных структур, что предусматривало «в обязательном порядке наличие в ГДР узаконенного демократическим путем правительства».

Встреча в Архызе

Разъединение Германии для Коля означало разъединение Европы, и наоборот: «Будущая архитектура Германии должна стать составной частью будущей архитектуры Европы».

Понятно, что Коль, предваряя объединение, настаивал на минимальной синхронизации развития институтов двух Германий. Горбачев же увидел в этом диктат Западной Германии и чрезмерную спешку, о чем раздраженно сообщил в разговоре 29 ноября 1989 года с итальянским премьером Джулио Андреотти, который не считал столь уж необходимым объединение Германий. В то же время советский лидер выражал недовольство Хонеккером, который опоздал с переменами в ГДР, вызвав крайнее недовольство населения и волну эмиграции в ФРГ.

5 декабря Михаил Сергеевич принял в Москве министра иностранных дел Западной Германии Ганса-Дитриха Геншера и в самых резких выражениях высказал свое недовольствие «10 пунктами» Коля: «ГДР не обойтись без коренных перемен. Но это ее внутреннее дело. Канцлер же Коль, по сути дела, обращается с гражданами ГДР как со своими подданными». На что Геншер деликатно заметил: «То, что сегодня происходит в ГДР, — это не мы устроили... В Бонне меня нередко критикуют за оценки советской политики в Европе. А ведь именно она является причиной происходящего и в ГДР, и в Венгрии, и в других социалистических странах».

И здесь возникает вопрос о взаимозависимости перестройки и процессов, происходивших в Европе. «Винovat» ли Горбачев еще и в «развале» устоявшейся модели разъединенной Германии, или объединение уже не зависело от него? Это как с «бархатными» революциями и уходом стран Центральной и Восточной Европы из тени Большого Брата — произошла комбинация процессов: они объективно шли ввиду закономерной эрозии коммунистического проекта, но и ускорились благодаря горбачевским

перестройке, гласности и новому мышлению.

В начале 1990 года Горбачев еще не мог смириться с идеей вступления объединенной Германии в НАТО. Весной в ходе разнообразных встреч и переговоров говорил о том же. 4 мая Анатолий Черняев, пронципальнейший помощник Горби по международным делам, написал ему записку: «Совершенно очевидно, что Германия окажется в НАТО. И никаких реальных рычагов воспрепятствовать этому у нас нет... если мы сейчас будем «железно стоять», потом это будет выглядеть крупной уступкой». Соотношение сил, добавил Черняев, все равно определяется балансом между СССР и США.

18 мая Горбачев имел беседу с госсекретарем США Джеймсом Бейкером и обсуждал все возможные опции статуса Германии вне НАТО, но при этом даже упомянул вариант вступления в Североатлантический альянс Советского Союза.

О неизбежности вступления объединенной Германии в НАТО президенту СССР говорили в мае Франсуа Миттеран и в июне Маргарет Тэтчер — они не были сторонниками объединения, но реалистически смотрели на стремительно разворачивающиеся события. «Пусть процессы идут так, как они идут», — философски заметил Миттеран, подчеркнув, что объединение немцев уже произошло «в умах». Горбачев продолжал обсуждать разные варианты, но и сам понимал, что эти самые упомянутые французским президентом процессы остановить невозможно.

Именно поэтому, когда тот же Фалин (в то время заведующий международным отделом ЦК), если верить его мемуарам, уже понимая, что объединение неизбежно, к июльскому (1990 года) приезду Коля подготовил записку Горбачеву, где настаивал на том, что в вопросе невступления объединенной Германии в военную организацию НАТО следует стоять «до конца» и вообще это не должно выглядеть «аншлюсом», Горби сказал: «Боюсь, что поезд уже ушел».

В ходе тогдашних переговоров с немецким канцлером 15–16 июля в Архызе было решено, что объединенная Германия как суверенное государство будет иметь право вступать в любые союзы, а значит, и в НАТО, при этом Коль соглашался с тем, что в течение трех-четырёх лет советские войска будут находиться на территории бывшей Восточной Германии. Горбачеву хватило политической мудрости принять новую реальность, ставшую в конце концов одним из следствий его нового мышления. Во время беседы Горбачева с Геншером 12 сентября 1990 года министр иностранных дел выразился очень точно: немцы были разъединены не с 1945 года, а с момента прихода нацистов к власти: «...к единому демократическому государству мы приходим через 57 лет, и отсчет надо вести именно от 1933 года». «Единое демократическое» здесь ключевые слова.

Поезд не ушел, он на самом деле пришел по назначению, и договор об объединении ФРГ и ГДР, подписанный 30 августа 1990 года, а также советско-германский договор о добрососедстве и сотрудничестве, подписанный в Бонне 9 ноября 1990 года, открывали новую эру, соответствующую гуманистическим идеям нового мышления. Выступая на церемонии подписания советско-германских документов, Горбачев говорил не только о Германии, которая утвердила себя «как сильная, динамичная и равноправная величина в семье всех европейских народов», что произошло благодаря «новой политической категории... — доверию», но и о своей стране. Были сказаны очень важные слова: «И вы, и мы присягнули общечеловеческим ценностям». Общечеловеческим, универсальным, а не «традиционным», которые всегда разъединяли народы, а не объединяли их: «Немцы и Россия, Германия и Советский Союз больше не потенциальные военные противники. У них вообще нет в Европе мыслимых противников».

Это то, чего добился Михаил Горбачев. Это то, что означало объединение Германии, которого хотели народы ФРГ и ГДР, — никакой «аннексии» Восточной Германии, как это представлено теперь в «едином» учебнике Мединского и Торкунова, не было. Это был объективный процесс, который невозможно было остановить, а не субъективное решение или сговор отдельных лидеров — воссоединились, прежде всего, люди, а уже потом государства. Это был конец (правда, как выяснилось спустя десятилетия, лишь временный) мышления «зонами влияния». Процесс объединения — наследие нового мышления, которое не убергли и растранижили следующие поколения политиков.

«Мне не хотелось бы сейчас теоретизировать по поводу понятия нации»

Из беседы М.С. Горбачева с президентом ФРГ Рихардом фон Вайцзеккером

Москва, 7 июля 1987 года

Р. фон ВАЙЦЗЕККЕР. <...> Для меня было весьма поучительно услышать от вас, г-н генеральный секретарь, что советский народ даже в самые тяжелые периоды войны проводил различия между немецким народом и господствовавшим тогда в Германии режимом. Немцы, как и все народы, живут сознанием своей истории, приверженностью к своему прошлому естественно, его позитивным главам.

В этом смысле мне было весьма интересно то, что вы сказали во время недавнего пребывания в СССР премьер-министра Англии М. Тэтчер. Вы заявили, что нация, которая не уважает свою историю, ставит под вопрос свое будущее. Это как нельзя лучше относится к немцам. Мы живем в двух разделенных государствах, принадлежим к двум оборонительным союзам, к двум противоположным общественным системам и исповедуем две различные идеологии. Но являясь одной нацией, мы в состоянии эффективно служить делу мира и сотрудничества в Европе. Принадлежность немцев к одной нации является, на наш взгляд, двигателем на пути прогресса в Европе, а не источником помех или препятствий.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Мне не хотелось бы сейчас теоретизировать по поводу понятия нации в данной связи. Сейчас важен политический аспект. Есть два немецких государства с различным социально-политическим строем. У них свои ценности. Оба они

извлекли уроки из истории, и каждое может вносить свой вклад в дела Европы и мира. Но нельзя не видеть, что то, что находится за пределами этих элементов, не может не вызывать озабоченности в Польше, Чехословакии, Советском Союзе, а также и в ГДР. Я имею в виду то, чем в ФРГ окружают эти элементы.

Р. фон ВАЙЦЗЕККЕР. Тогда уже надо говорить об озабоченности во Франции, Дании, у других наших соседей.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Этой озабоченности может не быть, например, в Бразилии и Аргентине, хотя и там тоже проживает немало немцев.

Р. фон ВАЙЦЗЕККЕР. У нас очень много соседей. История никогда не принадлежала одним немцам. Немцы отдают себе отчет в том, что им нужно жить в мире и согласии со своими соседями, а не порождать в них озабоченность и тревогу.

Вы знаете, что, например, отношения между ФРГ и Францией в послевоенный период проделали большую эволюцию и достигли сейчас безукоризненного, на наш взгляд, уровня. А ведь на протяжении столетий Германия и Франция постоянно вели друг с другом кровопролитные войны. Сейчас все складывается к всеобщему удовлетворению и благополучию. Правда, это не помешало одному из видных французских политиков сказать, что он так сильно любит немцев, что ему нравятся два немецких государства, а не одно.

Так или иначе, но чувство принадлежности к одной нации не мешает нам развивать хорошие отношения со своими соседями. Мы отдаем себе отчет в масштабности будущего политического строительства в Европе. Для того чтобы отношения были хорошими, должна существовать возможность для откровенного и доверительного обсуждения всех проблем.

Мы не хотим нарушать или изменять европейские границы. Однако нам бы очень хотелось, чтобы межгосударственные границы утратили свой разъединяющий людей характер. Тот факт, что пока такое разъединение существует, побуждает нас к проведению линии на интенсивное развитие добрососедских отношений ФРГ со всеми государствами. Мы надеемся, что в таком стремлении нет ничего предосудительного. При взаимности, при встречных шагах со стороны наших партнеров границы начинают утрачивать роль преграды между народами. Наши отношения с Францией являются тому примером.

«Нам понятны
переживания немецкого
народа.
Но что поделаешь —
историю не перепишешь»

Беседа М.С. Горбачева
с канцлером ФРГ Гельмутом Колем

24 октября 1988 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. <...> Сначала о самых болезненных реальностях, которые сложились после войны. Не может быть двух мнений: мы — за хорошие отношения с двумя германскими государствами на здоровой и долговременной основе. У нас союзнические отношения с ГДР. И мы ведем линию на то, чтобы были добрые отношения с ФРГ. Что касается советско-западногерманских отношений, то, как я уже говорил, самый трудный период остался позади. Это создает предпосылки к тому, что мы можем выйти на новый уровень отношений. И в ФРГ в широких массах происходят позитивные изменения по отношению к СССР.

Г. КОЛЬ. Да, вы правы.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Это очень важно. Теперь о других реальностях, которые оставила война. Должен сказать, что нам понятны переживания немецкого народа. Но что поделаешь — историю не перепишешь. В интервью «Шпигелю» я не зря вспомнил беседу с хозяином бензоколонки под Франкфуртом-на-Майне. Она сидит во мне.

Но история так распорядилась, что сложились эти реальности.

И то, как вы подметили, что Московский и другие договоры — реальности. Это тоже реальность.

В духе той же откровенности скажу. Когда говорят, что, мол, вопрос объединения открытый, когда хотят его решать на уровне политического мышления 40–50-х годов, это вызывает реакцию не только у нас, но и у ваших соседей на Западе. С одной стороны, признаются реальности, а с другой — все время реанимируется прошлое. И это есть не только в обществе. У политиков тоже ностальгия. И не только мы это видим.

За этим столом много нас проверяли — представители Востока и Запада, — какова позиция Советского Союза. И возникал вопрос о доверии. Можно ли доверять правительству, если оно сохраняет претензии к своим соседям, а не только недоволен итогами войны?

Г. КОЛЬ. Это не одно и то же.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Господин канцлер, у всех есть понимание проблемы разделенных семей и многого другого. Но есть реальности.

*Михаил Горбачев и германский вопрос.
Сб. документов. 1986–1991. М.: Весь мир, 2006. С. 132–133.*

Из дневника А.С. Черняева

9 октября 1989 года

Европа вся в восторге от М.С. в Берлине. И многие «на ушко» нам шепчут: хорошо, что СССР высказался, хотя и деликатно, против «воссоединения Германии» сейчас.

Загладин (*помощник Горбачева. — Ред.*) только что объездил всю Францию. С кем только не встречался — от Миттерана до мэров. Завалил Москву шифровкой о своих беседах. И все в один голос — одна Германия никому не нужна. А Аттали (*советник президента Франции Ф. Миттерана. — Ред.*) заговорил с ним о восстановлении серьезного советско-французского союза (включая военную интеграцию — через камуфляж — использование армии в борьбе со стихийными бедствиями).

...NB! Тэтчер... в разговоре с М.С. ...вдруг попросила «не записывать». Решительно против «объединенной Германии». Но я, мол, не могу этого сказать ни у себя дома, ни в НАТО.

В общем, нашими руками хотят это предотвратить.

11 октября 1989 года

Читал запись беседы М.С. с Хонеккером в Берлине. Зашел об этом разговор с ним. Был Шахназаров (*советник Горбачева. — Ред.*). М.С. назвал Хонеккера м...ком.

Мог бы сказать своим: четыре операции перенес, 78 лет, требуется много сил в такой бурный период, отпустите, я свое дело сделал.

Тогда, может, остался бы в истории.

Мы с Шахом усомнились, что он, сделав это сейчас, останется в истории. Два-три года назад куда ни шло! Сейчас он уже проклят народом.

Михаил Горбачев и германский вопрос.

Сб. документов. 1986–1991. М.: Весь мир, 2006. С. 215–216.

10 ноября 1989 года

Рухнула Берлинская стена. Закончилась целая эпоха в истории «социалистической системы».

За ПОРП и ВСРП пал Хонеккер. Сегодня пришло сообщение об «уходе» Дэн Сяопина и Живкова. Остались «наши лучшие друзья»:

Кастро, Чаушеску, Ким Ир Сен, ненавидящие нас яро.

Но ГДР, Берлинская стена — это главное. Ибо тут уже не о «социализме» речь, а об изменении мирового соотношения сил, здесь конец Ялты, финал сталинского наследия и разгрома гитлеровской Германии...

Вот что «наделал» Горбачев. Действительно, оказался велик, потому что учуял поступь истории и помог ей войти в «естественное русло».

Михаил Горбачев и германский вопрос.

Сб. документов. 1986–1991. М.: Весь мир, 2006. С. 246.

«Не следует подталкивать развитие к непредсказуемому ходу, к хаосу»

Из телефонного разговора
М.С. Горбачева с Г. Колям
11 ноября 1989 года

(Беседа состоялась
по просьбе Г. Коля)

Г. КОЛЬ. <...> Хотел бы подчеркнуть, что мы приветствуем начало реформ в ГДР.

При этом мы хотим, чтобы они осуществлялись в спокойных условиях. Я, в частности, отвергаю какую бы то ни было радикализацию в любой форме. Я говорил об этом в течение последних дней и вчера в Берлине.

Мы хотим, чтобы люди в ГДР оставались дома, и не стремимся к тому, чтобы все жители ГДР выехали в ФРГ. И отнюдь не потому, как утверждают некоторые, что мы не смогли бы решить возникшие в этом случае проблемы — так, в этом году в ФРГ из ГДР уже переселились 230 тыс. человек, и все они устроены. Однако массовое переселение в ФРГ было бы абсурдным развитием — мы хотим, чтобы немцы у себя дома строили свое будущее.

Хотел бы с поправкой на предварительный характер этих данных проинформировать вас также о том, что, по оценке на 12 часов сегодняшнего дня, сотни тысяч людей пересекли границу ГДР. Однако есть впечатление, что большинство из них — просто посетители и не имеют желания остаться в ФРГ. Число же тех, кто хочет переселиться в ФРГ на постоянное жительство, гораздо меньше, чем этого можно бы опасаться. Я недавно говорил о том, что мы не хотим дестабилизации положения в ГДР. Сейчас я по-прежнему стою на этой точке зрения. Я не знаю, в каком объеме господин Кренц (*генсек СЕПГ, сменивший на этом посту Хонеккера. — Ред.*) действительно планирует осуществление реформ. Однако руководству ГДР следовало бы в создавшихся условиях действовать динамично.

Вновь хотел бы сказать, что очень ценю ваше обращение ко мне в связи с этими событиями. На следующей неделе, сразу после возвращения из Польши, хотел бы, если вы не возражаете, еще раз позвонить вам, с тем чтобы обсудить актуальное развитие. <...>

М.С. ГОРБАЧЕВ. Хорошо. Вспоминаю, как мы в общефилософском плане обсуждали проблемы отношений между нашими народами, в целом развитие в Европе. Как видите, г-н канцлер, это обсуждение не было просто упражнениями в риторике. В мире идут глубокие перемены. Это относится и к восточноевропейским странам.

Еще один пример тому — начало процесса перемен в Болгарии. Причем преобразования идут даже быстрее, чем еще недавно можно было предполагать.

Конечно, в различных странах перемены могут идти по-разному, осуществляться в разных формах, достигать различной глубины.

При этом, однако, необходимо, чтобы сохранялась стабильность, чтобы все стороны действовали взвешенно.

В целом, я думаю, основа для взаимопонимания улучшается. Мы становимся ближе друг к другу. А это очень важно.

И с этой точки зрения, как очень важные шаги, я оцениваю то, что вы сделали вчера и о чем вы говорили сегодня. Мне думается, что программа у нынешнего руководства ГДР будет далеко идущей. Они сейчас ее обдумывают и в том, что касается обеспечения демократии, свободы, и в том, что касается форм хозяйственной жизни страны. Однако все эти вопросы требуют глубокой проработки, а для этого нужно время.

Я, в частности, советовал Кренцу, чтобы руководство республики проводило подготовку реформ, внимательно учитывая настроения в обществе, на основе широкого диалога с общественными силами, общественными движениями в стране.

Я понимаю, что за событиями в ГДР сейчас следят все европейцы, и не только европейцы. Это очень важный пункт мировой политики.

Но факт и то, что нас с вами — ФРГ и Советский Союз — развитие здесь интересует в большей степени как вследствие истории, так и в силу характера наших нынешних отношений.

В общем, можно было бы сказать, что образуется своего рода треугольник, в котором все должно быть продумано и сбалансировано. Думаю, что наши нынешние отношения позволяют все это сделать так, как надо.

Конечно, всякие перемены — это определенного рода нестабильность. Поэтому, когда я говорю о сохранении стабильности, я имею в виду, чтобы мы со всех сторон делали продуманные шаги по отношению друг к другу. Мне думается, г-н канцлер, в настоящее время происходит исторический поворот к другим отношениям, к другому миру.

И нам не следовало бы неуклюжими действиями допустить нанесения вреда такому повороту. Тем более форсированием событий подтолкнуть развитие к непредсказуемому ходу, к хаосу. Это было бы во всех отношениях нежелательным. Поэтому я очень всерьез принимаю то, что вы сказали мне в этом нашем разговоре. И я надеюсь, вы используете ваш авторитет, политический вес и влияние для того, чтобы и других удерживать в рамках, адекватных времени и его требованиям.

Г. КОЛЬ. Г-н Генеральный секретарь, только что завершилось заседание правительства ФРГ. Если бы вы на нем присутствовали, вы бы, возможно, удивились, как совпадают наши оценки. Этот исторический час требует соответствующей реакции, исторических решений. В немецком языке есть очень важное понятие «глазомер». Оно означает и чувство меры, и способность при планировании действий учитывать их возможные последствия, и чувство личной ответственности. Хотел бы заверить вас, что я особенно остро осознаю свою ответственность. <...>

Возвращаясь к оценке ситуации в ГДР, хотел бы заметить, что, на мой взгляд, главная проблема сейчас лежит в области психологии.

Курс Хонеккера, который до конца отвергал любые реформы, поставил в весьма затруднительное положение новое руководство ГДР.

«Команда» Кренца вынуждена действовать под поистине чудовищным давлением времени, и в этом мне видится главная проблема. Вы правы, для выработки и осуществления реформ нужно время. Но как это разъяснить жителям ГДР?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Думаю, что основательность, которая присуща немцам и в той, и в другой стране, поможет глубоко проработать все возникающие вопросы и выйти на далеко идущие процессы и преобразования. <...>

«Воссоединение ФРГ и ГДР не актуальный вопрос»

Из беседы М.С. Горбачева с премьером Италии Дж. Андреотти

Рим, 29 ноября 1989 года

М.С. ГОРБАЧЕВ. <...> Теперь о германском вопросе. Вы в Западной Европе в отношении него очень деликатны. Даже Миттеран, когда его спросили об этом после беседы с Колем, сказал, что он вроде бы в целом, мол, позитивно смотрит на перспективу воссоединения Германии. И только потом начал уточнять, корректировать, нюансировать.

Никто из западных европейцев не хотел прямо высказываться по этому вопросу. Выжидали: пусть об этом скажет Горбачев. И я сказал, что две Германии — это реальность, и именно так мы смотрим на них. Оба эти государства — члены ООН, появились они на определенном этапе истории, после известных событий, и с этим надо считаться. Кстати, господин Андреотти, вашу позицию по этому вопросу я знаю и ценю.

Если мы начнем пересматривать итоги войны, то сразу встанет вопрос: как быть с границами? Это очень опасный путь. Пусть Европа развивается, пусть мир движется вперед, и будущий мир даст ответ на этот вопрос. Я прямо сказал: воссоединение ФРГ и ГДР не актуальный вопрос.

Дж. АНДРЕОТТИ. Это абсолютно верно.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Если мы поддадимся подобным настроениям, то все окажемся втянутыми в ловушку. Так что пусть наш друг Коля не суетится, а то я вижу, что накануне выборов у него появляется соблазн поиграть на реваншистской нотке.

Дж. АНДРЕОТТИ. Прежде всего я хочу подчеркнуть, что полностью согласен с вашей мыслью о том, что ни Восток, ни Запад не обладают абсолютной истиной, к которой должна приспособляться другая сторона. <...>

Поэтому, оценивая происходящее в социалистических странах, мы прекрасно понимаем, что речь не идет о том, чтобы они перешли в «западную веру». Пусть выбирают тот путь, который принесет для них лучшие результаты. В сугубо доверительном плане хочу рассказать вам о следующем. Когда в Польше начались известные процессы, папа римский сказал мне: самой серьезной вашей ошибкой будет, если вы решите, что это контрреволюция, которая сметет все, что уже создано. И это была очень справедливая мысль.

Теперь что касается Германии. Я не раз говорил, в том числе и недавно в парламенте, что это одна нация, но два государства. Это наша твердая, даже очень твердая позиция. Полностью согласен с вашим справедливым замечанием о том, что никто из нас не может предугадать, что же в конце концов случится в будущем. В конце этой недели будут встречаться главы правительств и руководители христианско-демократических партий тех из двенадцати европейских стран, в которых они находятся у власти. И мы собираемся очень откровенно поговорить на этот счет с Колем. Если быть абсолютно точным, то и Миттеран никогда прямо не говорил о воссоединении Германии.

В ФРГ есть сейчас, конечно, и предвыборные расчеты. Правительство опасается усиления республиканцев — крайне правой партии.

Отсюда и всякого рода импровизации типа вчерашнего выступления Коля в бундестаге. Но мы, конечно, не будем мешать развитию отношений между двумя германскими государствами, в том числе экономических. Они, кстати, существуют уже давно.

Хотел бы задать вам один вопрос. В чем причина столь стремительного развития событий в ГДР? Сначала манифестация в Лейпциге, Дрездене, а затем вдруг такие быстрые перемены, вся эта история со «стеной». Скажу прямо: мы оказались не подготовлены к такому развитию событий. <...>

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я долго размышлял на следующую тему. Ведь если взять только развитые страны Запада, то и они очень разные. Между собой, даже внутри ЕЭС. И у нас, несмотря на ту модель социализма, которая раньше использовалась, страны тоже разные. И меняются они по-разному. Некоторые уже вышли на многопартийность, многоукладность форм собственности. Поэтому сегодня многовариантность в развитии каждой системы — это факт...

Дж. АНДРЕОТТИ. Пользуясь тем, что мы пока беседуем в узком составе, хочу вновь вернуться к вопросу о том, была ли какая-то конкретная причина столь стремительного развития событий в ГДР?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Пожалуй, такая причина есть. Руководство ГДР на протяжении многих лет держало общество в состоянии мобилизации из-за противостояния с ФРГ. И это тоже сработало. Когда у нас начались перемены, им надо было делать то же самое: открывать возможности для того, чтобы люди могли реализовать себя, находить более адекватные времени формы, в том числе что касается связей с ФРГ. Но Хонеккер считал себя хранителем священного огня. А то, что делали другие, рассматривал чуть ли не как предательство, как сдачу позиций под давлением Запада. Общественное сознание требовало перемен, а политическое руководство не реагировало.

По очень настоятельной просьбе Хонеккера я был на праздновании 40-летия ГДР и был поражен, насколько сильны требования перемен в самых разных слоях общества... Там было двухчасовое факельное шествие, в котором участвовали люди из разных округов.

И ведь это был в основном партийный актив. Когда они проходили перед трибуной, они кричали: «Горбачев, оставайся у нас». А я в этот момент стоял рядом с Хонеккером. Это была просто драма. Речь, с которой я там выступил, была сдержанной, дифирамбов в ней не было. <...>

Действительно, те перемены, которые происходят сейчас в различных странах, рождены внутренними процессами и стимулами, а раз так, то это гарантирует жизненность перемен. Попытаться подтолкнуть с той или иной стороны — значит только погубить дело. В ГДР политическое руководство отстало от процессов, происходящих в обществе, а когда начались перемены, это выплыло наружу. И, наверное, это еще только начало.

«Зрелище было впечатляющее»

Из книги: Горбачев М.С.
В меняющемся мире.
М.: АСТ, 2018. С. 110–113.

«О сенью 1989 года обстановка в ГДР стала, без преувеличений, взрывоопасной.

Большие группы граждан покидали страну, по существу, шло массовое бегство в ФРГ через Венгрию и Чехословакию, которые открыли свои западные границы. В крупнейших городах Германии люди вышли на улицы, волнения приобретали массовый характер. Демонстрации были мирными, но нельзя было исключать срыва в насилие, провокаций с неконтролируемыми последствиями.

Некоторые влиятельные силы и в СССР, и в ГДР выступали за решительное «наведение порядка».

В сентябре возник вопрос о моей поездке в Берлин на празднование 40-летия образования ГДР. Не ехать было нельзя, хотя я понимал, что поездка будет нелегкой.

ГДР сыграла свою роль в преодолении немцами нацистского прошлого, в ликвидации последствий войны, в изменении отношений между немцами и русскими. У страны были реальные достижения. Но люди, стоявшие во главе ее, и прежде всего Эрих Хонеккер, отвергали любые серьезные перемены, категорически отказывались от демократизации. Хонеккер даже решил в качестве «истинного представителя родины марксизма» возглавить ортодоксальную оппозицию Горбачеву в социалистическом содружестве.

Тем временем недовольство людей существующими порядками, атмосферой в стране нарастало, и это привело к кризису.

Во время поездки в Берлин я почти физически ощутил это недовольство, напряженность атмосферы, когда стоял на трибуне, мимо которой шли колонны берлинцев и праздничные колонны из других городов.

Зрелище было впечатляющее. Играют оркестры, бьют барабаны, лучи прожекторов, отблеск факелов, а главное — десятки тысяч молодых лиц. Участники шествия, как мне говорили, заранее тщательно отбирались. Это были активисты Союза свободной немецкой молодежи, молодые члены партии. Тем показательнее было их поведение. Они скандировали: «Перестройка!», «Горбачев, помоги!».

Люди недвусмысленно демонстрировали стремление к переменам, солидарность с нашей перестройкой и одновременно — явное пренебрежение к Хонеккеру, с которым я стоял рядом. Премьер Польши Раковский, хорошо знавший немецкий язык, переводил мне надписи на транспарантах, которые несли люди. «Вы понимаете, что происходит? — спросил он меня. — Они кричат: «Горбачев, спаси нас еще раз». Это же актив партии! Это конец, Михаил Сергеевич». Я не мог с ним не согласиться. И последующие события подтвердили, что это действительно так.

Демонстрации не прекращались, становились многотысячными, нарастали протесты и политические требования — от свободы выезда, свободы слова, роспуска существующих органов власти до воссоединения Германии. Режим ГДР лавинообразно утрачивал позиции.

И поэтому падение Берлинской стены не было для нас неожиданностью. То, что оно произошло именно 9 ноября 1989 года, во многом было результатом стечения обстоятельств, неразберихи и конкретных действий и заявлений запутавшихся в ситуации руководителей ГДР, но так или иначе шоком это уже не могло быть. Мы были готовы к такому развитию событий.

В складывающихся условиях советское руководство прежде всего исключило применение силы, использование расположенных в ГДР советских войск. Им был отдан приказ: оставаться в казармах, не вмешиваться. В то же время мы сделали все возможное, чтобы процессы развивались в мирном русле, не нарушая жизненных интересов СССР, не подрывая мира в Европе».

picture-alliance / dpa

Колона выезжающих из ГДР

«Никто не должен рассчитывать, что объединенная Германия уйдет в НАТО»

Обсуждение германского вопроса на узком совещании в кабинете Генерального секретаря ЦК КПСС

26 января 1990 года

(Присутствовали: ГОРБАЧЕВ, РЫЖКОВ, ШЕВАРДНАДЗЕ, КРЮЧКОВ, АХРОМЕЕВ, ЧЕРНЯЕВ, ШАХНАЗАРОВ, ЯКОВЛЕВ, ФАЛИН, ФЕДОРОВ)

ГОРБАЧЕВ. Мы сейчас с ГДР как со своим Азербайджаном: не на кого опереться, не с кем иметь доверенных отношений. А если и можно с кем-то договариваться, это не имеет решающих последствий. Даже Модров (*последний коммунистический глава правительства ГДР. — Ред.*) отваливает из СЕПГ. Не важно, что он искренний наш друг. Нет реальных сил в ГДР.

Следовательно, на процесс мы можем воздействовать только через ФРГ. И здесь перед нами выбор: Коль или СДПГ. Социал-демократы — при всех успокаивающих заявлениях и клятвах Брандта и его коллег — ринулись использовать ГДР в предвыборной борьбе.

Брандт — уже председатель Объединенной СДПГ. Видные члены этой партии готовы баллотироваться в Народную палату, отказаться от членства в бундестаге и вернуться на родину — в Восточную Германию, где большинство из них родились. Стремятся объехать ХДС на этом.

Мы можем на этом сыграть. Надо пригласить Коля и сказать ему: смотри, что делается, и ты тоже в эту игру играешь и можешь проиграть. У социал-демократов в ГДР больше шансов, чем у тебя. Мы же не смотрим на германскую проблему через ваши избирательные очки, мы смотрим в европейском и мировом контексте. Так же видят ее твои союзники по НАТО. И ты знаешь разницу между тем, что они говорят публично, и тем, что они думают.

Так вот. Мы тебе, дорогой Гельмут, предлагаем тоже всерьез встать в германских делах на европейскую точку зрения — на деле, а не только на словах.

Конкретно, что это означает: в ГДР — наши войска, в ФРГ — натовские войска. Это реальный факт, вытекающий из правовых итогов войны, установленных победителями. И это утверждает право четырех держав участвовать в германском процессе. Тебе, и особенно Брандту, не нравится, что среди победителей — Франция («почетный победитель», как вы иронически ее называете). Хорошо. Но она сейчас — другая реальность, чем в 1945 году. И давай соберем не «4», а «5» — с твоим, Коль, участием. И определимся в правах немцев и в правах остальных.

ЧЕРНЯЕВ. Михаил Сергеевич, по-моему, надо собирать не «5», а «6» — четырех от победителей и двух от немецких государств.

Горбачев. Давайте это обсудим. Продолжаю. Главное, на что никто не должен рассчитывать, что объединенная Германия уйдет в НАТО.

Наличие наших войск этого не позволит. А убрать их мы можем, если американцы тоже уберут свои войска. А они этого долго еще не сделают. И с этим Колю придется считаться, как и с тем, что на то, чтобы экономически съест ГДР, потребуется несколько лет. Так вот. Эти годы — и в нашем, и в вашем распоряжении. Давайте разумно их используем.

И подготовимся к Общеευропейской встрече на высшем уровне 1990 года.

Акция с «5» или «6» по нашей инициативе возвращает нас на роль активных и неустрашимых участников германского урегулирования.

Это выгодный ход.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Михаил Сергеевич, для Коля сейчас главный вопрос — о «договорном сообществе», которое ведет к конфедерации ФРГ–ГДР. Нам не надо включаться в дискуссию о воссоединении.

Не наше это дело. Пусть ГДР выступает с инициативами. А о войсках вести разговор только с Соединенными Штатами. Я против «института», в котором будут четыре победителя. Это значит, что натовцы там будут хозяевами положения.

КРЮЧКОВ. Дни СЕПГ сочтены. Это не рычаг и не опора для нас. Модров — фигура переходная, держится за счет уступок, а уступить скоро будет нечего. Стоит обратить внимание на СДП ГДР.

Наш народ боится, что Германия опять станет угрозой. Она никогда не согласится с нынешними границами.

Постепенно надо начинать приучать наш народ к воссоединению Германии. Наши войска в ГДР — фактор общеευропейского процесса. Необходимо активно выступать в поддержку наших друзей — бывших сотрудников КГБ и МВД в ГДР.

ЯКОВЛЕВ. Надо, чтобы Модров вмонтировался в СДП и возглавил ее восточную часть. Наши войска в ГДР Америке нужны больше, чем нам самим. Хорошо, если бы Модров выступил с программой воссоединения — без предрассудков, исходя из реальностей, а мы бы его активно поддержали. Этим мы завоюем симпатии немецкого народа. И при этом надо сослаться на то, что за единую Германию мы выступали с самого 1946 года. А условия? Нейтрализация, демилитаризация. Будет сопротивление со стороны Англии, Франции, малых европейских государств. Ставим в ситуацию раздумья Соединенные Штаты. А мы можем сидеть на горе и сверху смотреть на схватку. Что же касается отношения нашего народа, то ведь сам Сталин сразу после войны выступал за сохранение единой Германии. Во всяком случае, дальше просто наблюдать нам нельзя.

ФЕДОРОВ. Это будет на руку реваншистским силам. По моим данным, в Западной Германии не хотят объединения сейчас. Модров выдвинул идею референдума в ГДР, но после 6 мая.

РЫЖКОВ. Надо реально смотреть на процесс. Его не остановить. Сейчас все дело в тактике, потому что ГДР нам не сохранить. Все барьеры уже снесены. Экономика ее разносит. Все государственные институты распущены. Сохранить ГДР — дело нереальное. Конфедерация — да. Но мы должны выдвинуть условие для конфедерации. Неправильно отдавать все Колю. Если будет так, то Германия через 20–30 лет развяжет третью мировую войну.

ГОРБАЧЕВ. Процесс и у нас, и в Восточной Европе — это объективный процесс. И он уже очень перегрет. Там, где этот процесс затронул более прочные звенья: ГДР, Чехословакия, Румыния, — там рвануло сильнее. Урок нам: поспевать, не отставать, все время иметь перед глазами реальность.

Народ — даже при той очень большой критике, которую он слышит, — на перестройку не посягает. Скорее не приемлет противников перестройки. Наше общество — наиболее прогнившее из всех ему подобных. И ничто его не спасет. Мы сами начали его

преобразовывать. И надо дальше так держать, идти вперед, не терять инициативы.

Топтание губительно.

Был Брестский мир № 1, теперь мы в ситуации «Брестского мира» № 2. Если не справимся, нам грозит... что отхватят опять полстраны. Очень важно это понимать. Общество очень идеологизировано, и поэтому реальные процессы нас обгоняют. А партия никак не может обновиться.

Конечно, выделить ГДР приходится. Это особый случай. Это не Румыния. Чехословакия, Болгария, Венгрия в нас заинтересованы.

Они переболеют, но не смогут далеко уйти. Польша — особый случай. И совсем особый случай — ГДР. В Польше остался сильный частный сектор. Сельское хозяйство, по существу, частное. Но Польша и экономически, и политически, и исторически зависит не

от нас. Не надо пугаться Мазовецкого (тогдашний премьер-министр Польши) и его претензий. Мы ведь полякам зря ничего не давали. И ведь мы оказались у них в долгах. Пока в ходе перестройки отношения с польским народом у нас не ухудшились.

Остается самый трудный пункт — ГДР. Ибо она может уйти: есть ФРГ, и есть Европейское сообщество, к которым она давно привязана. Для нас есть еще моральный фактор — реакция советского народа. Я бы поставил на то, чтобы выиграть возможно больше времени. Самое главное сейчас — растянуть процесс, какова бы ни была конечная цель (воссоединение). Надо, чтобы к этой цели привыкли и немцы, и Европа, и в СССР.

Стратегия такая. Вся Западная Германия ведь заинтересована не терять связи с нами. Мы ей нужны, и она нам нужна. Но не абсолютно. Разве нам не нужны Франция, Англия? Так считать было бы большой ошибкой. Мы нужны немцам. Это, в свою очередь, заставляет нас считаться с такой зависимостью. Деловые круги не хотят хлебников. В ФРГ — 58 млн, в ГДР — 16 млн. Франция не хочет объединения. Англия боится оказаться на задворках. Все эти моменты мы должны учитывать.

Итак, основные пункты стратегии:

- 1) отношения с великими державами по этой проблеме;
- 2) Венский процесс (переговоры об обычных вооружениях и вооруженных силах в Европе);
- 3) мы и СЕПГ;
- 4) мы и ФРГ;
- 5) мы и ГДР.

Не отказываться от позиции победителей. Выдвинуть идею «4+2». Но сначала договориться с Францией. Может быть, мне съездить в Париж?

Канализировать германский вопрос в Венский процесс. По проблеме войск в Европе держаться так, чтобы не показалось, что мы просто уходим в год 50-летия Победы. Наличие войск в Германии тесно связать с Венским процессом.

И Колю сказать — не лезь. По этой части мы можем договориться со всеми. С ФРГ сохраняется потенциал особых отношений: и с нею, и с ГДР. На этом надо настаивать. Есть взаимные интересы, есть база для взаимопонимания.

Мы и СЕПГ. Там сейчас эйфория в отношении СДПГ. Но забыли, что здесь куча проблем — и европейских, и германских. Не ставить крест на СЕПГ. Там все-таки 2 млн членов. Пусть теперь осталось 700 тыс. Списывать их совсем было бы неразумно. Будет выкристаллизовываться какая-то левая сила. Послушаем Гизи.

Другие соцстраны. Надо с ними работать. Они все же союзники. Если мы их бросим, их подберут.

Идее выиграть время отвечает предложение о «договорном сообществе» с конфедеративными чертами.

Будем сдерживать тех, кто очень торопится.

Какие ближайшие шаги?

1. Принять в Москве Модрова 2 февраля, а потом Гизи. Тут у нас моральные обязательства.

2. Коля принять после Бейкера и сразу после Модрова. А потом Модрова проинформировать о беседе с Колем.

3. Выстроить идеи для разговора с Колем на основе бесед с Бейкером и с Модровым.

4. Проинформировать Тэтчер сразу после встречи с Модровым.

5. Миттерану написать письмо.

Вопрос, когда менять послов?

ШЕВАРДНАДЗЕ. Это центральный вопрос.

ГОРБАЧЕВ. Поручения:

— пропагандистское обеспечение процессов в Восточной Европе (Яковлев, Фалин, Федоров);

— интервью Горбачева о воссоединении Германии после встреч с Модровым и Колем;

— не исключать моего краткого визита — на один день в Лондон и на один день в Париж;

— Ахромееву готовиться к выводу войск из Германии. Колю и Модрову разъяснить «экономическую незащищенность» ГДР.

В ходе обсуждения развернуто выступали также **ФАЛИН, ШАХНАЗАРОВ, ФЕДОРОВ, АХРОМЕЕВ, ЧЕРНЯЕВ.**

Запись сделана сразу после заседания, стенограмма которого (даже протокол) не велась. Запись неполная. Однако за аутентичность зафиксированного в записи сделавший ее ручается.

Запись А.С. ЧЕРНЯЕВА

«Нельзя исходить лишь из того, чего хотите вы»

Запись беседы М.С. Горбачева
с государственным секретарем США
Дж. Вейкером 18 мая 1990 года.

(Беседа началась в узком составе с участием Э.А. Шеварднадзе)

<...>

М.С. ГОРБАЧЕВ. <...> Вы — человек ясных суждений, и я ценю это. И поэтому буду говорить с вами ясно и откровенно. Возьмем Восточную Европу. Все происходящее там сейчас соответствует тому, о чем мы с вами раньше говорили. И я надеюсь, вы видите, что мы строго следуем в своих действиях тому, что я тогда заявлял вам. В то же время у меня есть данные о том, что вы в своей политике стремитесь отделить восточноевропейские страны от Советского Союза.

Или возьмите вопрос объединения Германии. Ваша позиция на этот счет противоречива. Я не знаю, чем она питается. Может быть, вы боитесь объединения Европы? Я не раз говорил и здесь, и в Европе, и могу подтвердить сейчас: мы понимаем необходимость присутствия — не обязательно военного — Соединенных Штатов во всех европейских процессах. Вы можете из этого исходить. Но вот вы говорите: обе Германии являются миролюбивыми, демократическими странами, и нет оснований видеть какую-то опасность в происходящем. Вы говорите, что мы преувеличиваем опасность. Но ведь я говорил президенту Бушу: если это так, если вы не считаете это важным фактором, то почему не согласиться с тем, чтобы объединенная Германия была членом Варшавского договора?

Или другое: вы говорите, что немцам можно доверять, что они доказали это. Но если это так, то зачем включать Германию в НАТО? Вы отвечаете, что если Германия не будет в НАТО, то это может создать проблемы в Европе. Выходит, вы не доверяете Германии.

Я бы понял вас, если бы вы выдвигали какие-то иные, реалистические аргументы. Буду с вами откровенен. Если бы вы сказали, что отсутствие Германии в НАТО нарушило бы существующие в Европе структуры безопасности, то я бы, может быть, вас понял. Но тогда давайте думать, давайте искать подход к тому, как заменить нынешнюю структуру безопасности, основанную на существовании двух военно-политических блоков какой-то новой структурой, как двигаться к этой структуре. Вы же говорите, что НАТО нужна сейчас и будет необходима чуть ли не всегда, и тут же добавляете, что Советский Союз по-прежнему имеет большую армию, сильно вооружен, вот, дескать, поэтому НАТО будет нужна всегда.

<...> Если объединенная Германия войдет в состав НАТО, то это будет серьезным изменением соотношения сил, всего стратегического баланса. Для нас возникнет вопрос: каков должен быть наш

следующий шаг. Думаю, вы, как человек логически мыслящий, это понимаете. Очевидно, нам пришлось бы приостановить все обсуждения в области разоружения, проанализировать, какие изменения нам надо внести в нашу доктрину, в позицию на переговорах в Вене, в наши планы сокращения вооруженных сил. Возникнет вопрос, почему мы все это делаем. И это очень серьезный вопрос.

Мы хотели бы рассчитывать на серьезный подход с вашей стороны. И когда видим элементы игры с нами, нас это беспокоит. Разве это нужно? Разве можно допустить, чтобы наши отношения превратились чуть ли не в возню? В Советском Союзе происходят крупные перемены, идет процесс обновления, а это неизбежно непростой процесс. Мы видим, что порой у вас возникает искушение воспользоваться ситуацией.

Думаю, действовать таким образом было бы очень большим заблуждением. <...>

Дж. БЕЙКЕР. <...> Прежде чем сказать несколько слов по германской проблеме, хотел бы подчеркнуть, что наша политика не направлена на то, чтобы оторвать Восточную Европу от Советского Союза. Прежде у нас была такая линия. Но сегодня мы заинтересованы в том, чтобы построить стабильную Европу, и сделать это вместе с вами.

Вы говорите: если США доверяют Германии, то зачем включать ее в НАТО? Мой ответ: если вы доверяете, то почему не дать немцам возможность сделать собственный выбор? Мы не заставляем их идти в НАТО. Мы хотим, чтобы объединенная Германия была членом НАТО не потому, что боимся Советского Союза, а потому, что считаем: если Германия не будет твердо укоренена в европейских институтах, то могут возникнуть условия для повторения прошлого.

Вы, как и я, изучали историю, помните Лигу наций. Конечно, хорошо говорить об общеевропейских структурах безопасности, о роли СБСЕ. Это прекрасная мечта, но лишь мечта. А НАТО существует. Участие в НАТО будет означать, что Германия будет и впредь полагаться на этот союз в плане обеспечения своей безопасности.

М.С. ГОРБАЧЕВ. И все-таки, для чего НАТО? Ведь НАТО была создана в другой ситуации, а зачем это сейчас?

Дж. БЕЙКЕР. Если Германия не будет прочно укоренена в существующей структуре безопасности, то в центре Европы возникнет образование, которое будет озабочено обеспечением своей безопасности иным путем. Оно захочет получить ядерную безопасность, в то время как сейчас, в НАТО, эта безопасность обеспечивается американским ядерным зонтиком. Оставаясь в составе НАТО, Германия гораздо легче сможет пойти на отказ от ядерного, биологического или химического потенциала.

В то же время хочу сказать, что мы знаем, почему членство Германии в НАТО представляет для Советского Союза психологическую проблему.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Посмотрим на вопрос с военной точки зрения. Сейчас, когда Варшавский договор все быстрее превращается в чисто политическую организацию, членство объединенной Германии в НАТО усилит ваш военный союз.

Дж. БЕЙКЕР. В ближайшей, краткосрочной перспективе — может быть. Однако мы говорим сейчас об изменении, адаптации НАТО, о придании ей более политического характера.

Мы признаем важность сокращения бундесвера. У нас с вами, однако, есть разногласия относительно того, где об этом надо договариваться. Однако мы понимаем и учитываем вашу озабоченность. Я не думаю, что мы добиваемся односторонней выгоды.

Мы хотим стабильности в Европе, мы желаем успеха перестройке. Как и вы, мы пережили две войны, которые были результатом нестабильности в Европе. И мы не хотим, чтобы это повторилось.

Позвольте привести мне некоторые примеры того, каким образом мы стремились учитывать ваши вполне законные озабоченности, формулируя нашу политику по Германии.

Первое. Мы предложили, чтобы на втором этапе венских переговоров, который должен начаться сразу же после подписания пер-

вого соглашения по обычным вооруженным силам, был рассмотрен вопрос о сокращении и ограничении численности войск бундесвера. Мы говорили об этом с немцами, и думаю, что они согласятся с этим.

Второе. Президент Буш предложил приблизить сроки начала переговоров по тактическим ядерным вооружениям.

Третье. Мы предложили, и немцы согласились с тем, что Германия возьмет на себя обязательство не производить, не создавать и не приобретать ядерного, химического или биологического оружия.

Четвертое. Мы предложили, чтобы на определенный согласованный переходный период войска НАТО не находились на территории ГДР.

Пятое. Мы предложили также, чтобы на определенный переходный период советские войска оставались на территории ГДР.

Шестое. НАТО будет претерпевать эволюцию, становиться более политической организацией. Кроме того, будет проведен крупный пересмотр военной стратегии с учетом упомянутого вами снижения эффективности Варшавского договора и необходимости усиления политической роли союзов.

Седьмое. Мы приложили большие усилия для достижения договоренности по вопросу о границах Германии. Сейчас есть твердое понимание того, что единая Германия будет включать в себя лишь территорию ГДР, ФРГ и Берлин. Это важно для поляков, а также для некоторых стран Западной Европы. Очевидно, это важно и для Советского Союза.

Восьмое. Мы прилагаем усилия на различных форумах для того, чтобы, в конечном счете, превратить СБСЕ в постоянный институт, который стал бы важным краеугольным камнем новой Европы. Этот институт включал бы в себя все страны Европы, Советский Союз, Соединенные Штаты. Я предложил провести в сентябре этого года в Нью-Йорке совещание министров иностранных дел 35 стран по подготовке к встрече в верхах СБСЕ.

И, наконец, девятое. Мы активно добиваемся того, чтобы в процессе объединения были должным образом учтены экономические интересы Советского Союза.

Мы вполне отдаем себе отчет в том, что включение единой Германии в НАТО представляет собой для вас политическую проблему. И тем не менее мы считаем, что, если единая Германия будет твердо стоять на якоре в рамках этого испытанного института

безопасности, она никогда не захочет иметь собственный ядерный потенциал или собственное независимое военное командование.

В военном отношении НАТО будет выглядеть совершенно по-иному в результате тех изменений, которые проходят сейчас в Центральной и Восточной Европе.

Разумеется, если Германия не захочет остаться членом НАТО, то она и не будет таковой. Соединенные Штаты не могут заставить Германию быть в НАТО. Это не вопрос доверия к немцам. Мы просто искренне считаем, что это та структура, которая обеспечивает большую стабильность в Европе. Причем не только в плане отношений Восток–Запад. В Европе немало очагов нестабильности, являющихся следствием межнационального соперничества, этнической напряженности и т.д. Причем нередко это имеет место в европейских странах, которые не имеют ничего общего с напряженностью между Востоком и Западом.

Тот факт, что Польша, Чехословакия, Венгрия поддержали наш подход, не является результатом усилий американской дипломатии. Мы приветствуем их позицию, однако активно не добивались этого. Мы, кстати, высказали мнение о желательности создания некоторыми из этих стран той или иной региональной ассоциации.

Итак, я понимаю вашу озабоченность, она вполне законна. Надеюсь, что мои разъяснения были для вас полезными.

М.С. ГОРБАЧЕВ. А что если вы окажетесь пророком, и объединенная Германия не захочет оставаться в НАТО? Вы говорите, что не можете ее заставить. Что же произойдет потом?

ДЖ. БЕЙКЕР. А я хочу спросить вас: если Германия будет не в НАТО, то что вы предлагаете?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я хотел бы, чтобы на стадии переговоров, до объединения мы что-то делали. Сейчас у нас есть такая возможность. Когда же этот процесс завершится, у нас не будет никакой возможности что-либо предлагать. В этом суть.

Ваши рассуждения построены только на том, что единая Германия должна быть членом НАТО. Ничего другого вы не предлагаете. В то же время сами говорите, что Германия может когда-то не захотеть быть в НАТО. Представим себе, что же произойдет, когда процесс переговоров завершится. У Германии есть право выйти из НАТО, но тогда у нас не будет никакой возможности что-либо предлагать. А сейчас у нас есть такая возможность, есть права и обязанности четырех держав-победительниц, процесс объединения еще не завершен.

Если мы решим, что объединенная Германия не будет членом какой-либо военной организации, то, конечно, возникает вопрос о том, каков должен быть ее статус. Думаю, это должна быть демократическая, демилитаризованная страна с четко определенными границами и т.д. Это была бы новая ситуация, и ее надо было бы закрепить в окончательном мирном урегулировании. В документ об урегулировании можно было бы включить ваши девять пунктов. Это все поняли бы. Это был бы более или менее равноудаленный подход, хотя, конечно, Германия все равно была бы ближе к вам, но баланс был бы лучше.

ДЖ. БЕЙКЕР. Вы предлагаете, чтобы в документе было указано, что Германия не будет иметь право оставаться в НАТО?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Германия была бы вне военных группировок. Так же, как и многие другие страны.

«Нельзя исходить лишь из того, чего хотите вы»

Запись беседы М.С. Горбачева
с государственным секретарем США
Дж. Бейкером 18 мая 1990 года.

ДЖ. БЕЙКЕР. То есть речь идет о нейтральной Германии?

М.С. ГОРБАЧЕВ. Не знаю. Может быть, неприсоединившейся. Может быть, какой-то особый статус. Есть, например, особый статус Франции.

В заключение этой части беседы я хотел бы предложить: давайте еще раз хорошенько подумаем. Мы подумаем, и вы подумайте. И давайте продолжим этот разговор в Вашингтоне. Ну а если вас не убедят никакие мои аргументы, то я предложу президенту и скажу публично, что мы хотим вступить в НАТО. Вы ведь говорите, что НАТО не направлена против нас, что это просто структура безопасности, адаптирующаяся к новым реальностям. Вот мы и предложим вступить в НАТО.

Дж. БЕЙКЕР. Э.А. Шеварднадзе спрашивали об этом на пресс-конференции в Бонне.

Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ. И я сказал тогда, что мы пока не подавали заявления о приеме в НАТО.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Во всяком случае, вопрос этот не чисто гипотетический. Это не какой-то абсурд.

Дж. БЕЙКЕР. Это интересно. Вы сказали, что есть много нейтральных и неприсоединившихся стран. Это так. Но они являются таковыми по собственному выбору, а не потому, что кто-то их заставил принять этот статус.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Ну а, может быть, и немцы выберут его сами. Во всяком случае, должен быть какой-то резервный вариант. Вы же исходите лишь из одного варианта. Вы этого хотите. Но мы хотим другого. Нельзя исходить лишь из того, чего хотите вы.

Дж. БЕЙКЕР. Мы хотим этого лишь потому, что они сами об этом просят. Вы говорите, что для вас это неприемлемо. Но нейтралитет нельзя навязать. Нельзя требовать его в качестве условия прекращения действия обязательств четырех держав. Это противоречило бы принципам хельсинкского Заключительного акта. В нем ясно говорится о том, что страны имеют право участвовать в союзах. Кроме того, такой подход выделял бы Германию в какую-то особую категорию, он вызвал бы большое недовольство и неприязнь со стороны немцев. То есть это посеяло бы семена будущей нестабильности, а этого как раз мы и не хотим.

М.С. ГОРБАЧЕВ. А почему вы считаете, что недовольство будет только в том случае, если Германия не будет частью западного союза?

Дж. БЕЙКЕР. Недовольство будет только в том случае, если Германия будет выделена в какую-то особую категорию, если ей

будет что-то навязано против ее воли. Если Германия сама захочет стать членом Варшавского договора, то это другое дело.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Если они захотят вступить в Варшавский договор, то что вы скажете?

Дж. БЕЙКЕР. Мы не будем возражать, если это действительно будет их свободный выбор.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Таким образом, мы можем отметить, что вы отнеслись бы с пониманием к такому желанию.

Дж. БЕЙКЕР. Хельсинкский Заключительный акт гласит: каждая страна может быть членом любой организации, любого союза.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Могу я сделать вывод, что, если объединенная Германия захочет стать членом Варшавского договора, Соединенные Штаты отнесутся к этому с пониманием?

Дж. БЕЙКЕР. Мы скажем: на наш взгляд, Германия должна быть полноценным членом НАТО, однако лишь по собственному выбору.

М.С. ГОРБАЧЕВ. И все же в принципе: если объединенная Германия исходя из принципа свободы выбора воспользуется своим правом выбрать ту организацию, к которой она хочет принадлежать, и пожелает быть членом Варшавского договора, сможете вы или нет дать на это согласие?

Дж. БЕЙКЕР. Мы скажем, что, на наш взгляд, это неверное решение с точки зрения интересов будущей стабильности. Однако мы признаем принципы Хельсинки.

Архив ГФ, фонд 1, опись 7

«Из нас пытаются сделать заложников происходящего»

Запись беседы М.С. Горбачева
с президентом Франции
Ф. Миттераном
25 мая 1990 года.

Беседа началась во время рабочего завтрака.

<...>

М.С. ГОРБАЧЕВ. Я говорил на днях Бейкеру, что всем нам, и в том числе немецким руководителям, как нынешним, так и тем, кто возглавит будущую единую Германию, необходимо самым серьезным образом осмыслить проблему объединения. Ведь невозможно добиться подлинных решений, если каждый будет тянуть одеяло на себя.

Бейкер убеждал меня, что, мол, ничего страшного не происходит. Тогда я его спросил: «Будете ли вы возражать, если объединенная Германия изъявит желание вступить не в НАТО, а в Варшавский договор?» Он сразу сказал, что она добровольно хочет вступить в НАТО. Я вновь повторил свой вопрос, подчеркнув, что говорю не о будущем выборе немцев, а об отношении к последнему со стороны Соединенных Штатов. Тогда Бейкер заявил, что США не согласят-

ся с таким вариантом. На это я сказал: «Вы мне дали хороший аргумент: СССР против членства будущей единой Германии в НАТО». Что же будем делать дальше?

Ф. МИТТЕРАН. В данной ситуации существуют объективные реалии, которые невозможно обойти. Ваша аргументация и ваш вопрос были очень искусны с диалектической точки зрения, в плане умения вести беседу. Но ведь ваш собеседник мог ответить вам, что не занимается политической фантастикой. Действительно, ФРГ — член НАТО, и именно она — если называть вещи своими именами и отбросить дипломатическую оболочку происходящего — поглощает ГДР.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Но ведь мы не говорим о «поглощении».

Ф. МИТТЕРАН. Но и я никогда не говорю о «поглощении»! Просто сейчас, в беседе с вами, я называю реалии их именами.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Но есть и другие реалии, о которых нельзя забывать. Говоря о возможной политике будущей Германии, можно вспомнить о поведении слона в фарфоровой лавке. Неизвестно, кто и как будет поворачиваться. Ведь не Коль всем управляет. Никому нельзя терять из вида, как на это будем реагировать мы. Получается, что из нас пытаются сделать заложников происходящего, поставить перед свершившимися фактами и еще заставить говорить «спасибо». При таком варианте Советский Союз может почувствовать себя в изоляции, и тогда уж, естественно, будет искать из нее выходы. Ведь, по сути дела, нам не предлагается никакого выбора, никакой альтернативы.

Ф. МИТТЕРАН. <...> Я выдвинул следующее требование: при любом варианте передовые рубежи НАТО — а Франция не участвует в их обороне — не должны выдвигаться в Восточную часть будущей единой Германии.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Членство будущей Германии в НАТО может повлечь за собой серьезные нарушения всего стратегического баланса. Нам предлагают только один способ решения проблемы без какой-либо альтернативы. Получается, что мы должны это не просто «проглотить», но и еще кого-то благодарить.

Ф. МИТТЕРАН. Но могут быть и другие варианты — те, которые обсуждаем мы с вами, которые вы обсуждаете с Бушем, о которых идет речь на международных форумах. Результатом германского единства не может быть изоляция Советского Союза. Франция этого не примет. Так что в этом вопросе надо проявить немного воображения.

М.С. ГОРБАЧЕВ. Вы мне дали еще один хороший аргумент: всем нам надо проявлять воображение. Однако воображение партнеров, с которыми я беседовал в последнее время, ограничивается только одним вариантом. <...>

Ф. МИТТЕРАН. Надо понимать также то, что ускорение процесса объединения Германии, начавшееся в ноябре прошлого года, опрокинуло высказывавшиеся на этот счет возражения. На встрече в верхах ЕС в ноябре 1989 года Коль даже не осмелился повести речь

об объединении. С тех пор прошло немного времени. Но уже в апреле этого года можно было считать, что объединение произошло, по крайней мере — в умах.

В декабре 1989 года в Киеве мы с вами обсуждали перспективу германского объединения. Непосредственно после этой встречи состоялось совещание на высшем уровне стран — членов ЕС в Страсбурге. Именно там Коль в первый раз поставил вопрос о немецком единстве. Мы дали на это согласие, оговорив его рядом условий. Прежде всего в том, что касается соблюдения достигнутых договоров, достижения окончательного мирного урегулирования по границам, соблюдения решений СБСЕ. Прошло несколько месяцев — январь, март, апрель — и канцлер резко ускорил шаг. Ситуация сложилась так, что даже его политические противники, скрепя сердце, вынуждены были шагать с ним в ногу.

В это время вся немецкая пресса буквально набросилась на меня, обвиняя в том, что я якобы ставлю препятствия на пути объединения Германии. Действительно, я не проявлял на этот счет особого энтузиазма, но говорил я только об условиях объединения. Я не откликнулся на обращенную ко мне просьбу посетить Берлинскую стену.

Какие возможности имеются у нас, чтобы воздействовать на идущий процесс? Что я мог сделать в то время? Послать бронетанковую дивизию, да еще вооруженную ядерными средствами? Тем более что речь идет о союзной нам стране. Я консультировался тогда с Маргарет Тэтчер. Ее размышления шли в том же направлении, что и мои. Но при этом она была первой, кто направил немцам поздравительную телеграмму после того, как они проголосовали в пользу объединения.

Так что какие у нас имеются средства влияния, исключая, разумеется, угрозы?

«Если бы был сохранен Союз, расширения НАТО на восток не произошло бы»

«— Мы считаем, — заявил в Москве Дж. Бейкер, — что консультации и обсуждения в рамках механизма «2+4» должны дать гарантии того, что объединение Германии не приведет к распространению военной организации НАТО на восток.

Итак, гарантии давались исключительно в связи с объединением Германии. Более того, в результате огромной работы, проделанной на политическом и дипломатическом уровне, эти гарантии были

«Сила или угроза силой в любой форме должна быть исключена»

«Стремление немцев к воссоединению имело глубокие и давние предпосылки. В ГДР оно чувствовалось даже в партийных кругах. <...> В мире росло понимание, что Советский Союз становится действительно демократическим государством. Возникла уверенность в том, что никогда не повторится ничего подобного Венгрии 1956 года или Чехословакии 1968 года. Без такой уверенности не развернулись бы так стремительно «бархатные революции», не набрало бы такой массовости движение протеста в ГДР, которое быстро трансформировалось в порыв к воссоединению нации.

Германский вопрос, решение которого откладывалось на неопределенное будущее, а политические лидеры ФРГ Геншер и Коль, как и я сам, относили его в XXI век, встал непосредственно в порядок дня. История заработала с невиданным ускорением.

К осени 1989 года германский вопрос стал, по сути, ключевым в мировой политике. Он оказался в центре внимания и за столами

облечены в договорную форму (Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 года).

Это отказ от размещения на территории бывшей ГДР иностранных войск и ядерного оружия и его носителей и значительное сокращение Вооруженных сил ФРГ (до 370 000 человек). Все положения Договора выполнены и даже перевыполнены: в настоящее время численность Вооруженных сил ФРГ — 185 тысяч человек.

Следовало ли нам тогда поставить вопрос о нерасширении НАТО на восток вообще, а не только на территории бывшей ГДР? Уверен, что постановка нами вопроса об этом была бы просто глупостью. Ведь еще существовала не только НАТО, но Организация Варшавского договора (решение о самороспуске этой организации вступило в силу лишь 1 июля 1991 года). Заговори мы об этом тогда — и нас бы еще обвинили в том, что мы сами «подбросили» идею расширения НАТО западным партнерам, да еще и ускорили тем самым распад Организации Варшавского договора.

Другое дело — процесс расширения НАТО на восток, начавшийся через несколько лет после того, как я оставил пост президента СССР, нарушал дух договоренностей, достигнутых при объединении Германии, подрывал взаимное доверие, достигнутое с таким трудом и выдержавшее нелегкие испытания. И еще: уверен, что если бы был сохранен Союз и те отношения, которые уже сложились между ним и Западом, расширения НАТО не произошло бы и обе стороны по-другому подходили бы к созданию системы европейской безопасности».

*Из книги: Горбачев М.С. В меняющемся мире.
М.: АСТ, 2018. С. 153–154.*

переговоров, и на площадях. Связанные с этим драматические события хорошо известны, о них много писали.

Здесь я хотел бы изложить еще раз свои принципиальные подходы к решению германского вопроса. Именно эти принципы определили все мое дальнейшее поведение в реальном процессе воссоединения.

Они таковы.

Моральный. Я считал недопустимым с нравственной точки зрения бесконечно поддерживать раскол нации, взваливая на все новые поколения вину за прошлое.

Политический. Помешать стремлению немцев к воссоединению можно было лишь с помощью размещенных в ГДР советских войск. Это означало бы полный крах всех усилий по прекращению холодной войны и гонки ядерных вооружений. Это нанесло бы также непоправимый удар по всей политике перестройки в моей собственной стране, дискредитировав ее в глазах всего мира.

Стратегический. Применение силы против населения ГДР и подавление общенародного демократического движения к воссоединению надолго бы отравило отношения между нашими народами и повлекло бы за собой непоправимый ущерб интересам самой России.

Главные мои заботы в начавшемся процессе были таковы:

- не допустить, чтобы порыв немцев к единству сорвал международные усилия по ликвидации холодной войны; поэтому все должно идти постепенно;
- немцы имеют право на решение своей собственной национальной судьбы с учетом интересов соседей;
- сила или угроза силой в любой форме должна быть исключена.

Все эти принципы нам удалось претворить в жизнь».

*Из книги: Горбачев М.С. В меняющемся мире.
М.: АСТ, 2018. С. 126–128.*

Фрагменты
из расшифровки интервью
для «Устной истории
окончания холодной войны»

(совместный проект
Горбачев-фонда
и Гуверовского института)

Г. Х. ШАХНАЗАРОВ:

«Горбачев и Шеварднадзе достаточно много выторговали из того, что можно было»

<...> Я с самого начала сказал, что объединение Германии неизбежно, это должно произойти, но лишь вопрос — на каких условиях произойдет.

Насколько я понимаю, у Горбачева было такое же мнение, хотя он его не обнародовал. Об этом не говорили много, но самое важное было — чтобы этот неизбежный исторический процесс произошел на возможно более благоприятных условиях для Советского Союза. Чтобы он, по крайней мере, не нанес ущерба нашим интересам и особенно — это очень хорошо понимал Горбачев и я тоже как гражданин, — что нужно было позаботиться о том, чтобы не было травмы нанесено нашему общественному сознанию. Мы были воспитаны на реалиях войны и исходили из того, что это положение как бы будет вечно такое — победа останется с нами и ее плоды.

Это была очень болезненная вещь, и очень важно было провести все в хорошем для нас режиме. Горбачев старался это сделать, и ему фактически не дали довести до конца те, кто сейчас его обвиняет в том, что он якобы уступил что-то Колю, в том числе в вопросах судьбы наших бывших гдэээровских коллег. Они совершенно не считаются с тем, что после того, как распался Советский Союз, все обязательства, взятые немецкой стороной, перестали выполняться

Я как раз не склонен осуждать того же Коля, потому что он воспользовался ситуацией. Как только распался Советский Союз, не перед кем было уже отвечать за те обязательства, которые он давал Горбачеву лично и которые мы, может быть, по ошибке, по нерадивости не закрепили в соответствующих документах. В частности, абсолютно точно, много раз это было и при мне это было, Горбачев рассказывал о том, что Коля ему обещал, что руководителей ГДР не будут преследовать за такие вещи, как, скажем, приграничный режим с ФРГ и соблюдение этого режима... Или же вопросы собственности в ГДР, как они решены были, — что они не будут заново решаться. А когда Советский Союз распался, ясно, что уже некому было отстаивать эти вещи, не с кого было спросить за нарушения.

<...> Много раз мы при обсуждении слышали о том, что и Тэтчер, и Миттеран — все они через своих послов давали понять Горбачеву, что они ждут, что Горбачев не допустит быстрого слияния Германии. Все на нас валили. Нам было неудобно, а вот вы давайте. Но так как мы, Москва ослабела, ей было не до этого. Все покатилося.

Вопрос: Существовали ли разногласия в советском руководстве по вопросу объединения Германии?

— Я не считаю, что это были разногласия, недовольство было, ворчание, но никто не считал возможным вступать из-за этого в войну...

Поэтому те все крикуны, которые сейчас рычат на Горбачева, что он, мол, отдал, продал, уступил и т.д., они пусть вспомнят, как они вели себя на заседаниях Политбюро, в том числе на тех, где обсуждался германский вопрос. Никогда ни один из них не говорил, что нужно стукнуть по столу, сказать, что мы не допустим объединения Германии и т.д. Ничего подобного.

Все обсуждали, все понимали, что это неизбежно. И что делать, давайте мы будем по возможности не допускать, чтобы это произошло вопреки нашим интересам. Я считаю, что в тот момент Горбачев и Шеварднадзе достаточно много выторговали из того, что можно было.

<...> Ниоткуда, ни из одного источника не было попытки потребовать какой-то жесткой политики, воспрепятствовать, помешать, ничего подобного. Журналисты отдельные выступали там вначале. Но, на мой взгляд, тогда даже и «красные» журналисты не писали, что мы должны силой вмешаться. А так вот, абстрактно, до чего мы дошли, что теперь вот плоды победы потеряны и прочее. Стенания были, слезы...

О.А. ГРИНЕВСКИЙ:

«Никто в Европе объединения не хочет, но сказать об этом прямо тоже никто не хочет»

<...> Вообще, пожалуй, никто ни в Европе, ни в Америке, я уж не говорю про Советский Союз, не ожидал такого быстрого объединения. Скажем, тот же самый Коль, который был пинонером, в ноябре 89-го года считал, что процесс объединения займет 5–10 лет, такой срок он отводил еще в ноябре 89-го года. А у нас тем более отношение было такое, что еще «много воды утечет»

Пожалуй, первый, кто по-настоящему поднял вопрос, кто тогда «трубил», это был Квицинский (*в 1986–1990 гг. посол СССР в ФРГ. — Ред.*). Он еще в сентябре 1989 года, то есть до Коля, предложил создание федерации двух государств, чтобы мы выступили. Но как? Он предложил очень хитрый план: чтобы идею этой конфедерации, федерации двух германских государств, продать гдэээровской оппозиции, чтобы она выступила, а мы бы ее поддержали, и как бы извне пришедшую идею «продали» ФРГ. Наверное, это было предложение слишком умное для нашего руководства, во всяком случае, никто на него внимания не обратил.

Мне, в свою очередь, поскольку я занимался тогда СБСЕ, у меня были предложения, которые я посылал, которые тоже остались совершенно без ответа: это — созвать конференцию государств — участников антигитлеровской коалиции для рассмотрения вопроса объединения Германии. Идея заключалась в том, что никто в Европе объединения не хочет, но сказать об этом прямо тоже никто не хочет. Все очень боятся переговоров в формате «четыре плюс два» или «два плюс четыре», боятся, что это будет сделка, сделанная за спиной остальной Европы. Поэтому это предложение, если бы мы выступили с ним, нашло бы большую поддержку.

<...> И там можно было и «замотать» на несколько лет, и добиться очень неплохих условий, потому что все боялись объединения Германии, и прежде всего — военные. Вопросы демилитаризации Германии наверняка встали бы и решались с большим количеством наших союзников, которых мы могли бы получить. Во-вторых, вопросы вхождения в НАТО, нейтрализации, все можно было бы сделать. Но у меня такое впечатление, что в то время просто боялись произнести, что да, вот оно объединение Германии.

<...> И получилось так, что по сути дела впервые... Горбачев признал объединение, когда в январе (1990) в Москву приехал Модров. У Горбачева было очень сложное положение. До этого была позиция — вообще отложить проблему, а не решать, вписать вопрос объединения Германии в создание общеевропейского дома. <...> Вот тогда с Модровым он впервые все-таки признал необходимость, но опять-таки, что это надо вписать в контекст усилий создания общеевропейского дома, учета интересов государств — участников антигитлеровской коалиции.

Полной неожиданностью стал для всех приезд Бейкера 8 февраля, а 10 февраля прилетел Коль. А до этого у нас на «пятерке» как раз обсуждалась позиция, что делать. И военные сказали, что тактическая позиция — надо ввести танки. <...> Мы, мидовская часть, были, естественно, против. Это катастрофа, это возврат к старому, это перечеркивает все достижения перестройки, то, что мы добились вхождения в мировое сообщество. Но ответ был примерно такой: во-первых, крови можно не опасаться, потому что немцы — народ дисциплинированный и разойдутся по домам. Ну если даже кровь прольется, то ничего страшного, главное — нам важен результат, потому что мы не можем отдавать завоевания отцов. Может быть, это нас научит беречь завоеванное, а не идти на попятную. То есть было очень резко сказано.

С.П. ТАРАСЕНКО:

«Немцы начали голосовать ногами»

У меня с самого начала не было никаких сомнений, что это (объединение Германии) неизбежно, что этому процессу не надо мешать... И когда этот процесс начался, <...> немцы начали голосовать ногами, пошли через Венгрию, пошли на Запад. Ну что тут можно говорить, кого тут обвинять? Опять ЦРУ обвинять? Уж слишком

дружно они шли. <...> Стать на пути этого могучего потока — он снесет. Тут нужно подстроиться под течение, по течению плыть и пытаться как-то свою лодку завернуть так, чтобы оказаться в тихой гавани... и остаться на плаву.

<...> Мы провели встречу на высшем уровне, теперь возвращались через Берлин, а в Берлине должны были собраться руководители Варшавского пакта. И там Горбачев должен был их проинформировать о результатах переговоров в Вашингтоне. Мы прилетели рано утром, осенью, морозец такой был, нас повезли в гостиницу, устроили там. Через какое-то время надо было идти на заседание... Михаил Сергеевич там очень эмоционально выступал, под большим влиянием этой поездки в Вашингтон. Ему очень понравилось, какой прием ему оказали, и вот он в какой-то момент говорит: «Вы представляете, там тысячи людей из окон высунулись, на улицы вышли, машине не давали проехать, приветствовали, кричали. Это же мы знаем, не как у нас, там же в Америке не выйдешь с решением Политбюро, народ не выставишь на улицу приветствовать какого-нибудь лидера. Там все это было произвольно, действительные чувства».

Там все выслушали, все нормально, как всегда, одобрили. Выходим мы из этого хонеккерского дворца, где были переговоры, и смотрим: вся эта Александерплац заставлена молодежью, ребятами в форме (синих куртках), сплошной шум, все кричат, приветствуют. Впечатление такое было грустное. Хонеккер сообразил, что если в Америке Горбачева население приветствовало так, а он как бы союзник, по-тихому здесь сообразил; пока сидели и переговаривались, он дал команду вызвать народ на улицу, компенсировать эту нехватку. Но впечатление осталось просто удручающее. Лучше бы он этого не делал. Мы почувствовали себя как-то неуютно, плохо, когда стоит рядами выстроенная молодежь и на всю площадь: «У! У! У!»

Архив ГФ, фонд 10, оп. 11

*Г.Х. ШАХНАЗАРОВ — советник президента СССР М.С. Горбачева
О.А. ГРИНЕВСКИЙ — карьерный дипломат, руководитель советских делегаций на многосторонних переговорах в Стокгольме и Вене, посол СССР, а затем РФ в Швеции
С.П. ТАРАСЕНКО — помощник министра иностранных дел
Э.А. Шеварднадзе*

*«Голосовать ногами»,
на самом деле, восточные
немцы начали еще
в шестидесятых.*

*На фото:
15 августа 1961 года.
Легендарный прыжок
19-летнего военнослужа-
щего Конрада Шумана
из Восточного Берлина
в Западный.*

Борис АКУНИН:

— Пала бы Стена без поддержки Горбачевым общественных настроений в ГДР?

— Нет, конечно. Я был в Восточном Берлине за месяц до того, как Стена рухнула, и она все еще казалась незыблемой. У Бранденбургских ворот по вечерам тусовалась молодежь, с тоской смотрела на подсвеченный стеклянный купол Рейхстага на той стороне, за пограничниками и овчарками. До Владивостока отсюда было ближе, чем до Рейхстага. Гэдээровские коллеги страшно завидовали нашей перестройке и говорили, что у них такого никогда не будет. Потому что «Штази». Но Горбачев перестал кормить «Штази», и этого оказалось достаточно, чтобы Стена рухнула.

— У американцев после войны была возможность поддерживать ФРГ деньгами, а у СССР возможности поддерживать ГДР не было, своя страна лежала в руинах. Повлияло ли это на формирование отношения немцев к своим послевоенным патронам, или здесь важнее были идеологические факторы?

— Я как раз сейчас, делая том моей «Истории» (он о ленинско-сталинском времени), занимался политикой Союзнического контрольного совета в оккупированной Германии. В «Тризонии» (американо-англо-французской части страны) действовал «план Маршалла», классический образец применения «мягкой силы», которая, конечно, несравненно действенней «жесткой силы». СССР в ответ провозгласил было «план Молотова», но с американской помощью он конкурировать никак не мог, и пришлось действовать по-родному — насилием и запугиванием. Так что западным немцам было за что любить Америку, а восточным — за что не любить «русских». Не говоря уж о том, что наши из Германии вывезли кучу всего на свете, включая даже живые трофеи — специалистов.

— Стена разделяла и культуру Германии. Стало ли ее падение стартом для взлета новой немецкой культуры?

— Я не специалист по немецкой культуре. В свое время, работая в восьмидесятые годы в журнале «Иностранная литература»,

«Талантов масштаба Гюнтера Грасса или Генриха Бёлля в ГДР,

УВЫ,
НЕ ПОЯВИ-
ЛОСЬ»

ЗНАМЕНИТЫЙ ПИСАТЕЛЬ —
О ПЕРЕМЕНАХ В МИРОПОНИМАНИИ
РАЗДЕЛЕННОЙ НАЦИИ

ГДР. Забастовка 1953 года

мог сравнивать только писателей. Талантов масштаба Гюнтера Грасса или Генриха Бёлля в ГДР, увы, не появилось. Цензура не способствует расцвету художественной словесности.

— Всеобщая забастовка в ГДР уже в 1953 году была вызвана экономически-

ми причинами или все же идеологическими?

— Мой том «Истории» заканчивается мартом 1953 года, так что до июня, когда начался кризис, я так и не добрался — имею лишь самое общее представление о событиях. Насколько я понимаю, бунт был вызван политикой Ульбрихта, который,

следуя советскому примеру, взялся решительно искоренять «немецкий НЭП», проводить «коллективизацию» и прочее. А тут еще и из Москвы после смерти Сталина начали поступать противоречивые сигналы — вроде как повеяло какими-то иными ветрами.

— В одной из наших бесед вы сказали, что нет никаких национальных характеров. Есть набор типических черт, которые генерируются у населения страны определенными условиями жизни и меняются с изменением этих условий. В двух Германиях были разные условия жизни — как это повлияло на черты характера и миропонимание, возникшие у разделенной нации?

— Это различие чувствуется и сейчас, хотя прошло уже больше 30 лет. В том числе в электоральных предпочтениях. Из личного общения у меня сложилось впечатление, что бывшие гэдээровцы существенно «правее» и консервативнее. Но опять-таки: я не специалист, в Германии не живу и могу ошибаться.

— Разговоры о коллективном покаянии стали актуальны в России. Как положительный пример всегда приводится Германия. В какой из Германий покаяние была искреннее, если можно так выразиться, и почему?

— У гэдээровских немцев чувства вины за преступления фашизма не было, в отличие от западных. Это их как бы не касалось, они считали себя наследниками Карла Либкнехта и Эрнста Тельмана. Во всяком случае, такое у меня сложилось впечатление от общения со сверстниками в студенческие годы.

— Около берлинского Чекпойнта Чарли к 30-летию падения стены открыли аттракцион, отправляющий всех желающих в «поездку в ГДР». На маршруте было четыре остановки. Чекпойнт Чарли, где нужно было проходить пограничный контроль, площадь Жандарменмаркт, далее по улице Лейпцигерштрассе, мимо монументальных строений советского образца до дворца Республики, где проводились заседания народной

палаты. Как вы думаете, какой маршрут, например, по Москве мог бы охладить тягу российских граждан к советскому прошлому?

— В Бутово неплохо бы заехать.

В Сухановской пыточной тюрьме экспозицию сделать. В таких местах какой-то особенный воздух. Жуткий. Я помню, как подыскивал квартиру в Москве, давно уже. И вот подворачивается совершенно отличный вариант. Красивый старый дом, интересная планировка, высоченные потолки с лепниной. Но что-то грудь ломит, дышать трудно. Я всегда чувствую места, не знаю как. Сразу могу сказать: хорошее оно или плохое, счастливое или несчастное. Так вот, эта квартира была просто дом Эшеров какой-то. Я потом, заинтересовавшись, стал выяснять. И оказалось, что дом стоит аккурат над «ближним расстрельным подвалом» Лубянки. Представляю, какие там снятся сны.

*Вопросы задавала
Ольга Тимофеева*

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Поединок эффективности и суверенитета на российских просторах

ОТ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА
К НЕОМЕРКАНТИЛИЗМУ

Петр САРУХАНОВ

САРУХАНОВ

Александр

Бикбов

Почему язык девяностых сегодня снова так востребован в критике политического и экономического режима РФ: мафиозная власть, слабое государство, неограниченная коррупция? В разговоре на кухнях это спонтанный ответ на удушающе рутинные репрессии и цензуру, а что еще важнее — на затяжную и не вполне осознанную коллективную травму, связанную с тем, что называется СВО. Опасно мафиозные и одновременно нелепо слабые «они» на мгновение словно избавляют болезненно отяжелевших «нас» от невыносимого груза ответственности. В политической аналитике те же понятия обладают несколько иным назначением. Они транслируют wishful thinking, то есть выдают желаемое за действительное, позволяя виртуально исключить российский политический истеблишмент из расчета альянсов и сдержек, на которых держится международная сцена.

События уже почти двух последних лет снова заставили нас почувствовать, в какой мере язык — инструмент власти, генерирующий политические и культурные последствия. Есть они сегодня и у языка девяностых. Давая выход болезненному напряжению и желаниям, его конструкции мешают нам наблюдать институциональные сдвиги, которые направили Россию к тому, что мы имеем сегодня, и, сколь ни парадоксально это прозвучит, обеспечили «необъяснимую» устойчивость национальной экономики в волнах кризисов и международных санкций. Такие сдвиги были продиктованы не только затвердевающей изоляционистской идеологией, долгое время остававшейся привилегиро-

ванным объектом внимания журналистов и аналитиков. За ними скрывается постепенная суверенизация институтов управления, казалось бы, еще совсем недавно, в 2000-е годы, реформируемых под лозунгами приобщения к мировому опыту.

Нередко именно это измерение упускает из виду аналитика, призванная учитывать многослойность российского государственного капитализма, который создавался в несколько этапов на протяжении последних 30 лет. Российский режим, безусловно, сохраняет и насильственный, и династический характер. Однако его механика гораздо сложнее «закона бандитской группировки». В 2000-е годы она теснейшим образом синхронизирована с глобальными ритмами неолиберальных реформ (чего настойчиво не желают замечать многие критики), и даже драматический 2022 год демонстрирует нам не банальный откат в архаику, а новый извод архаизированного и при том по-прежнему глобализованного ультрамодерна. Я предлагаю пунктирно проследить эти сдвиги в трех срезах: карьерном, экономическом и административном — соотнеся каждый из них с поворотными точками в недавней политической хронологии.

На историческом распутье: поворотный 2012-й

На исходе «бурных» девяностых российский госаппарат пополняется высокопоставленными управленцами, которые одержимы неолиберальным искушением. В чем его смысл? Как и повсюду в мире, оно сулит рост производительности за счет конкуренции, требует дохода в нерентабельных отраслях, включая медицину, образование и культуру, и акционизирует общественные блага ради извлечения при-

были. Вспомним рефрен правительственных дискуссий и посланий этого периода: производительность, конкуренция, инновации. К началу 2000-х ключевые позиции в госаппарате занимают сторонники ограниченной свободы во имя продуктивности: либеральные экономисты, такие как Алексей Кудрин и Татьяна Голикова, виртуозы «управляемой демократии», подобные Владиславу Суркову и Глебу Павловскому.

Смену эпох приносит политическая реакция на гражданские протесты 2011–2012 годов, которая затрагивает публичную сферу, но не только. В самих кремлевских коридорах «прозападных» министров и администраторов-«интеллектуалов» сменяют лоялисты и показные «патриоты», которые приучают Думу легализовать решения администрации президента, а население — трудиться молча. Охранители Вячеслав Володин и Алексей Громов занимают место экспериментатора Суркова, публичный стратег Кудрин уступает министерское кресло молчаливому тактику Антону Силуанову, интеллектуального политтехнолога-манипулятора Павловского сменяют бизнес-подрядчики Владимир Мединский и Евгений Пригожин. Вместе со вкусом к ультраправым идеям новая генерация исполнителей привносит в кремлевские кабинеты категорически ясные неомеркантилистские рецепты. Совсем не отменяя требований рентабельности, неомеркантилизм связывает процветание страны не с успехами в международном состязании, а с накоплением суверенных ресурсов: защитой и расширением территории, импортозамещением, усилением военной мощи, финансовой автономией, ростом рождаемости и лояльности населения.

Поединок эффектив- ности и сувере- нитета...

Если присмотреться внима-
тельнее, мы обнаружим,
что на протяжении трех
десятилетий эти две тен-
денции: неолиберальная
(нацеленная на эффективность и рента-
бельность) и неомеркантилистская (оза-
боченная территориальным суверените-
том, экономической самодостаточностью
и естественным воспроизводством насе-
ления) — переплетаются и в институциональ-
ных проектах, и в высших государственных
карьерах. Возьмем несколько примеров из
разных сфер политики.

Моральная паника последних двух лет,
подогреваемая консерваторами в правитель-
стве и представительстве вокруг феминиз-
ма, трансгендерного перехода, опасности
абортных и низкой рождаемости, не нова.
Она наследует модели, тестируемой с конца
2000-х, когда первые рекламные кампании
за трехдетность и против абортов финанси-
ровались из федерального и регионального
бюджетов. Но то была лишь часть конструк-
ции, призванной направлять репродуктивное
поведение населения. Другая ее часть имела
не запретительный, а отчетливо поощри-
тельный и финансовый характер. Введение
материнского капитала в 2007 году монети-
зировало моральную дилемму семей, пере-
ведя ее в регистр экономической выгоды.
С этого момента конвульсивно циклические
попытки замедлить депопуляцию россий-

ской периферии предпринимаются на фоне
внедрения неолиберальной дисциплины на
тех же территориях, побуждая население к
продуктивному выбору чередованием пре-
мий и штрафов.

О той же двойственности говорят
другие, неожиданно близкие, примеры.
Один — проект федеральных университе-
тов-гигантов, реализованный на рубеже
2000-х и 2010-х, когда гонку за междуна-
родной эффективностью в Министерстве
образования и науки возглавлял Андрей
Фурсенко. Другой — частично реализо-
ванная концепция культурной политики,
созревшая в недрах Министерства куль-
туры уже в 2014 году, при изоляциониз-
ме Мединском. Неолиберальные задача
роста производительности и наваждение
рейтингами в обоих проектах соседствуют
с явственно меркантилистскими. Оба на-

целены на привязку молодежи к террито-
рии, пополнение населения в пустеющих
регионах, создание защитного «геополитического»
пояса в периферийных зонах
страны. Так, федеральные университеты на
востоке и севере РФ создаются в регионах
с несоразмерно низкой плотностью насе-
ления и, очевидно, выполняют функцию
демографических хабов (см. диаграмму 1).
Тогда как университетам в более густонасе-
ленных южных регионах и в Калининграде
отведена роль приграничных форпостов.
Во всех трех примерах неомеркантилист-
ское наваждение «национальной безопас-
ностью» увязывается с неолиберальной
инвестицией в «привлекательность» реги-
онов. Той же двойственностью отмечена
вся карьера бизнесмена от патриотической
пропаганды Мединского. Его приход в
правительство вовсе не отменяет неолибе-
рального прессинга в образовании и куль-
туре, а лишь усиливает таковой, дополняя
показатели эффективности патриотизмом
и моралью.

По мере восхождения «патриотических»
кадров в правительстве с 2012 года атаки про-
тив всех видов самоуправления и самоорга-
низации постепенно расстраивают прежнее
равновесие. К концу 2010-х в государствен-
ном секторе упразднен базовый компромисс
между интернационалистами и изоляцион-
нистами, который позволял не принимать
всерьез агрессивные выкрики последних,
учитывая их явственно сервисную функцию
в российском государственном капитализме.
Утверждение претензий на «исконно рус-
ские» территории силой оружия в 2022 году
показывает, как суверенный изоляционизм
эмансипируется от сервисной функции и об-
ретает собственную агентность.

РОССИЙСКИЕ ФЕДЕРАЛЬНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ НА КАРТЕ ПЛОТНОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ ПО РЕГИОНАМ

Неомеркантилизм в ответ на кризис: ловушка 2008-го

Если 2012 год — поворотный в российской политической истории, как локали-

конструкции российской экономики стал не тайно окопавшийся в правительстве изоляционист, а ключевой либеральный стратег Алексей Кудрин.

Важно отметить, что столь значительный рост суверенных фондов становится ответом российского правительства на глобальный

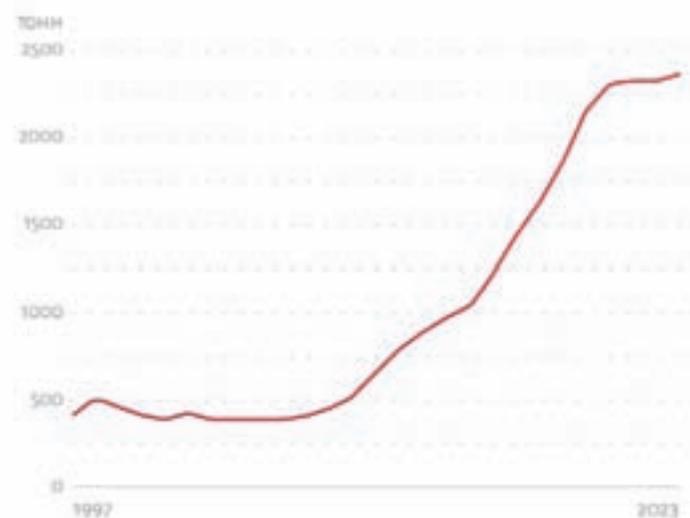
ской идеологии в государственной и экспертной средах следует за суверенизацией финансов, включая монтаж замкнутой платежной системы «Мир». Не суд над Pussy Riot, не криминализация ЛГБТ и не уголовное дело против Алексея Навального подталкивают Банк России к заполнению своих подвалов. Именно избыток золота, этого «сверхнадежного» и инертного ресурса экономической безопасности, предвосхищает политическую реакцию, опрокинутую в гражданское поле и государственное управление.

Следующий показатель, основная ставка меркантилизма — это профицит торгового баланса, то есть преобладание экспорта над импортом. Такое преобладание характерно для российской экономики уже в 1990-е годы и растет с 2000-х (см. график 3, красным цветом), в первую очередь за счет экспорта нефти и газа. В 2022 году торговый баланс достигает пика в абсолютных показателях, несмотря на ужесточение международных санкций. Тем самым военная операция становится продолжением меркантилистской политики иными средствами, наследуя в этом эффекту западноевропейских колониальных завоеваний XVII—XIX веков.

Как и в случае с золотым стандартом, экономическая автономия, которая опирается на торговый профицит, не единственно возможная модель. Она контрастирует с растущим дефицитом торгового баланса США за тот же период (синим цветом на графике 3), который не лишает страну автономии, но отражает ее господствующее положение в системе свободной торговли.

ДИНАМИКА ЗОЛОТОГО ЗАПАСА РФ, 1997–2023

Источник: ЦЕНТРОБАНК РФ

2

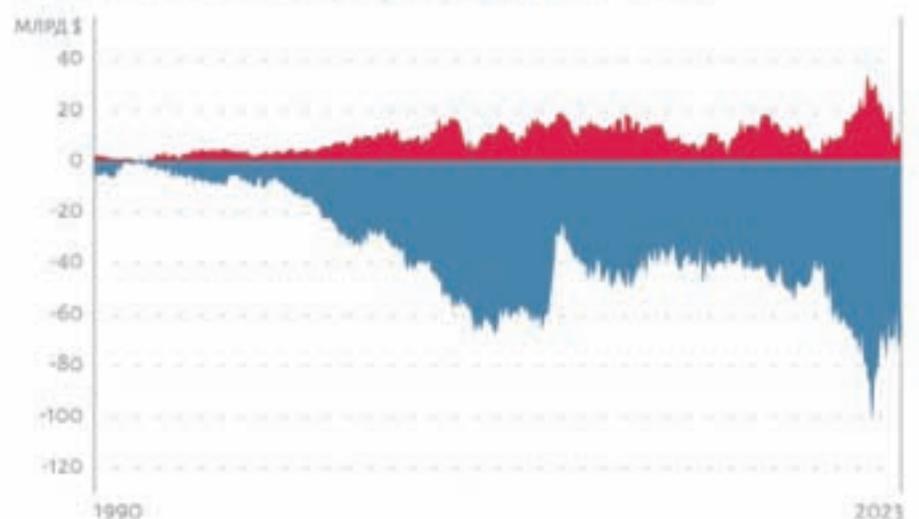
зовать такую же точку в экономической хронологии? Чтобы ее нащупать, необходимо перевести исторические признаки меркантилизма в показатели текущей экономической политики. Удачное определение меркантилизма дает К.-Д. Эшодмезон: «Суверен, чья власть покоится на золоте и прибавлении его налогами, должен опираться на торговый класс и способствовать промышленному и коммерческому процветанию нации, чтобы положительное сальдо торгового баланса обеспечивало ввоз драгоценных металлов». Следуя ему, нам нужно обратить внимание на динамику национального золотого запаса, торгового баланса и внешнего государственного долга РФ.

Золото — фетиш эпохи первоначального накопления и денежный стандарт, возврат к которому в последний раз всерьез обсуждался после финансового кризиса 2008 года. В системе международного обмена такой возврат был признан бесперспективным, и во многих развитых экономиках золотой запас с тех пор даже незначительно уменьшился. В противоположность тому золотой запас РФ, как и суверенный Фонд национального благосостояния, ощутимо тяжелеет. В сравнении с предкризисным 2007 годом вес золотых слитков в хранилищах Банка России за 15 лет вырос почти в шесть раз (график 2). Как и приведенные выше примеры из других отраслевых политик, этот отмечен характерной двойственностью. Архитектором суверенной

кризис 2008 года, а не на международные экономические санкции, введенные в 2014 году и лишь ускорившие этот сдвиг. При этом если запас металлического золота достигает пика к 2023 году, он близок к максимуму уже в ковидный 2020-й, когда резко меняется ритм и стиль коммуникации Владимира Путина, уходящего в глубокую суверенную самоизоляцию. То есть укрепление изоляционист-

3

ТОРГОВЫЙ БАЛАНС РФ И США, 1990–2023

Источник: TRADINGECONOMICS.COM, BUREAU OF ECONOMIC ANALYSIS (BEA), ЦЕНТРОБАНК РФ

Поединок эффектив- ности и сувере- нитета...

В этом смысле российская и североамериканская стратегии экономической автономии зеркально противоположны. Единственное, чего при этом не следует упускать из виду: американский золотой запас тяжелее российского в три с половиной раза, сохраняя мировое первенство среди национальных.

Наконец, сокращение государственного внешнего долга служит еще одним средством обеспечить экономический суверенитет. В 2000-е правительство ставит цель погасить советский внешний долг, достигнув ее к середине 2010-х. Уже выплата долга европейским кредиторам в 2006-м ощути-мо снижает этот показатель (см. график 4). А с 2014 года даже бюджетные расходы на Крым и Донбасс в значительной мере обеспечиваются внутренним перераспределением, включая заморозку накопительной части наших пенсионных сбережений.

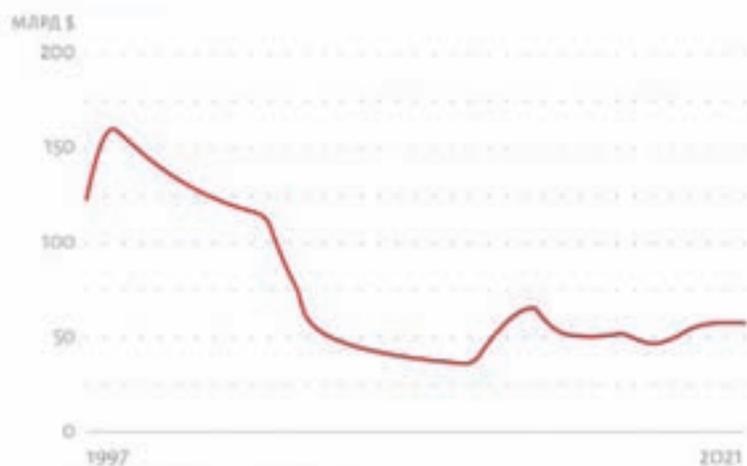
заложенные кризисным экономическим менеджментом в конце предшествующего десятилетия. Как это сказывается на административных процессах? Я уже показал, какой парадоксальный сплав образуют неолиберальная и неомеркантилистская тенденции в одних и тех же государственных проектах, пока к концу 2010-х прежняя амальгама не

тифицирует Болонскую конвенцию, а на рубеж 2000-х и 2010-х, когда правительство завершает коммерциализацию бюджетной сферы. Ее апогей, Федеральный закон № 83 (2010), обязывает государственные учреждения к конкуренции за бюджетное финансирование и участию в рынке платных услуг. В вузовском секторе растет число частных учреждений (см. график 5: фиолетовая линия, правая ось привязки) и их студентов (синяя линия, левая ось привязки). Университеты ветвятся региональными филиалами: в 2007 году их 1702 у 662 государственных вузов и 378 у 409 частных. К середине 2010-х максимальный процент первокурсников поступает на платные отделения (красная линия, левая ось привязки).

Смена фаз происходит в конце десятилетия. Консервативное правительство решительно «обрезает ветви», сократив частный вузовский сектор и произведя укрупнения в государственном. К 2020 году у оставшихся 497 государственных и 213 частных университетов в общей сложности 554 филиала. Высшее образование приобретает отчетливый национальный и моральный акцент по мере растущего контроля за публичной активностью преподавателей и непродления контрактов как с «неэффективными» (в неолиберальном ключе), так и с «нелояльными» сотрудниками (в логике изоляционизма). Вводятся обязательные курсы «духовно-нравственного воспитания», перестает быть чистой формальностью кураторская (внеучебная) работа преподавателей со студентами.

Парадокс состоит в том, что при определении сроков контракта и в вознаграждении труда преподавателей все большую роль играют неолиберальные показатели производительности — КРІ, включая

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВНЕШНИЙ ДОЛГ РФ,
1997 – 2021**

Источник: Министерство финансов РФ

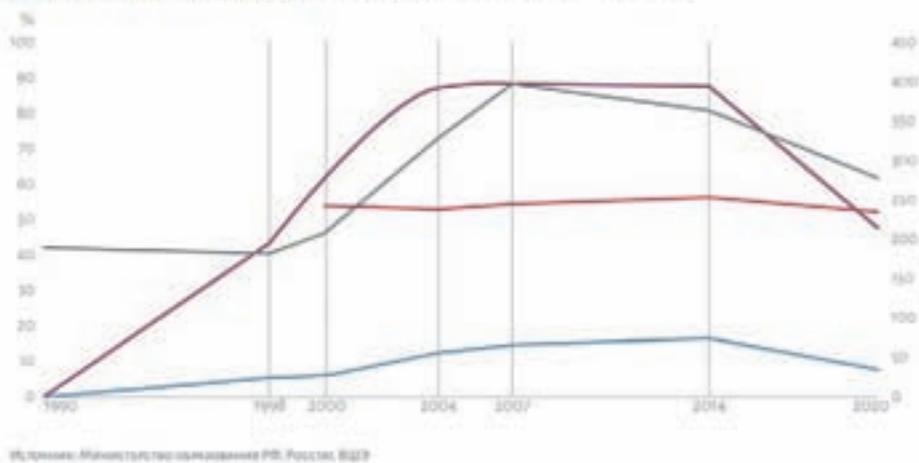
Эффективность и суверенитет: переломный 2017-й

Итак, «патриотические» перестановки 2010-х в управленческом корпусе закрепляют и усиливают «суверенные» сдвиги,

меняет оттенка. Это в полной мере относится к центральному объекту неолиберальных реформ — государственной службе, постепенно, в течение 20 лет преобразуемой в рынок услуг. И центром этого центра остается рынок образования.

Пик неолиберальной тенденции приходится здесь не на 2003 год, когда РФ ра-

ДИНАМИКА РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО СЕКТОРА, 1990–2020
 % СТУДЕНТОВ, ОПЛАЧИВАЮЩИХ ОБУЧЕНИЕ, % СТУДЕНТОВ В ЧАСТНЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ
 ЧИСЛО ЧАСТНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ, ЧИСЛО СТУДЕНТОВ НА 10 000 НАСЕЛЕНИЯ

5

публикационную активность и объем привлеченных по грантам средств. Иначе говоря, «патриотический» тренд, негласно заложенный в рабочие часы и базовые условия найма, не отменяет, а усиливает растущие требования производительности. Кроме того, с сокращением частного сектора почти не меняется доля первокурсников, поступающих на платные отделения (красная линия на графике 5). Это означает, что, безотносительно к «международной» или «патриотической» фазе, коммерциализация захватывает прежде всего государственный сектор, где более половины студентов и их семей полностью возмещают вузам расходы на обучение.

Чередование неолиберальной тенденции (эффективность любой ценой) и немер-

ский, обслуживающий и иной вспомогательный персонал.) То есть вопреки стереотипам правительства Путина и Медведева пытаются экономить на цене управления, включая его репрессивные компоненты. Самой запоминающейся здесь, вероятно, остается реформа МВД 2010–2012 годов, с переименованием службы, массовой переподготовкой и сокращением сотрудников. Не менее важным, пускай и не столь заметным движением к неолиберальной модели, становится введение в 2014 году системы денежных штрафов на госслужбе за несвоевременное и недобросовестное исполнение должностных обязанностей.

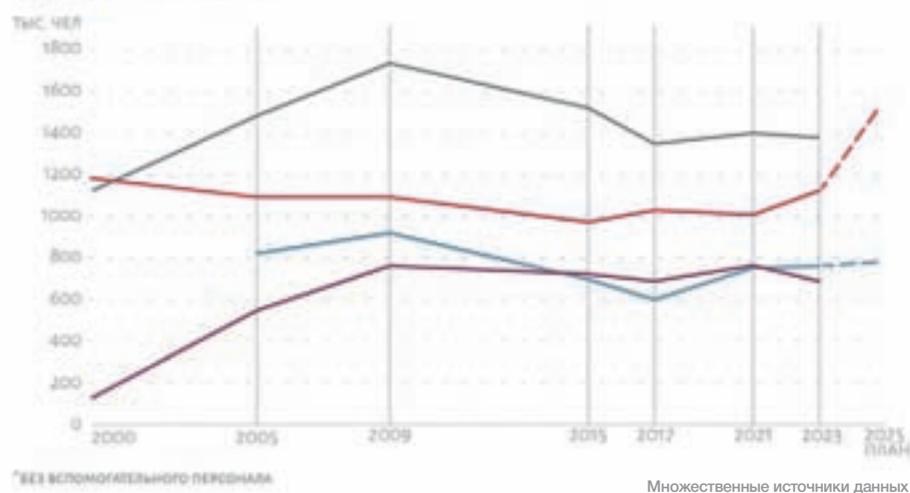
Административный переворот начинается в 2017-м. Ряды полиции, а затем и армии снова пополняются, в противоположность

рынок силовых услуг. Фиолетовая линия (на графике б) дает представление о лицензированных сотрудниках ЧОПов, число которых стабилизируется уже к концу 2000-х. С началом «патриотической» фазы к этому показателю следует плюсовать наемников частных армий, таких как пригожинский «Вагнер», которые не учтены статистикой из-за их нелегального статуса. К середине 2010-х годов только чоповцы по численности соразмерны с полицией, внося вклад в общую милитаризацию повседневной жизни российских городов, в особенности крупных.

В конечном счете нововведения обоих периодов в российской политике — и интеграции, и изоляции — направлены к одной и главной цели: подстегнуть рост продуктивности. Дают ли искомый эффект сперва сокращение бюрократического аппарата, монетизация услуг и подстегивание правительством конкуренции (зачастую весьма жесткое), а затем суверенное использование аппаратов насилия? Очевидно, не столь ощутимый, если вообще какой бы то ни было. Об этом ярко свидетельствует один из ключевых показателей развития экономики — производительность труда. До конца 2000-х, и в особенности до мирового финансового кризиса 2008 года, производительность растет быстрее. В следующем десятилетии, по мере коммерциализации государственного сектора и одновременной суверенизации экономики, рост замедляется, несмотря на высокие показатели ВВП. В странах Евросоюза в среднем рост в тот же период более выражен. В российской «патриотической» фазе с 2014-го он замедляется еще заметнее, при растущих поступлениях в национальный бюджет.

На вопрос «Почему?» первый ответ: из-за рентного характера российской экономики. Действительно, механика ренты мешает долговременному развитию, способствуя сверхконцентрации доходов и блокируя инвестиции в труд. Но и это объяснение не исчерпывающее. Чтобы лучше понимать устройство режима, который распоряжается нашими жизнями, важно умение читать его показатели, которое не ограничивается узкотехническими рамками и не размывается на броские метафоры девяностых. Обойти стереотипные ловушки «исключительности» российского случая помогает обращение к широкому и эвристичному контексту политической экономии. Анализ неолиберальной и неомеркантилистской тенденций в государственном управлении позволяет яснее определить истоки проблемы и всерьез обсуждать будущее страны.

ГОССЛУЖАЩИЕ (ГРАЖДАНСКИЕ), АРМИЯ*, ПОЛИЦИЯ* И ЧОПЫ, 2000–2023

6

кантилистской (обеспечение государственного суверенитета) прослеживается и в структуре государственного аппарата. До середины 2010-х неолиберальные реформы во имя эффективности и снижения нерентабельных бюджетных трат сокращают ряды гражданских государственных служащих (серая линия на графике б), армии (красная линия) и полиции (синяя линия). (При расчете численности полиции и армии, по разным источникам, учитывались только штатные сотрудники, исключая техниче-

гражданскому корпусу. Суверенные функции государственного аппарата насилия, прежде сокращавшегося под лозунгами эффективности, укрепляются по мере роста репрессий оппонентов, сдерживания социального протеста и, наконец, начала СВО. Плановый рост к 2025 году лишь подтверждает этот сдвиг.

При этом государственное использование насилия уже немислимо без управления частным. В этом смысле важен еще один, на первый взгляд внешний, показатель:

Александр Бикбов

Гибридный тоталитаризм?

ПОПЫТКА ОПРЕДЕЛИТЬ РЕЖИМ,
В КОТОРОМ ПРЕБЫВАЕТ
НЫНЕШНЯЯ РОССИЯ

Суть политических явлений коротко и энергично обнаруживается в анекдотах, соответствующих своей эпохе, но и оказывающихся в результате вневременными. Что замечательно проявляется в титаническом труде М. Мельниченко «Советский анекдот: указатель сюжетов», вышедшем недавно в издательстве «Новое литературное обозрение»¹. Например, такой анекдот 1931 года, не слишком смешной, но зато вполне научный по сво-

ему содержанию: Ягода спросил у Сталина: «Что бы вы предпочитали, товарищ Сталин, — чтобы члены партии были верны вам из-за своих убеждений или из страха?» Сталин ответил: «Из страха. Потому что убеждения могут измениться, а страх останется». Или из андроповских времен. После единогласного избрания Андропова генсеком: «Проголосовавшие, опустите руки и отойдите от стенки!» Или вот такой. Советские ученые вывели новый сорт яблок — «андроповку». В отличие от знаменитой

«брежневки», он вяжет не только рот, но и руки. Кстати, последний анекдот иллюстрирует одно из отличий авторитаризма (или мягкой версии тоталитаризма) от тоталитарного режима — при последнем степень репрессивности выше, а молчания недостаточно или оно не спасает. «Авторитарным, в отличие от тоталитарного, является режим, при котором власть организованной политической группировки опирается на молчание большинства», — писал выдающийся политический мыслитель Ральф Дарендорф².

Андрей

Колесников

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ КОЛЕСНИКОВЫМ АНДРЕЕМ
ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА КОЛЕСНИКОВА АНДРЕЯ
ВЛАДИМИРОВИЧА.

*Мириться лучше со знакомым злом,
Чем бегством к незнакомому
стремиться!*

*Так всех нас в трусов превращает мысль,
И вянет, как цветок, решимость наша.
Шекспир, «Гамлет»
(в пер. Бориса Пастернака)*

*Как и всякая тоталитарная система,
советская требовала не просто послушания,
но и соучастия.
Элендея Проффер*

Карта и территория

Наше место на карте режимов — везде и нигде. Научные классификации политических систем и стандартный для политической науки анализ, вплоть до математизированного, при описании конструкции зрелого путинизма не работают. Проще описывать сложность режимов понятием «гибридный» — тем самым обозначаются заимствования тем или иным режимом из разных систем различных элементов.

Однако нынешнюю версию путинской системы невозможно описать модным когда-то понятием «гибридный авторитаризм» — в нем нет ничего гибридного, он предельно жесткий. Не описывается он и термином Трейсмана–Гуриева «информационная диктатура» (или «диктаторы обмана»)³, потому что, как в анекдоте, режим вяжет не только рот, но и руки.

В логике Аджемоглу–Робинсона, если репрессии оказываются для лидера слишком дорогостоящими, он может снизить политический прессинг, а иной раз логичнее ввести элементы демократии, чтобы избежать революций или начать реформы, чтобы сохранить власть⁴. Собственно, ничего нового в этой схеме нет, она опи-

сана еще в книге Джузеппе Томази ди Лампедузы «Леопард» (1956), где один из героев, Танкреди Фальконери (в фильме Лукино Висконти «Леопард» 1963 года его играет Ален Делон), аристократ, ввремя нашедший себе место в отряде гарибальдийцев, произносит известную фразу рационального приспособленца: «Если мы хотим, чтобы все осталось, как прежде, нужно, чтобы все изменилось». Однако и логика Аджемоглу–Робинсона, хотя она и переплавлена в математические формулы, в случае современных диктаторских режимов (вроде российского, белорусского, венесуэльского) не работает: никто из вождей не считается с дорогостоящим характером репрессий. Главное, диктаторы ведут себя иррационально и максимально неуступчиво.

Банальность и уникальность зла

И тем не менее: попробуем найти слова для описания слабо описуемого — и мотивировать их появление. Путинский режим — это гибридно-тоталитарное государство с полумобилизованным обществом, основанное на национал-имперской мессианистической идеологии и государственном капитализме (стоит заметить, что сочетание национализма и имперскости, мягко говоря, нечасто встречается в политической природе, но Кремлю удалось соединить несоединимое). Так можно охарактеризовать персоналистский авторитарный режим, который построил лично Путин за более чем двадцать лет правления, приравняв его к понятию «Россия».

С одной стороны, это банальный ультраконсервативный и вождистский режим — нам ли, до сих пор существующим в тени сталинизма, этого не знать. С другой стороны, этот режим уникален — все-таки на дворе XXI век, а российское общество

модернизированное, то есть адаптированное к мирной жизни при рыночной экономике, а не к военным операциям, продолжительным и дорогостоящим, увеличивающим роль государства в экономике и к архаической идеологии «традиционных ценностей» в повседневной жизни.

Почему это гибридный тоталитаризм? Еще в 2022 году общество не было мобилизованным в политическом смысле — достаточно было одобрять «специальную операцию» молча. Молчать «за» — это авторитарная практика. Но она была дополнена иными практиками — принуждением к единомыслию, особенно в бюджетозависимом, то есть материально зависящем от государства, населении и в системе образования. Чтобы нормально существовать в этой системе, иной раз нужна поддержка голосом. А с сентября 2022 года — и телом. Частичная мобилизация предполагает физическое соучастие подданных в инициативах власти — это тоталитарная практика. Единый учебник истории, подготовленный Мединским–Торкуновым, — тоже образец тоталитарных практик, поскольку сдающий экзамен по гуманитарным дисциплинам молодой человек не сможет войти во взрослую жизнь, не расплатившись с государством публичной лояльностью, то есть следованием параграфам сталинистского учебного пособия. Иначе в эту самую жизнь он не войдет.

Таким образом, режим образца 2023 года совмещает в себе признаки и авторитарного, и тоталитарного государства. Но тотальность этого принуждения к единомыслию, иногда оказывающемуся добровольным, взять хотя бы ту же эпидемию доносов, не полная, не стопроцентная. Отсюда и некоторая гибридность нынешнего отечественного тоталитаризма. (Доносительство, справедливо отмечал лауреат Нобелевской премии по литературе Чеслав Милош, «та основа, на которой держится Страх всех перед всеми», и в тоталитарных режимах оно «возводится в ранг добродетели».)⁵

Такая модель, разумеется, не может быть жизнеспособной без соучастия широких масс населения и управленческих, политических, интеллектуальных, предпринимательских элит. Все должны вносить свой вклад — платить налог на сверхдоходы, поскольку руководству не хватает денег на СВО и социальные расходы семьям раненых и погибших, придумывать новые формы и курсы индоктринации молодежи, проявлять рвение и смекалку в придумывании новых репрессивных законов и в их применении, писать доносы.

Гибридный тоталитаризм?

Путин за всем уследить не может, так что его режим во всех аспектах своего существования полагается на инициативы масс и представителей истеблишмента. Можно назвать это общественной поддержкой, то есть готовностью общества быть подмятым государством под себя и выходить на тропу войны с гражданским обществом, которое стремится эмансипироваться от государства.

тельного», или о практическом поведении людей-доносчиков — стремление, как это определяли нацистский философ Хайдеггер и нацистский правовед Шмитт, к «однородности», к «устранению или уничтожению чужеродного»⁷. Когда все подчиняются единым правилам и исключают из них чужаков, иначе мыслящих, всех мешающих ходить строем.

Труды по психологии толпы и анатомии человеческой деструктивности лучше описывают гибридный тоталитаризм, чем теория режимов. Находясь в толпе, ощущая себя массой, признавая себя частью одобряемого мейнстрима в политике и повседневности, человек обретает безопасность и спокойствие. По Лебону, «в толпе действуют консер-

гание и одиночество»⁹. В такой модели государства и общества легко установить некрофильский и героический культы, которые не свойственны современной эпохе: «Ради таких идеалов, как «жизнь после смерти» (вспомним тезис патриарха Кирилла, согласно которому навшим за Родину на полях сражений прощаются все грехи. — А.К.) или «будущее человечества» (в сегодняшнем изводе — русское мессианство, исповедуемое Путиным или, например, «единым» учебником истории для 11-го класса. — А.К.), можно пожертвовать жизнью и счастьем людей, живущих здесь и теперь; полагаемые цели оправдывают любые средства и становятся символами, во имя которых религиозные или светские «элиты» распоряжаются жизнью других людей»¹⁰.

Историк Энтони Бивор, изучив поведение фанатиков-националистов во время Гражданской войны в Испании в 1930-е годы, замечал, что «людей поощряли растворять личность и индивидуальную ответственность в общем деле, обладавшем мистической, даже сверхчеловеческой аурой. Карлистам-«рекетес» (сторонники радикальной военизированной католической организации. — А.К.) внушали, что каждый убитый красный на год сократит срок пребывания убийцы в чистилище. Именно эта дегуманизация и делала войну такой ужасной»¹¹.

Конформизм — в определенном смысле естественное состояние в ситуации гибридного тоталитаризма, потому что индивид чувствует себя заложником режима. По замечанию английского философа и антрополога Эрнеста Геллнера, «люди скорее будут считать самих себя грешниками, чем обвинят общественный строй, в котором живут». Тот самый массовый человек «чаще всего... готов принять на веру убеждения, которые разделяет другой член сообщества», тем более если в оправдании нуждается что-то совсем необычное и необъяснимое»¹².

“ Тоталитаризм поддерживают самые обычные люди. Демократию поддерживают те же самые люди, что поддерживали и тоталитаризм ”

Общество в таком режиме — набор людей, готовых подчиняться. Это торжество массового человека, описанного еще Гюставом Лебоном и Хосе Ортегой-и-Гассетом, — пассивный конформист считает за благо для себя стать конформистом активным, или агрессивно-послушным. По Ортеге, «массовый человек... не упустит случая под любым предлогом двинуть рычаги, чтобы раздавить какое бы то ни было творческое меньшинство, которое раздражает его всегда и всюду, будь то политика, наука или производство»⁶. Важное свойство тоталитарности — говорим ли мы о государственной политике, выраженной в законах против всего «иностранный» или «нежела-

вативные инстинкты, столь же несокрушимые, как у всех первобытных людей. Она питает самое священное уважение к традициям и бессознательный ужас, очень глубокий, ко всякого рода новшествам»⁸.

В «Психоанализе и религии» Эрих Фромм называл бездумное подчинение огромных масс людей иррациональным идеям и начинаниям тиранов «случаями массового безумия»: «Даже самая иррациональная ориентация, когда ее разделяет значительное число людей, дает индивиду чувство единства, определенной безопасности и стабильности... Когда доктрина, какой бы она ни была иррациональной, забирает власть в обществе, миллионы людей выберут скорее ее, чем из-

В тисках несвободы

Это предполагает сознательно пестуемый отказ от критического мышления

Светлана ВИДАНОВА

и высокую степень равнодушия как защитной реакции на непонятное и страшное. Индифферентность — вот на чем покоится путинская модель. Но это палка о двух концах: пригожинский мятеж подтвердил гипотезу, согласно которой массовое безразличие, являясь основой системы, в той же мере несет риски ее разрушения — большинству все равно, что произойдет в верхах и кто станет новым верховным боссом, лишь бы это самое большинство не вовлекали в окопы и политические разборки верхов. Недавнее братание с «народом» в Дагестане или Санкт-Петербурге Путина, который, как любой автократ, нуждается в подпитке народной любовью без посредничества государственных структур вроде парламента или правительства, не должно вводить в заблуждение: тот же народ с тем же энтузиазмом будет встречать любую знаменитость. Геллнер писал: «Поразительная легкость, с которой при изменении баланса власти целые народы меняют свои убеждения... говорит о том, что эти убеждения не так уж и глубоки»¹³.

Тоталитаризм поддерживают самые обычные люди. Демократию поддерживают те же самые люди, что поддерживали и тоталитаризм. Пример немецкого народа: «Куда делись нацисты?» — вопрошала Ханна Арендт сразу после поражения. Пример советского народа — с каким энтузиазмом он встречал феномен Горбачева. И с тем же энтузиазмом ненавидит эпоху Горби сейчас — не только потому, что ищет корень бед в прошлом, но и потому, что так теперь положено, это социально одобряемая точка зрения.

В книге Руты Ванагайте и Эфраима Зуроффа «Свои. Путешествие с врагом» идет тяжелый разговор о коллективной ответственности за преступления и о том, как преступниками становятся самые обычные люди. В данном случае за Холокост на территории Литвы. Рута и Эфраим

спорят. «Величайший ужас Холокоста, — говорит Зурофф, — в том, что преступления совершали нормальные люди. До Холокоста они были нормальными, после Холокоста они были нормальными, но на время Холокоста они сделались самыми ужасающими преступниками». Ванагайте возражает: «Знаете что? Эти люди всю свою жизнь были нормальными — до Холокоста, во время него и после него. Просто законы изменились»¹⁴.

«Приспособленчество без участия в делах режима, но и без активного сопротивления — обычное поведение публичного интеллектуала в условиях фашизма», — писал Ральф Дарендорф¹⁵. Но как быть, если режим требует соучастия?

В системе, где соучастие обязательно, даже простое неучастие — проявление

чуждой политической культуры. Больше того — форма сопротивления. В этом смысле и внешняя, и внутренняя эмиграция — способ демонстрации неприятия режима. Готовность лишиться работы в каком-нибудь сильно государственном вузе, где уже за границу-то нельзя уехать без разрешения начальства, — пример сопротивления. Это не фига в кармане. Это демонстративное стремление жить так, будто вокруг нет людей, которые еще вчера были товарищами по работе, а тут вдруг превратились в партком с месткомом вперемешку с полицией нравов. То есть стремление жить свободно.

Мераб Мамардашвили как-то сказал: «Считается, что мы свободны тогда, когда можем выбирать, и чем больше выбора, тем больше свободы. А философ говорит другое... Свобода — это феномен, который имеет место там, где нет никакого выбора. Свободой является нечто, что в самом себе содержит необходимость. Нечто, что является необходимостью самого себя, и есть свобода»¹⁶.

Если человек внутренне свободен, система не может ничего с ним сделать. Даже если лишает его выбора или выборов или вынуждает уехать из родной страны или сажает в тюрьму. Это то, что не допускает полной тотальности насилия и принуждения к единомыслию в гибридном тоталитарном режиме.

Андрей Колесников

¹ Мельниченко М. Советский анекдот: указатель сюжетов. М., 2023.

² Дарендорф Р. Соблазны несвободы. Интеллектуалы во времена испытаний. М., 2021. С. 287.

³ Sergei Guriev and Daniel Treisman. Spin Dictators: The Changing Face of Tyranny in the 21st Century. Princeton University Press, 2022.

⁴ Асемоглу Д., Робинсон Д.А. Экономические истоки диктатуры и демократии. М., 2015. В последующих переводах работ этих авторов фамилия Асемоглу транскрибируется правильным образом: Аджемоглу.

⁵ Милош Ч. Порабощенный разум. СПб., 2022. С. 115.

⁶ Психология толпы. М.—СПб., 2003. С. 460–461.

⁷ Фай Э. Хайдеггер. Введение нацизма в философию. М., 2022. С. 338.

⁸ Там же. С. 187.

⁹ Сумерки богов: [Сборник] / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм и др. М., 1989. С. 165.

¹⁰ Там же. С. 168.

¹¹ Бивор Э. Гражданская война в Испании, 1936–1939. М., 2017. С. 670.

¹² Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 2004. С. 160–162.

¹³ Там же. С. 162.

¹⁴ Ванагайте Р., Зурофф Э. Свои. Путешествие с врагом. М., 2018. С. 283–284.

¹⁵ Дарендорф Р. Указ соч. С. 159.

¹⁶ Мераб Мамардашвили. «...Преодолеть мыслительную неграмотность народа и власти». О призвании философа // Следующий шаг. 2009. № 7/8. С. 16.

У российского общества тревно-депрессивное расстройство

КАК ТРАВМЫ ПРОШЛЫХ ПОКОЛЕНИЙ
СКАЗЫВАЮТСЯ НА ПОТОМКАХ?
И ПОЧЕМУ РОССИЯ НИКАК
НЕ МОЖЕТ «ВЫЗДОРОВЕТЬ»?

Рассказывает **Анна Варга** —
кандидат психологических
наук, член правления
Общества семейных
консультантов
и психотерапевтов

Наталья
Чернова

— Можно ли считать Россию страной непрекращающейся травмы прошлого? У нас исторические катаклизмы следуют нон-стоп на протяжении XX века: Первая мировая, революция, коллективизация, годы репрессий, Вторая мировая, Чечня, Афган... Каждое новое поколение россиян выросло в семьях, где поколение предков пережило катастрофу. Как такой хронический стресс сказался на нас?

— Психическая травма общества не формируется в момент актуально происходящих катастроф. Она формируется спустя какое-то время. Схема примерно такая: есть актуальное травмирующее событие, которое переживает много людей. Событие заканчивается, многие выжившие через какое-то время начинают страдать от посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Дальше два фактора начинают формировать культурную травму — свидетельства о событии и рассказы о людях, страдающих от травмы. Травмирующее событие закончилось, но влияние его осталось, потому что человек постоянно воспроизводит в своем поведении и состоянии это событие. Эти две линии рассказов и «запускают» культурную травму.

В России своеобразный «портрет» культурной травмы — очень мало рассказывается о людях, которые страдают от ПТСР. Хотя, например, хорошо изучен и описан «вьетнамский синдром», который переживали американские ветераны войны во Вьетнаме спустя много лет после ее окончания.

В нашей культуре все иначе. Описания травмирующих событий есть — это и свидетельства и воспоминания о Великой Отечественной войне, и о сталинском терроре. А описания переживаний редки.

Как будто в России существует особый норматив переживания травмы — без внешнего проявления страдания. Ветераны войны в семьях редко рассказывали о

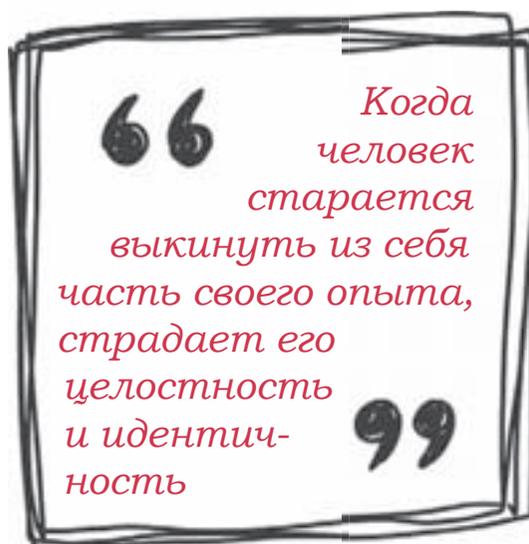
своем опыте и чувствах. А показывать страдание по поводу раскулачивания, насильственного перемещения, ареста родного человека и вообще было небезопасно. Если вспоминать про войну — то нужно радоваться победе, если же про террор, то не делиться этими воспоминаниями — безопаснее забыть, отречься. Память о «врагах народа» в семьях очень часто не сохранялась. И мы видим это по работе с семьями, когда выстраиваешь генеалогическое древо на два-три поколения. Выясняется, что о своих предках люди ничего не знают. Никто не рассказывал.

Не принятое обществом горевание усугубляет коллективную травму, замедляет ее переработку.

— Но молодые люди, как правило, мало интересуются прошлым своих родственников. Этот интерес приходит позже.

— Они мало интересуются, потому что в семье не принято об этом говорить.

И есть такая известная работа Юлии Гиппенрейтер и Кэтрин Бейкер «Влияние сталинских репрессий конца 30-х годов на жизнь семей в трех поколениях», которые

показали, что в тех семьях, которые не сохраняли память о репрессированных родственниках, потомки хуже адаптировались и ниже функционировали вообще в целом. У них в среднем был ниже уровень жизни, больше хронических заболеваний, ниже образование.

Это происходит из-за высокого уровня тревоги, страха в семье. Хроническая тревога ослабляет здоровье в целом. Механизм это сложный, начиная с того, что страх, стресс снижают иммунитет, и

люди чаще болеют, и кончая соматизацией тревоги, когда психосоматические заболевания являются своего рода защитой. Проще говоря, человеку лучше страдать язвой желудка, чем душой.

Если семья репрессированного «слушалась» страха, то возникал определенный тип социального поведения — стать незаметными, не высываться. Потомки не могли получать высшее образование, работали на низкооплачиваемых работах. Эти правила выживания транслировались следующему поколению, и у этого поколения снижался уровень функционирования.

Пример того, как травма ломала жизнь следующему поколению, — история Ласло (представлялся как Слава) Мадьяра. Его родители, Лайош и Эржбета, были коммунистами, Лайош был членом правительства Венгерской советской республики. Жена и он были арестованы после ее разгрома. Советское правительство их обменяло на венгерских пленных и поселило в Москве. Они дружили с моими дедом и бабушкой. Лайош был арестован и расстрелян в 1937 году, Эржбета прошла лагерь и ссылку. Их сын Ласло попал в детский дом, когда его мать освободилась, он жил с ней, никогда не был женат, работал на стройках. При этом знал три языка, был очень способным, но не получил никакого образования, кроме восьми классов школы. По моим воспоминаниям, он был грустным, тихим человеком, глубоко верующим коммунистом. Достаточно сказать, что он отказался приватизировать свою квартиру, хотя мог бы завещать ее человеку, который помогал ему в старости, потому что «правительство мне квартиру дало, я должен правительству ее вернуть».

Это яркая иллюстрация снижения уровня функционирования в поколениях: родители активно жили, шли за своими убеждениями, были заметными историческими фигурами, не бедствовали в материальном смысле, родили ребенка. Затем оказались жертвами террора, и их ребенок уже жил незаметно, тихо, не оставил потомства, и несмотря на то что его родители страшно пострадали от режима, был его верным сторонником.

У российского общества

тревожно-депрессивное расстройство

Память о травмирующих событиях, о пострадавших родственниках вытесняется из-за страха. Страх этот многообразен.

Есть несколько моделей:

«Я не хочу вспоминать и рассказывать (например, ветеран войны), чтобы не погружаться в страдание, чтобы не передавать это страдание другим».

«Я не хочу знать и помнить о пострадавших (родственник репрессированного), потому что, если люди узнают, что у меня член семьи — враг народа, я сам могу пострадать, мои дети могут пострадать, и лучше все вычеркнуть, все забыть, ничего не было».

Когда человек старается выкинуть из себя часть своего опыта, страдает его целостность и идентичность. Он не перерабатывает свой опыт, поэтому опыт не становится его ресурсом, его силой. В семьях, в обществе возникает заговор молчания. Разрывается непрерывность линии времени: одна жизнь до травмирующих событий, и совсем иная — после. Если не сшивать эту линию, то возникает странная жизнь, когда прошлое в каком-то смысле не существует. Потеря памяти — это неслучайная тема «ужасиков».

— **Выходит, память влияет на весь человеческий функционал?**

— Не память, а то, как люди справляются со стрессом и как эти способы передаются от поколения к поколению. В психологии это явление называется «трансгенерационная передача». Есть способы эффективные, а есть неэффективные. Подробная открытая передача опыта, обсуждение его — это эффективный способ, который усиливает человека, семью, общество. Придает энергию, если хотите. Вытесненный опыт все равно передается, но он передается криво, через заражение страхом, тревогой, которые не имеют объяснения. Если травматический опыт не осознается, уроки из него не извлекаются, то на индивидуальном и на общественном

уровне люди будут повторять, воспроизводить травму.

Токсичный фактор такой модели — это высокая толерантность к насилию в России в целом.

— **Это специфика исключительно России или это особенность стран с тоталитарными режимами?**

— Не могу с уверенностью утверждать, что только в России так. Но то, что домашнее насилие не осуждается — это точно наша история. У меня есть какие-то дилетантские соображения о том, что толерантность к насилию может быть связана с крепостным правом, когда легко продавали членов семьи по отдельности, не берегли семейные связи. Известный исторический персонаж Салтычиха, например, убила 38 своих людей. Это была единственная помещица, которую за это наказали, сослали, и она в монастыре умерла.

А далее весь XX век был историей социального насилия, это не могло не повысить толерантность к нему. Полиция у нас на семейные драки не выезжает, пытки в местах заключения — обычное дело, во времена террора полстраны сидело, и лагерная культура стала частью обыденной жизни. Я знаю случай, когда в верующей воцерковленной семье муж бил жену жестоко. Она обращалась к батюшке. Батюшка говорил: «Терпи». Только тогда, когда муж избил жену деревянной иконой, батюшка его пожурил. Он не за жену вступился, он был возмущен неправильным использованием иконы.

— **А какая травма наиболее сокрушительна для нации в целом — война, масштабная эпидемия, природная катастрофа?**

— Это все травматичные события. Трудно сказать, что хуже. Если мы говорим про личный опыт людей, то травматический синдром возникает, когда человек испытывает угрозу своей жизни, когда он свидетель насилия и смерти другого человека, когда его насильственно перемещают, когда у него отнимают или разрушают имущество.

Когда он сталкивается с природными катастрофами, происходит то же самое. Возникнет ли ПТСР — вот это зависит от того, как человек себя вел во время травматического события. Я с группой психологов была в Беслане после захвата школы террористами. И мы работали с теми, кто несколько суток был в заложниках в захваченной школе. Так вот, те, кто активно действовал, кто помогал другим выбраться и пережить кошмар, у них гораздо меньше был уровень травматизации. А те, кто сидел в углу и боялся, имели очень сильный посттравматический синдром

Если коротко описать этот синдром, то он выражается в выраженном снижении энергии, когнитивных функций — человек теряет внимание, не понимает смысл услышанного и прочитанного, он постоянно подавлен. И его часто настигают так называемые «флэшбеки» — непрошенные яркие воспоминания будто насильственно помещают его в травматичное событие.

— **Значит ли это, что сопротивление имеет терапевтический эффект?**

— Не сопротивление, а активные действия, спасти кого-то, помогать более слабому. Не что-то взять, а отдать в критический момент. Именно эта модель имеет терапевтический эффект.

Помощь дает ощущение силы. Делает человека субъектом своей жизни, дает

Юрий КОЗЫРЕВ

2000 г. Развалины Грозного

понимание осмысленности жизни. Человек действует для блага других людей, да даже и если только для своего блага — активно спасая себя, это лучше, чем ничего не делать и испытывать беспомощность. Ощущение собственной беспомощности — тяжелое чувство, деморализующее.

— Что происходит с отдельно взятым человеком, если его родители жили во времена общественной катастрофы? Какие поведенческие модели наиболее характерны? Какие — нет, но тем не менее наносят ущерб гармоничной жизни личности?

— Люди, которые пережили общественные катастрофы, — это «выжившие». Они осознанно или неосознанно сформировали «правила выживания», которые они передают своим потомкам, чтобы те тоже выжили.

Наиболее подробно изучены способы и модели поведения, переданные потомству выживших в Холокосте. Яэль Даниэли — знаменитая исследовательница многопоколенной травмы Холокоста — выделяет четыре адаптивных стиля. Для «жертвы» характерны печаль и страх перед внешним миром, «боец» запрещает жалость по отношению к себе, проявляет компульсивную активность, «оцепеневший» как будто теряет силы и живет в состоянии подавленности, а четвертый тип принимает свое прошлое по принципу «что было, то прошло». Оно проявляется в отречении от опыта жертв Холокоста, ассимиляции, сильном стремлении к успеху.

С одной стороны, дети жертв Холокоста воспринимались как огромная ценность, их берегли, гиперопекали, а с другой стороны — само их появление было как бы символом жизни, поэтому отношение

к ним в семьях не очень-то учитывало их индивидуальность. Они как бы — «мемориальные свечи Холокоста». Дети воспроизводили адаптационные стили своих родителей не только как жизненные установки и картину мира. Фактически они так же страдали от ПТСР, хотя жили уже в других обстоятельствах. Признаки ПТСР отмечались и у третьего поколения потомков. Создалась травмоцентрическая ментальность народа Израиля и вообще евреев. Есть сериал «Нонортодокс», где показана еврейская община в Нью-Йорке, очень закрытая, главная задача которой — рожать как можно больше детей, чтобы восполнить шесть миллионов убитых евреев.

У русского общества

тревожно-депрессивное расстройство

Все адапционные стили не хороши. Они ограничивают свободу саморазвития человека. Они обрекают потомков на воспроизводство травмы в нетравмирующих обстоятельствах. Но и без них невозможно, потому что в них защиты память и опыт. Отрицать опыт, не прикасаться к нему — это самое плохое, что может быть, если мы говорим о влиянии травмы на человека и общество.

— **А какие модели выживания передаются из поколения в поколение в России?**

— Примечательно, что российские модели мало меняются со временем. Это, видимо, свидетельство того, как российская история идет по повторяющемуся сценарию. Наиболее типичные правила выживания, которые транслируются открыто, — это не выбрасывать еду, не доверять людям, не обращаться к властям, не высовываться, быть незаметным и не вызывать зависть, не помогать другим.

Эти правила воспроизводят мир, где каждый за себя, и вообще непонятно, как объединяться, если есть априорное недоверие. Потомки могут жить в относительно благополучном мире, как было у нас до последнего времени, но действовать так, как будто они живут во время катастрофы. Катастрофа все время воспроизводится. Это тормозит развитие общества.

Есть и еще одна существенная черта хронически травмирующихся обществ. Они становятся регрессивными обществами, архаизируются. Когда времена очень трудные, то воспроизводятся старые модели жизни, когда — так кажется — все было хорошо. Это вообще универсальный механизм. Например, в семье был один ребенок, потом рождается второй. Нередко старший совсем не рад младшему. Старший начинает демонстрировать такое поведение, которое он, казалось бы, уже перерос: писается, просит соску, перестает

сам одеваться, есть, настаивает, чтобы его кормили. Примерно так же и с обществом происходит.

Мне хочется подчеркнуть: травма создает высочайший уровень тревоги, а все дальнейшее — это способы совладать с ней. Эти способы в основном не оптимальные, они дисфункциональные, вредные.

Регрессивное общество жестоко и к людям, и к природе. Оно изгоняет иных — начиная от тех, кто думает иначе, и кончая теми, кто выглядит иначе. Люди атомизированы, политические решения реактивные и сиюминутные. Нет никакого представления об общем благе, никто им не руководствуется.

— **Неужели мои дети, которые выросли в годы, когда Россия считалась свободной, обречены воспринять от меня, условно, травматическую модель поведения?**

— Воспитание происходит в основном неосознанно. Результат воспитания очень трудно предсказать. Специфический адаптивный механизм, хотим мы этого или нет, передается. Мы его не очень контролируем. Семейное влияние на самом деле колоссально.

Если человек живет очень благополучно, если у него выстраивается жизнь, в которой он понимает связь между вложением усилий и получением результата, если у него есть опыт, что он делает то, что хочет, а не то, что велели, то влияние семьи уменьшается. Как только он попадает в длительный стресс, семейные послания и семейные стереотипы тут же прорываются. Родительская стратегия выживания выскакивает в критический момент.

— **Влияет ли «травма войны» на качество общего состояния общества?**

Что она провоцирует? Пассивность, опасения проявления гражданской активности, стремление жить только внутри семьи и не сотрудничать с окружающими?

— Мы понимаем, что в ходе военных действий затрагиваются разные регионы и разные социальные группы. Все очень по-разному. Что будет происходить в тех регионах, где много погибших? Это одна история. А, например, в крупных городах, где масштаб потерь не столь очевиден, иная реакция общества.

— **Давайте тогда попробуем спрогнозировать, что будет в тех регионах, где число погибших заметно.**

— Я думаю, что это во многом будет зависеть от того, как это будет преподноситься властью. Понимаете, после Второй мировой войны все ее участники для нашего общества были несомненными героями, которые погибли за правое дело. Чтобы повторить этот сценарий, нужна победа хоть какая-то, как она была во Второй мировой. Если не говорить о цене этой победы и если поддерживать миф, тогда будет, так сказать, «праздник со слезами на глазах».

А если общество, что вполне возможно, будет воспринимать погибших иначе? То будет, видимо, другая реакция... Понимаете, мы же сидим внутри этой социальной системы, изнутри хуже видно.

— **Есть ли способ переработать травму?**

— Признание травмы обществом, то, что она была, признание ответственности — это исключительно важно, абсолютно необходимо для переработки травмы и невозвращения к ней.

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Есть много работ про то, что реально немцы стали осознавать и признавать зло фашизма совсем не сразу. Это началось только в 70-е годы на уровне внуков, через поколение. А поколение детей отстранялось всячески: «дайте помереть спокойно, не лезьте к нам с этим». Признавать и прорабатывать эту травму стали внуки. Я принимала участие в международных конференциях, где проходили встречи потомков тех, кто осуществлял геноцид, и потомков тех, кто выжил в этом геноциде. Их собирали вместе, чтобы они как-то разговаривали и преодолевали этот опыт.

А вот уже внуки, которые жили в более благополучное время, они смогли, образно говоря, заглянуть в эту «комнату ужаса» и переварить это.

— **А наше общество вырабатывает стратегии для выживания?**

— Думаю, да. Одна из самых распространенных — отстраниться... Многие говорят: «Я новостей не смотрю, живу прекрасно. И не трогайте меня, бога ради». За этим стоит страх, тревога и отрицание реальности как способ совладать с тревогой.

— **А в чем это выразилось у послевоенного поколения в Советском Союзе? Какие установки им транслировали родители?**

— Я больше знаю про поколение детей репрессированных. Родители внушали, что нужно учиться на врача — если посадят, то в лагере не пропадешь. Или же на портного — обшивать начальство. Учили правилам выживания в лагере, потому что тебя, скорее всего, посадят, потому что сажали всех.

Проблема нашего общества в том, что травма «палачи и жертвы сталинских репрессий» так и не была проработана. И это создает очень плохой фон.

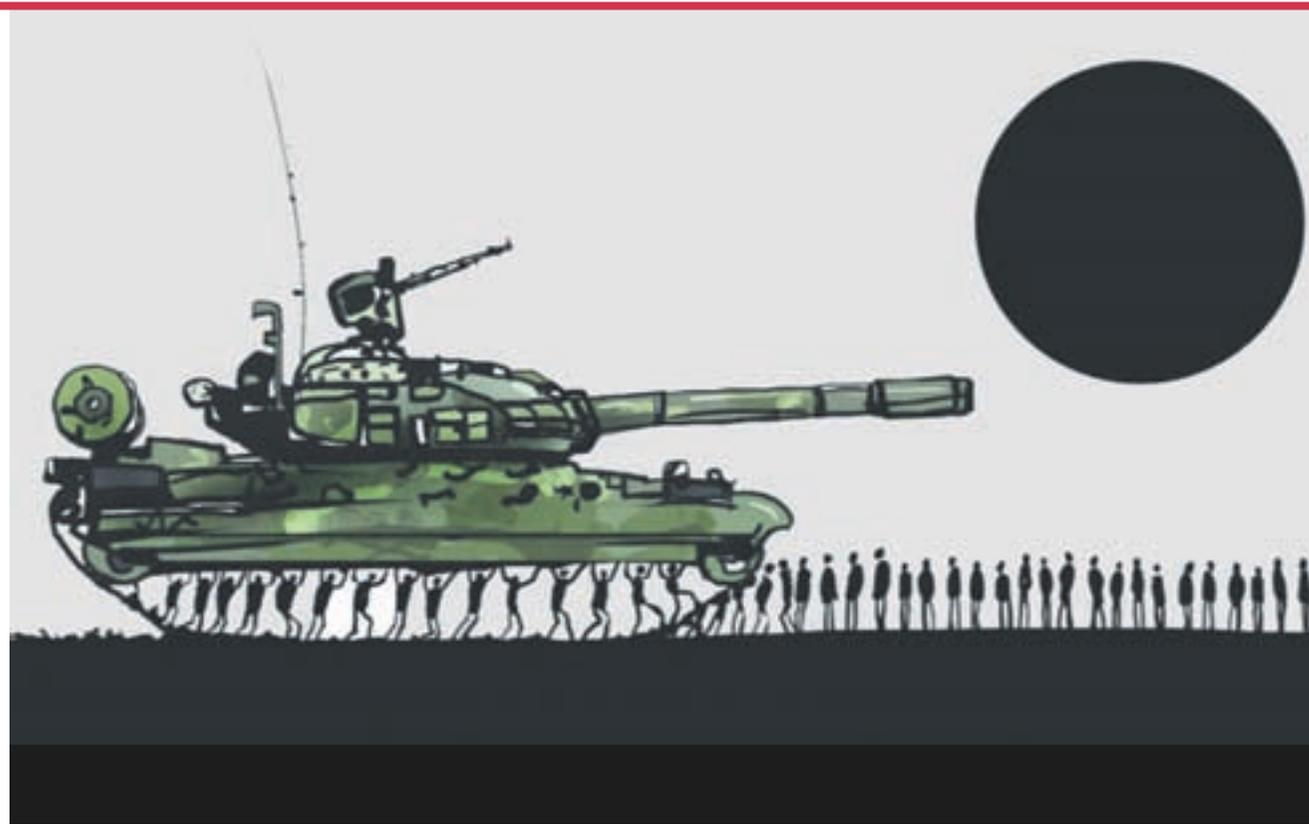
— **Можно ли предположить, что поколению молодых людей, которые стали свидетелями всего происходящего и остались жить в России, чтобы выжить, придется ломать себя и поступать принципами?**

— Трудно сказать. Все индивидуально, но то, что в России общество находится в состоянии социального регресса, очевидно.

— **Если сейчас ставить диагноз нашему обществу, то каким он будет с точки зрения психотерапевта?**

— Простите за повтор, мы

сейчас живем в регрессивном, травмоцентрическом, атомизированном обществе. Тревога управляет всем. Кто-то старается ее не замечать, жить тихо, как премудрый пескарь, кто-то бежит туда, где кажется безопаснее для себя и детей, кто-то идентифицируется с режимом и служит ему. Есть люди, готовые стоять за свои убеждения, рисковать собой. Если говорить об условном диагнозе — то у российского общества ПТСР и тревожно-депрессивное расстройство.

— **Я правильно понимаю, что детям трудно признавать вину своего родителя, даже если все очевидно? Поэтому послевоенное поколение в Германии так отстранялось от этого?**

— Человек всегда находит оправдание, ссылаясь на то, что в тех условиях не было другого выхода.

Мозг такие оправдания находит очень ловко, и они всегда работают. Потому что если бы это не работало, то можно идти и стреляться.

В Германии дети были свидетелями трагедии такого масштаба и такой сильной реакции своих родителей, что они не очень могли это переработать. Они от этого отстранились, чтобы как-то свою жизнь устроить.

— **Есть ли отличие в моделях жизни поколения, чьи родители жили в эпицентре военных действий, и тех, кто напрямую с ними не сталкивался?**

— У меня была студентка, которая в 14-м году делала работу по Донбассу, по правилам выживания в актуальной травме. Примечательно, что там никакие правила выживания родители детям не транслировали. Основная тема послания к ребенку была такой: «Бери сейчас все по максимуму от жизни. Пока есть такая возможность. Завтра ее может не быть».

А вот долгосрочные правила выживания формируются, когда уже нет актуальной травмы, но она есть в опыте и памяти, о них я уже рассказывала.

Беседовала
Наталья Чернова

О ЧЕМ ДУМАЮТ В РОССИИ

Социологическая рубрика

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ)
НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ
«ЛЕВАДА-ЦЕНТР» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА «ЛЕВАДА-ЦЕНТР».

Тоска по «Великой Державе»

Нет сомнения в том, что для бедного и зависимого от государства населения России сознание быть подданными «Великой Державы» играет крайне важную компенсаторную роль. Гордость за страну неотделима от трудно подавляемого стыда («...великий народ, богатая страна, а живем в вечной бедности и неустроенности») и угнетающего чувства отсталости от развитых стран.

Оба этих представления о стране и о самих себе составляют единый комплекс сопоставимых по силе переживаний: о «гордости» в ходе социологических опросов «Левада-центра» в разные годы заявляли от 49% (1994) до 83% (2017), о «стыде и огорчениях» при мысли о стране и ее прошлом — от 78% (1989) до 48% (2021). Это доминирующие мотивы коллективной идентификации россиян. В среднем на протяжении 30 лет такие ответы давали 73% и, соответственно, 60% опрошенных. Другими словами, основная масса этих

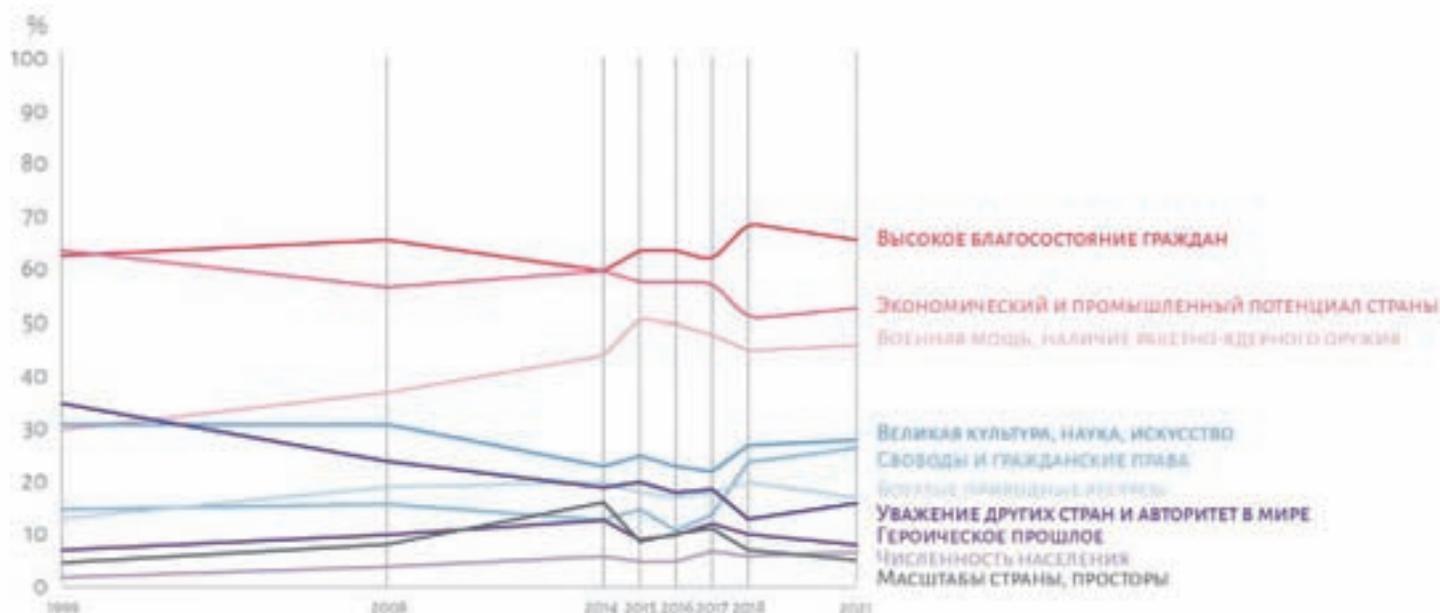
людей испытывала и испытывает крайне противоречивые чувства по отношению к своей стране. Максимум гордости приходится на периоды после военных кампаний, минимум — на годы кризисов и падения уровня жизни. Горечь из-за разрушения СССР, утраты Россией статуса «Великой Державы» является вторым по силе массовым переживанием (после сознания бедности и жизни в условиях перманентного «кризиса») на всем протяжении постсоветского времени. 80 с лишним процентов россиян, то есть абсолютное большинство, считали и считают до сих пор, что «Россия должна вернуть и сохранить за собой роль великой державы» (колебания от 72% в 1992 г. до 88% в 2018 г.). В 1998 году россияне ждали от того, кто сменит Ельцина на посту президента, прежде всего двух вещей: выхода из экономического кризиса и возвращения России авторитета супердержавы, который имел СССР до своего краха. Но тут возникает вопрос: а что, собственно, такое «Великая Держава», что под этим люди понимают? (график 1).

Как выясняется, в первую очередь с этим понятием ассоциируется то, чего они хотят больше всего. Главный признак «Великой Державы» — благосостояние народа, жить по таким же стандартам, как в «нормальных странах» (то есть как «на Западе»). И это желание лишь усиливается за 20 лет. Несколько слабее оставшаяся от советских времен идея

мощного промышленного потенциала самого по себе (ориентированного в основном на запросы государства, ВПК, армии, а не нужды обычных людей). Но, поскольку высокий уровень жизни по мановению руки начальства не растет, в массовом сознании усиливаются другие символические компоненты, прежде всего — то, чего должны бояться другие страны: военная мощь, ядерное оружие (рост более чем в полтора раза с 30% до 46–51%). И одновременно растет стремление к изоляционизму: вдвое, с 35% до 13–16%, снижается значимость «уважения со стороны других стран», то есть собственно авторитет страны на мировой арене. (Подчеркну, что эти изменения зафиксированы до СВО. Это значит, что общественное мнение в России оказалось хорошо подготовленным к необходимости игнорировать отношение мирового сообщества к последующим ее действиям.) Ни развитая наука с культурой, ни «героическое прошлое» (духовные традиции и скрепы), ни гигантские размеры страны или численность населения, ее природные богатства не являются в понимании россиян первостепенными характеристиками великих держав.

1 ЧТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ВХОДИТ В ПОНЯТИЕ «ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА?»

Источник: Левада-центр (признан Минюстом иностранным агентом)

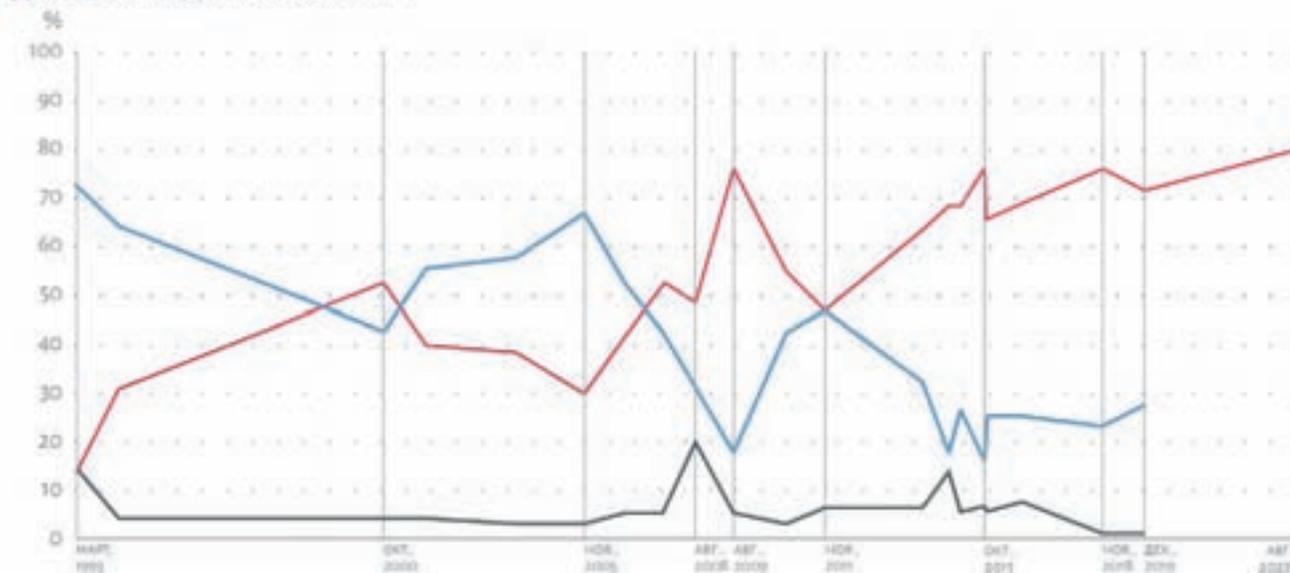

Тем не менее если нельзя, но очень хочется, то можно считать себя «великими», ограничиваясь тем, что есть. Пики идентификации россиян с Россией как «Великой Державой» приходится (со сдвигом в год)

Тоска по «Великой Державе»

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СЕГОДНЯ РОССИЯ «ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВОЙ»? 2

ДА, НЕТ, ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ

*В АВГУСТЕ 2023 ГОДА БЫЛА НЕКОТОРАЯ ИНАЯ ФОРМУЛИРОВКА: «НАЗОВИТЕ ТРИ СТРАНЫ, КОТОРЫЕ ВЫ МОГЛИ БЫ НАЗВАТЬ «ВЕЛИКИМИ». БЫЛИ НАЗВАНЫ «РОССИЯ» (80%), «КИТАЙ» (81%), «США» (30%) И ЗАМЕЧНО РЕЖЕ ДРУГИЕ СТРАНЫ (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ, ГЕРМАНИЯ). ИСТОЧНИК: ЛЕВАДА-ЦЕНТР (ПРИЗНАН МИНОСТОМ ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ).

на военные кампании, моменты резкого усиления пропаганды, возбуждающей настроения реванша и доминирования на постсоветском пространстве: на вторую чеченскую войну (2000), войну с Грузией (2009), «Крымнаш» (2015) и СВО (график 2). На их фоне заметны два провала: монетизация льгот (2005) и массовые протесты среднего класса в 2011–2013 годах, когда сознание причастности к величию державы заметно слабеет.

Ставка идеологов нынешнего режима на изменение акцентов в представлениях о величии державы — смещение с благосостояния на фантомы традиционных ценностей и милитаризм, мистику тысячелетней России — может быть признана успешной лишь отчасти. Несмотря на все усилия патриотической мобилизации, большинство россиян «по-настоящему» хотели бы жить в стране пусть и не самой

сильной в военном плане, не в «великой державе», но с высоким уровнем и качеством жизни, даже в маленькой, но чистой, уютной и спокойной стране (график 3). Платить за величие страны, обеспеченное превосходством военной мощи и угрозами существования другим странам, готово лишь незначительное меньшинство. В среднем на протяжении последних 25 лет 76% опрошенных «предпочли бы, чтобы основные усилия российского государства были направлены на достижение высокого уровня благосостояния граждан», а не на «наращивание военной мощи России» (эту позицию разделяют лишь 16% респондентов).

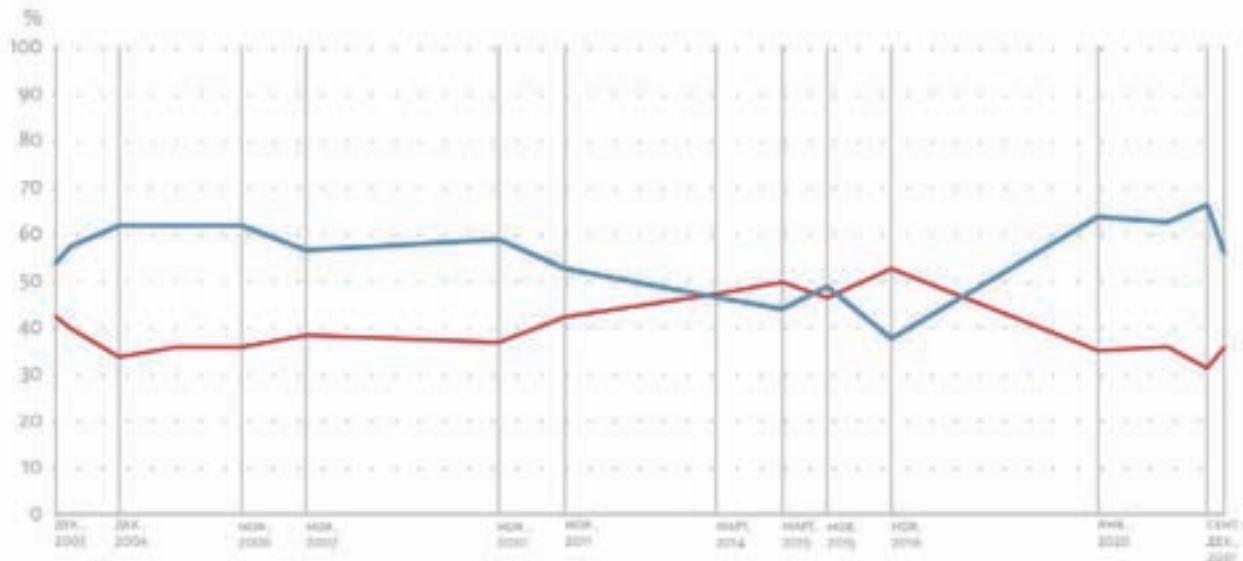
Функция «Россия как Великая Держава» — не просто утешение и возвеличивание обывателя в собственных глазах, но и переключение направленности сознания от внутренних трудностей жизни

на сюжеты и тематику виртуальной сцены геополитического соперничества. Проявления имперской спеси и заявления об угрозах национальной безопасности мало волнуют россиян в их реальной повседневной жизни, то есть в качестве обычных людей, озабоченных благополучием своим и своих близких. Но это не значит, что эти темы им безразличны. В роли подданных, то есть коллективных субъектов, они гордятся и военной мощью России, и ее «славой, купленной кровью», и громадностью завоеванных территорий, подчинением других народов. Страх утраты

этой гордости парализует потенциал гражданской самоорганизации, поскольку других оснований для чувства собственного достоинства, кроме принадлежности к империи, у них нет.

Нынешние ожесточенные споры об имперском духе русской культуры и генетической предрасположенности к экспансии и доминированию россиян носят умозрительный и догматический характер, рассматривая великодержавную «имперскость» как природную или предметную неизменяемую и метафизическую сущность. Было бы глупым отрицать в российском обществе значимость таких представлений, включая убеждения об историческом превосходстве России над другими народами и странами и, соответственно, готовность оправдывать насилие по отношению к ним или поддерживать господство над

КАКОЙ БЫ ВЫ ХОТЕЛИ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ВИДЕТЬ РОССИЮ СЕГОДНЯ? ВЕЛИКОЙ И МОЩНОЙ ДЕРЖАВОЙ, КОТОРУЮ УВАЖАЮТ И ПОБАИВАЮТСЯ ДРУГИЕ СТРАНЫ СТРАНОЙ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ЖИЗНИ, ПУСТЬ И НЕ САМОЙ СИЛЬНОЙ В МИРЕ

Источник: Левада-центр (признан Минюстом иностранным агентом)

ними. Проблема в другом — в понимании, какую роль (или, как говорят социологи, какова функция в поддержании интегрированности общества) играют эти представления в обществе, какова степень их распространенности в массе населения и какие группы используют их в своих интересах и целях. Для абсолютного большинства населения (62–66%) идея «империи» сохраняется главным образом в горделивых и возвышающих представлениях о России как «Великой Державе», но не предполагает военной экспансии или силового давления на другие страны. Их функция — сохранение коллективной идентичности (национальной гордости)

и оправдание легитимации власти, которая обеспечивает в глазах населения этот образ страны. Но от четверти до трети населения в разные годы (в среднем 27%) разделяют милитаристские установки экспансионизма, хотя решительное одобрение готовности власти навязывать свою власть другим народам и странам высказывает меньшинство — от 3 до 9% (табл. 1). Другое дело, что и сопротивления подобной политике государства ждать от основной массы населения не приходится: идентификация с государством, претендующим на авторитет и статус «Великой Державы», оборачивается пассивным конформизмом и оппортунизмом. Тем более в условиях

полицейской стерилизации любых форм гражданского общества.

Остается слабая надежда на лучшее будущее. Часть россиян за это же время (последние 20 лет) начала сознавать ценность гражданских свобод и прав человека как основу «Великой Державы», то есть значимость достоинства человека и страны в целом. Минимальная значимость этого показателя (13%) приходится на период после «Крымнаш», а максимум (27%) — на последние перед СВО замеры — 2018–2021 гг.

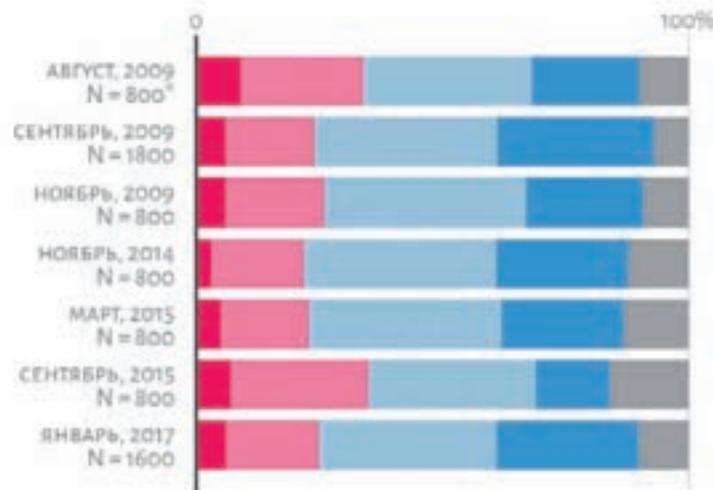
Лев Гудков

Табл. 1

1

ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С МНЕНИЕМ, ЧТО РОССИЯ ДОЛЖНА ЛЮБЫМИ СРЕДСТВАМИ, ЕСЛИ ПОТРЕБУЕТСЯ, ТО И СИЛОЙ, УДЕРЖИВАТЬ ПОД СВОИМ КОНТРОЛЕМ БЫВШИЕ РЕСПУБЛИКИ ССРС?

ПОЛНОСТЬЮ СОГЛАСЕН, СКОРЕЕ СОГЛАСЕН, СКОРЕЕ НЕ СОГЛАСЕН, СОВЕРШЕННО НЕ СОГЛАСЕН, ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ

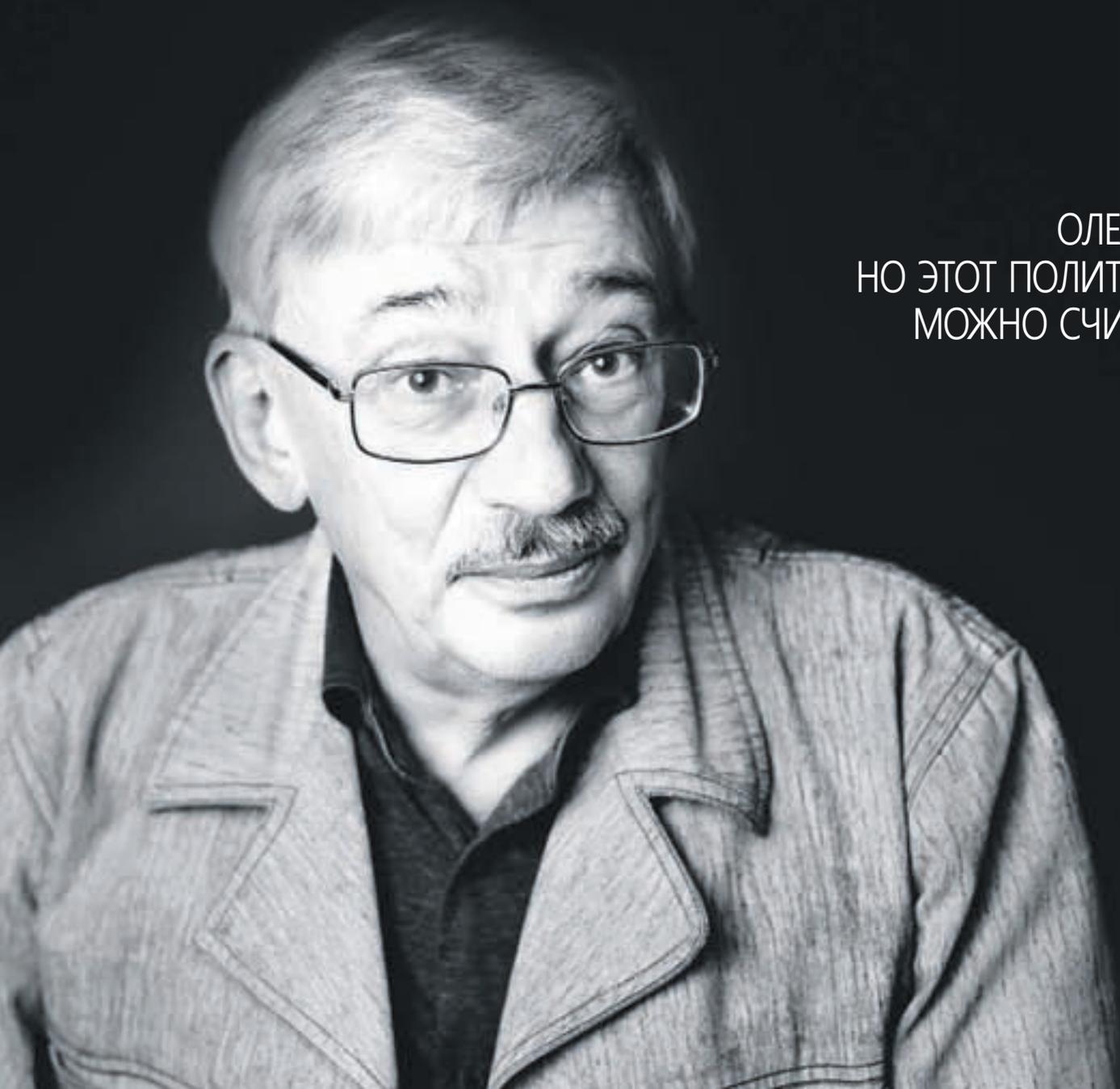
*N — количество опрошенных

Источник: Левада-центр (признан Минюстом иностранным агентом)

НЕОТЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР

«Право
на мнение —
хребет
демократии»

ОЛЕГ ОРЛОВ ОСУЖДЕН.
НО ЭТОТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС
МОЖНО СЧИТАТЬ ВЫИГРАННЫМ

«Я не рассказываю» — с этой фразы начал последнее слово правозащитник Олег Орлов. Позиция обвиняемого непонятна тем, кто ему оппонировал: следствию, гособвинению. «Обостренное чувство справедливости» и «отсутствие инстинкта самосохранения» со-

основателя «Мемориала»* прокурор Светлана Кильдишева приписала возможному психическому расстройству и на этом основании предлагала направить Орлова на экспертизу в психушку. Процесс над Олегом Орловым стал показательным не в привычном смысле, когда власть жесточайшим образом наказывает жертву для острастки публики. А в том, что продемонстрировал все особенности российского правоприменения и правосудия — и то, что им все еще можно противостоять.

мета времени. Обвинение в прениях назвало линию защиты «политическим цирком». Ну, скорее уж театр с недурной афишей. На «сцену» выходили историки Владислав Аксенов и Никита Петров, правозащитники Светлана Ганнушкина* и Игорь Каляпин, экс-омбудсмен Владимир Лукин, бывший депутат Верховного совета Юлий Рыбаков, журналист «Новой газеты» Елена Милашина и скромный человек из горного дагестанского села по имени Муртазали Гасангусейнов, у которого силовики убили двух сыновей и хотели посмертно обвинить в терроризме, Орлов помог их посмертно оправдать.

Защита сделала процесс состязательным. В такое мало кто верит. «Все равно ничего не добиться», «надо было уезжать», «репрессии не остановишь» — мы часто слышим это в адрес жертв. Но именно такая позиция и делает репрессии все масштабней. Сопротивление начинается со слова «нет». Дело Орлова стало первым с начала СВО фактически выигранным политическим процессом (да,

мы привыкли мягкий обвинительный приговор считать оправдательным, но давайте мерить не абстрактным, а человеческой судьбой). Мы уже сказали, что прокурор лишения свободы не просила (правда, деликатно предложила психушку, и это тоже сигнал обществу). Но судья Кристина Кострюкова еще уменьшила наказание, снизив штраф почти в половину, с 250 тысяч рублей до 150. Да, кстати, статья 280.3 подразумевает до 5 лет лишения свободы.

В прениях в суде прозвучали блестящие выступления Олега Орлова, Екатерины Тертухиной и Дмитрия Муратова. Первая —

речь правозащитника, отстаивающего «вашу и нашу свободу». Во второй — несуразицы следствия, незаконность дела. Третья — о том, что случилось со всеми нами и как мы можем этому противостоять. Мы публикуем эти документы эпохи в бумажном выпуске в сокращении, а на сайте «Горби» — полностью.

* Минюст РФ считает «иноагентом».

Сопротивление начинается со слова «нет»

Олега Орлова обвиняли в «дискредитации армии». Народная статья. Оправдательных приговоров нет. Процесс — усилиями защиты — стал полем для ее правовой экспертизы. В числе свидетелей был, например, соавтор российской Конституции Владимир Лукин. Который авторитетно объяснил суду, почему статья 280.3 УК РФ действовать не может — как антиконституционная. Она противоречит неизменяемой 29-й статье Основного закона. Данные ею нам гарантии свободы мысли и слова могут быть отняты лишь при введении военного положения, до чего пока, к счастью, не дошло.

Что вменяли Орлову: два пикета и статью в соцсети. Шла ли речь об армии в ней или на плакатах, с которыми задержали правозащитника? Нет. Каковы доказательства следствия? Допросы двух свидетелей и экспертиза. Свидетели — члены общества «Ветераны России», которое прославилось кляузничеством. Оба Орлова в глаза не видели. И дали против него показания, совпадающие слово в слово и запятая в запятую. Вероятность этого — миллионная доля процента. Так что это — «паленка». Как и экспертиза, за 6 часов (что технически невозможно) составленная учителем математики Крюковой и переводчиком Тарасовым. Их имена знакомы тем, кто следит за хроникой репрессий. По заказу следствия они пишут экспертизы по сексологии, религиоведению, культурологии... В их лингвистической экспертизе десятки грам-

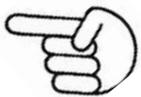
матических ошибок. В ней дана юридическая оценка действий подсудимого, что прямо запрещено пленумом Верховного суда.

Других доказательств нет, а эти доказывают только глубокое неуважение следствия к суду. И к гособвинению, которому эту халтуру пришлось транслировать. Так что не нужно искать конспирологических объяснений, отчего прокурор, жестко оппонировавшая защите, в прениях попросила ограничиться штрафом, даже не «условкой».

Кто в защите? Адвокат Катерина Тертухина и сооснователь «Новой газеты» Дмитрий Муратов*. Нобелевский лауреат защищает нобелевского лауреата. Тоже при-

Олег
ОРЛОВ:

«Главный мотив — прекратить любые общественные дискуссии»

«С» страна полностью оказалась в руках тех, кто мечтал окончательно уничтожить остатки демократии, полностью подавить права и свободы.

Я пытаюсь дать определение тому режиму, который складывался в России на протяжении последнего десятилетия, с 2012 года, и окончательно сложился после 24 февраля 2022 года.

Обвинение, выдвинутое в отношении меня, противоречит и Конституции РФ, и международным пактам, которые подписало и ратифицировало наше государство и которые оно обязано выполнять.

Я выходил на пикеты, чтобы мирно высказать свою точку зрения. Я воспользовался своими правами, пока еще гарантированными статьями 29 и 31 Конституции РФ, а также статьями 19 и 21 Международного пакта о гражданских и политических свободах. Я действовал исключительно мирно. Я не призывал к насилию, не разжигал ненависть и вражду.

Но в ходе двух моих пикетов, когда меня обвинили в так называемой «дискредитации использования Вооруженных сил России», я критически высказывался в первом случае о Путине, во втором случае о политическом строе России. При чем тут «дискредитация использования Вооруженных сил России»? Я воспользовался гарантированным мне правом на свободу мысли и слова. И за это меня судят. Как это соотносится с нормами Конституции? Никак.

Весь мой жизненный опыт показывает, что война — это всегда жертвы и насилие, я не хочу этого ни для моей страны, ни для Украины. Война очень часто используется властью не только для того, чтобы лишить свободы народ соседнего государства, но и установить или укрепить диктатуру внутри собственной страны. Именно об этом была моя статья.

Фактически обвинение вынуждает меня отказаться от моих убеждений и высказываний, и тем самым покушается на мою личность и мое достоинство. Выдвинутое против меня обвинение противоречит принципу признания прав и свобод человека как наивысшей ценности, закрепленному в Конституции. Более того, преследование за критические высказывания говорит об установлении обязательной и единственно правильной идеологии в стране, что противоречит статье 13 Конституции.

Меня преследуют исключительно за то, что я позволил себе публично мирно, без призывов к насилию, выразить свои общественные и политические убеждения, свое критическое мнение о действиях руководства России и подконтрольных ему ведомств и организаций.

Статья 280.3 УК РФ, как и статья 20.3.3 КоАП РФ были спешно приняты для того, чтобы подавить антивоенные выступления, которые приобретали массовый характер и происходили во многих регионах России. Это политический мотив. И вполне очевидно, что в конечном счете все это направлено на удержание у власти любой ценой нынешнего политического руководства нашей страны. То есть статья 280.3 Уголовного кодекса исходно

Катерина
ТЕРТУХИНА:

«Право без страха выражать свои мнения»

предназначалась именно для преследования по политическим мотивам.

Главный мотив начала уголовных преследований, подобных моему, — прекратить любые общественные дискуссии, пресечь любые критические высказывания по общественно важным, наиболее болезненным темам.

Ваша честь, я обращаюсь к Вам — Вы можете сделать так, чтобы этот политический процесс завершился вынесением вердикта, основанного на праве, а не на политических установках. Для этого есть только одна возможность — при вынесении приговора учесть,

— что, выходя на пикеты, а потом публикуя статью, я осуществлял свои законные права;

— что сотрудники полиции, возбуждая в отношении меня административные дела, а следователь — уголовное дело, нарушали мои права;

— что статья 29 Конституции России действует прямо и непосредственно, а мои высказывания носили исключительно мирный характер, в них не было пропаганды ненависти или вражды;

— что даже в рамках диспозиции статьи 280.3 обвинение не доказало мою вину;

— что мое мнение о событиях в Украине, которое я высказал в статье, соответствует оценкам, изложенным в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, которые поддержали абсолютное большинство государств — членов ООН;

— что обвинения в отношении меня носят исключительно политический характер;

— что доказательства моей так называемой вины ничтожны;

— свидетели обвинения фактически не являются свидетелями и в своих показаниях заявляли лишь политические обвинения в мой адрес и в адрес «Мемориала»*;

— имеющаяся в деле лингвистическая экспертиза незаконна.

Ваша честь, вынесение вердикта, основанного на праве, по такому делу важно не только для меня лично, и даже не столько для меня.

Нашей стране надо возвратиться в правовое русло. Только это может спасти нашу с Вами страну от весьма вероятных в будущем катастроф».

* Минюст РФ считает «иноагентом».

«**П**ри внесении статьи 280.3 в УК Российской Федерации авторы не скрывали, что эта норма прямо нацелена на подавление споров, дискуссий и свободной конкуренции мнений. Эти стремления не имеют ничего общего с допустимыми целями ограничения конституционных прав, перечисленными в статье 55 Конституции.

Они представляют собой наступление на свободное выражение мнения, на идеологическое и политическое многообразие, а также отступают от принципа равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от убеждений.

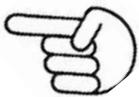
Не менее 9500 дел об административных правонарушениях возбуждено по статье

20.3.3 КоАП РФ. 131 дело по статье 280.3 УК РФ. Дела возбуждаются за абстрактные антивоенные лозунги, критику «специальной военной операции» в Украине и конкретных действий Вооруженных сил.

Право без страха выражать свои мнения и идеи, даже если они противоречат тем, которые защищают официальные власти, находит свое отражение в практике Комитета по правам человека ООН. Понуждение отказаться от таких убеждений и высказываний посредством уголовного преследования является покушением на саму личность, ее достоинство и противоречит принципу признания прав и свобод человека как наивысшей ценности, закрепленному в статье 2 Конституции.

Предъявление обвинения Олегу Орлову является дискриминационным.

Статья 280.3 УК РФ запрещает критиковать любые действия российских Вооруженных сил и распространять пацифистские взгляды. В то время как сторонники использования Вооруженных сил, их участия в боевых действиях, беспрепятственно и, в некоторых случаях, при участии государства выражают свое мнение, организуют митинги и другие публичные мероприятия в поддержку военных действий.

Обвинение не указывает конкретные слова Олега Петровича Орлова, в которых действия ВС РФ характеризуются именно так, как указано в обвинительном заключении: мы не услышали в ходе предъявления обвинения ни одной точной цитаты. Не услышали и полного описания фактических обстоятельств дела, что само по себе уже является нарушением принципа непосредственности, устности и гласности судебных заседаний.

Сторона защиты в ходе процесса доказала, что компетенций авторов экспертного заключения недостаточно для проведения заявленного исследования. Авторы пристрастны — они прямо в тексте заключения называют Орлова «антироссийским» правозащитником, а раньше готовили одиозную «справку об исследовании» по делу о ликвидации ПЦ «Мемориал»*.

Заявленные авторами экспертизы методы и методики ими не использовались. Заключение подготовлено на основании ненаучных источников, начиная от политехнологического пособия о выборах и заканчивая телевизионной сагой «Звездные войны». Значительную часть составляют некорректные заимствования. Авторы произвольно исправили исследуемый текст. Крюкова и Тарасов подготовили экспертизу еще до того, как им поступило постановление следователя о назначении экспертизы.

Не видит государственный обвинитель нарушения закона в составлении следователем двух идентичных протоколов допроса свидетелей. Лично Орлова они не знают, но явную неприязнь к Олегу Петровичу и правозащитной деятельности открыто продемонстрировали.

Что действительно должно было доказать обвинение, так это факт того, что использование Вооруженных сил Российской Федерации происходит в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.

Откройте сайты военных судов, там будет много примеров конкретных нарушений закона конкретными военнослужащими. Не существует презумпции действий ВС РФ именно в указанных целях, а следовательно, в каждом случае данный факт подлежит доказыванию стороной обвинения.

Антимилитаризм и осуждение нарушений прав человека российские законы не запрещают. До настоящего времени во всех законах РФ призывы разжигать войны или нарушать права человека трактуются как экстремизм.

Орлов совершил человеческий поступок, и, даже если предположить, что в современной России за такие поступки существует уголовная ответственность, у него не было иной возможности уменьшить возникшую опасность.

Суд — это всегда конкретные люди. В каждом деле конкретный человек — судья — решает судьбу конкретного человека. Но в каждом деле судья решает, каким будет наше общество. Будет ли в нем соблюдаться Конституция. Будет ли общество построено на верховенстве права и уважении достоинства человека. Судья

решает, где проходит черта между защитой интересов государства и произволом.

От простого ответа на вопрос, совершил ли Олег Орлов преступление, зависит и жизнь нашей страны. Если суд — именно вы — не скажете сегодня, что гражданину нельзя запрещать говорить, высказывать свое мнение, обоснованное мнение, важное для общества мнение, о котором невозможно молчать, то кто завтра помешает чиновникам запретить обсуждать любые их действия? Как возможное преступление станут квалифицироваться слова о том, что каждый год перекладывают плитку, претензии по плохой уборке мусора во дворах, недовольство маленькой пенсией, ямы на дорогах, жалобы на медицину, образование, возмущение ростом цифры в платежке ЖКХ, банальное недовольство очередным повышением стоимости проезда в общественном транспорте! Да в конце концов жалобы на то, что у вас вымогали взятку!

Сегодня, 11 октября 2023 года, этот вопрос мы задаем именно вам, уважаемый суд, а единственно возможный ответ на этот вопрос содержится в Конституции!»

**Дмитрий
МУРАТОВ*:**

«Мы судим его за то, что он прав!»

«Зачем Орлов это сделал? Вот важнейший для меня вопрос. Он умный человек. Он много раз рисковал своей жизнью, на него покушались, водили на расстрел и его судили. Он отлично знает, чем обычно заканчиваются выступления против большинства. Тогда почему он поперся на площадь с плакатиком?

Орлов знает, что нам всем предстоит, и не мог не предупредить нас об этом. У истоков и советской водородной бомбы, и общества «Мемориал», которое воз-

главляет сейчас подсудимый Олег Орлов, стоял академик, трижды Герой СССР Андрей Дмитриевич Сахаров. А вот что писал академик Сахаров маршалу и генсеку ЦК КПСС Леониду Брежневу через 7 месяцев после начала войны в Афганистане, 27 июля 1980 года: «Как гражданин СССР и в силу своего положения в мире, я чувствую ответственность за происходящие трагические события. Погибли и искалечены тысячи советских людей и десятки тысяч афганцев. Внутри СССР усиливается разорительная сверхмилитаризация страны. По моему убеждению, необходимо политическое урегулирование».

Сахаров не получил ответа на свое письмо. Высокомерная власть издевалась над великим ученым. Отправила в ссылку. Шельмовала в газетах. А прав-то оказался именно он. В 1989 году СССР вывел войска из Афганистана.

* Минюст РФ считает «иноагентом».

Так что Орлов представляет, о чем говорит. Он пытается предотвратить еще большую катастрофу.

Сейчас слово из пяти букв называют «СВО». Тогда тоже придумали аббревиатуру: ВПОКСА (временное присутствие ограниченного контингента советских войск в Афганистане). Тогда и сейчас за пересечение границ соседней страны были люди не воевавшие. Тогда и сейчас скрыты цифры потерь. В среднем в Афганистане гибли 1500 человек в год. Только за первые полгода нынешней кампании потери составили 5937 человек — по данным Шойгу. Тогда беженцев за 10 лет — около 8 миллионов. Сейчас за первый год, с ума сойти, — 15,4 миллиона человек.

Пером Орлова и Сахарова вела тревога. Их тексты — это предупреждения.

Это не дискредитация армии. Это — забота о спасении своей Родины, чужой Родины и мира в придачу, пока не повернули ключи в ядерных устройствах.

Ваша честь, я много, почти 30 лет, работал редактором талантливой, большой, увенчанной наградами страны и мира «Новой газеты». Я сам себе задаю тяжелый вопрос: а сумела бы газета, сумел бы я напечатать эту статью Орлова? Десятки законов сделали свободу мнений, гарантированную 29-й статьей Конституции, преступлением. Я б не смог. И, думаю, ни одно из оставшихся в России медиа — тоже.

На Новый, 2023 год государственный ВЦИОМ напечатал данные большого опроса. Так вот, 75 процентов наших граждан — сторонники мирных переговоров!

А кто из депутатов, которые должны мнения граждан, по идее, представлять, вышел с предложениями о мире на трибуну? Никто. Ноль. Вот поэтому, уважаемый суд, и пошел вперед Орлов. Потому что больше было некому.

Тогда общественное мнение и воля Горбачева позволили завязать с этой войной. Свое слово сказали журналисты. Теперь независимые от государства медиа закрыты. Более 100. Свыше 800 000 страниц сайтов заблокировано. Идти умирать можно, а читать по своему выбору — нельзя.

Почему государство берет налог жизнью, не спрашивая согласия своих граждан? Вытрясает их жизни, как зерно из крестьян после революции? Как получилось, что права государства оказались сильнее прав человека?

Сегодня за свои убеждения здесь может быть осужден мой подзащитный Орлов. Напомню, в отличие от мятежа известной ЧВК, от действий Орлова никто не пострадал.

Неравенство перед законом — одно из основных отношений корпоративного государства, которое применяет закон только к оппонентам и никогда — к своим

сторонникам. Цитирую депутата, председателя Комитета парламента России по национальным вопросам. Господин Семигин похвалил избивание арестованного, который находился в СИЗО Грозного, сыном Рамзана Кадырова: «Если бы каждый русский солдат отстаивал свои идеалы так же бескомпромиссно, как сын Рамзана Кадырова, то, возможно, чеченскому батальону «Ахмат» не пришлось бы пинками загонять солдат ВС РФ на поле боя».

Внимание! Депутат, зампред партии, председатель комитета Госдумы утверждает, что российские солдаты идут воевать, подчиняясь пинкам сапог и берцев чеченского батальона?

Это даже не дискредитация, это неслыханное унижение. Ну, и где следствие? Где славные «свидетели по вызову»? Где уголовное дело? Дискредитировать ВС РФ могут только сторонники СВО. Им можно все. А остальным? Остальным — закон...

...Буденновск, 14 июня 1995 года. Старый, экстремально жаркий в это лето, мирный город Ставрополя, почти 60 тысяч жителей. 14 июня 1995 года в тихий провинциальный Буденновск пришла война. Ночью 160 боевиков Басаева на трех КамАЗах и полицейской машине зашли в город, взяли сотни горожан в плен и заперли в центральном корпусе краевой больницы. Правозащитники начали битву за спасение жизней почти полутора тысяч человек. В знак готовности к переговорам они требуют от террористов отпустить 100 женщин из родильного блока.

Басаев ведет жесткий торг:

— Если выпущу женщин, останусь без прикрытия от огня. Что взамен?

И члены группы Ковалева, и подсудимый Орлов отвечают:

— Мы.

Они — Ковалев, Орлов, Рыбаков — предложили себя вместо заложников. 111 женщин отпустили сразу. Потом все более-менее известно. Москва предоставила шесть автобусов. Группа Ковалева с подсудимым Орловым вынуждена вторично стать живым щитом и сесть в этих автобусах к окнам. Тогда они были уверены, что живыми не останутся. Они спасли почти 1500 человек!

Не сама по себе продолжается жизнь. Ее спасли и дали возможность продолжаться такие, как подсудимый. Это мы должны встать перед ним, а не он перед нами.

...Олег Орлов всю жизнь спасал жизни людей. Утверждал: патриотизм — это любовь к своей стране, а не ненависть к другим странам. Выступал противником насилия. Теперь мы судим его за то, что он прав!

Право на собственное мнение — хребет демократии. Именно это убеждение вело пером Орлова.

Олега Орлова судят только за то, что он соблюдал Конституцию!

Его можно посадить только вместе с ней!»

Подготовила
Татьяна Брицкая

Рисунки
**Екатерины
Галактионовой**

Труслив и любит

безна- казан- ность

ТРАНСФОРМАЦИЯ
АНТИСЕМИТИЗМА
В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ

Universalis

Антисемитизм — это всего лишь (sic!) национально и эмоционально негативное отношение к евреям. Не обязательно ненависть или погромобесие, достаточно зависти и неприязни.

Антисемит не в силах дифференцировать, да и не склонен заморачиваться всякой там внутриеврейской сложностью и структурностью, поэтому он адресован еврейству в целом, всей совокупности различных его подмножеств — всех этих верующих или секулярных, конфессиональных или этнических, ашкеназских или сефардских, горских или грузинских или бухарских, даже крещеных или марранов.

Павел
Полян

Впрочем, для «перекрестного опыления» и рутинного бытования антисемитизму много не надо. По большому счету, и евреи не нужны. Достаточно пары-тройки мифологем — о христопродавстве, об употреблении крови христианских младенцев, о недостаточной почтительности к пророку или о геноциде арабов-палестинцев.

Сам по себе антисемитизм тоже структурен, хотя и не сложен. Главное основное различие — статусное: антисемитизм может быть государственным, корпоративным и индивидуальным (личным или бытовым). И именно в соотношении этих разновидностей в каждой стране в определенное время и стоит вглядываться для характеристики эволюции антисемитизма в ней.

В России почти всегда преобладал антисемитизм государственный, без которого она прожила лишь полвека с небольшим — в 1917–1939 и в 1991–2022 гг. Корпоративный антисемитизм особенно пассионарен и опасен: его сочетание с «отвернувшимся» в нужный момент государством или просто со слабым, де-факто отсутствующим государством, как во время Гражданской войны, — важнейшая предпосылка кровавых еврейских погромов. Личный же антисемитизм — он хоть и самый броский, креативный и пассионарный — на самом деле наименьшее из зол. Он по-своему неистребим, но когда государственный антисемитизм отставлен, ослабевает и личный.

Потому что антисемит труслив и любит безнаказанность, любит быть в большинстве и чтобы жертву ему, как в мандельштамовской «Четвертой прозе», шестеро-семеро держали за руки, за ноги да уговаривали бы его: «Вдарь, Васенька, вдарь!» В ситуации небезнаказанности антисемиту уже неуютно, кулачки у него разжаты и рот на замке.

Мониторинг правозащитного центра «Сова» (признан Минюстом «иноагентом»). — Ред.) указывает на то, что уровень бытового антисемитизма в постсоветской России — сравнительно невысокий. В 2010-е годы госантисемитизм не возродился, а корпоративный постепенно сходил на нет.

Репатрианты из России

При Горбачеве и Ельцине

При Горбачеве государство поэтапно отказывалось от государственного антисемитизма как доктрины. Однако, по мере того как он сходил на нет, активизировался, почуяв отпущенные вожжи, и расцвел антисемитизм корпоративный — общество «Память», РНЕ (ныне запрещенное в РФ) и иже с ними.

Не желая проверять на себе, чем и насколько корпоративный антисемитизм приятнее государственного, значительные массы еврейского населения СССР сполна воспользовались полученной из горбачевских рук свободой передвижения и устремились в эмиграцию — кто в США, кто в Израиль, кто в Германию, голосуя против всех ипостасей антисемитизма — ногами и авиабилетами.

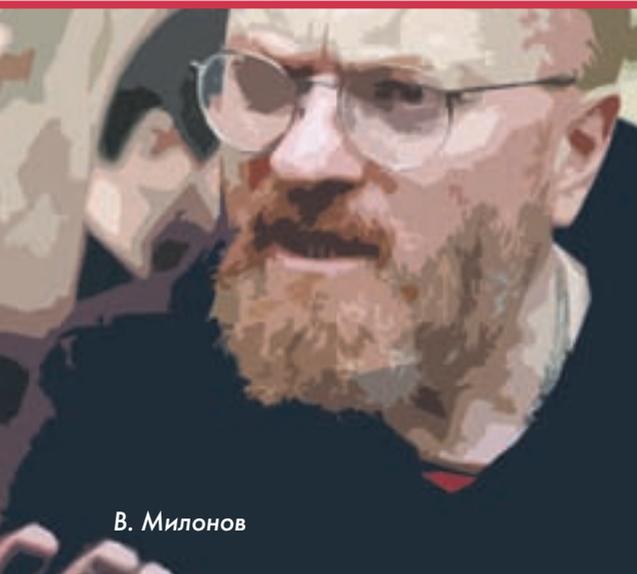
При Ельцине еврейская эмиграция продолжилась, довершилось разгосударствление антисемитизма и произошла его полная «приватизация». В новорожденной и слабоватой РФ он стал сугубо частным делом отдельных граждан. Но, спарывая антисемитизм со своего знамени, государство не озаботилось правовыми рамками, в которых оно не готово было бы мириться с частными инициативами своих граждан-антисемитов. Усыпляло и то, что с годами

антисемитизм утратил лидерство в контексте общей ксенофобии: главными объектами вражды и неприязни уверенно стали кавказские народы («хачи», или, как их тогда называли, «лица кавказской национальности») и среднеазиаты («чурки»).

Те, кто испытывал внутри себя склонность к антисемитизму, мог предаваться ему при Ельцине самозабвенно и почти безнаказанно. Кубанскому губернатору Николаю Кондратенко и генералу Альберту Макашову с рук сходили любые высказывания. Даже такое (макашовское): «Слово «антисемит» — это незаконно? Все, что делается во благо народа, — все законно. Народ всегда прав! Мы будем антисемитами и должны победить!.. Евреи так нахальны потому — позвольте, я по-своему, по-солдатски скажу, — потому что из нас еще никто к ним в дверь не постучал, еще никто окошко не обоссал. Потому они так, гады, и смелы!»¹

Труслив и любит безнаказанность

В. Милонов

Д. Рогозин

П. Толстой

Основным полем антисемитской активности с пеленок и очень быстро стал Рунет. Пользуясь анонимностью, антисемиты-«частники», эти знатоки сионской закулисы и мастера художественной картавости, расселись на всех его ветках широко и вальяжно. Основную массу публичных антисемитских высказываний составляют именно комментарии интернет-пользователей к различным публикациям (не обязательно посвященных еврейской тематике).

В публичной сфере традиционным охотнорядским запашком отдавала Госдума РФ. Ее книжный киоск славился вполне антисемитским репертуаром продававшейся там литературы, вплоть до «Сионизма как источника фашизма» В. Лузгина и «Майн кампф» А. Гитлера (до 2010 года, когда она была в РФ запрещена как экстремистская. — Ред.).

При Путине

Когда в апреле 2001 года группа депутатов предложила отметить Международный день памяти жертв Холокоста минутой молчания, Владимир Жириновский наотрез отказался. Он заявил, что это для него «неприемлемо»: «У нас и так достаточно праздников. И что, российскому парламенту по каждому поводу надо что-то праздновать? Какой же мы российский парламент, если мы встаем в память ев-

реев?»² Его поддержали все депутаты от ЛДПР и большинство от компартии и от партии «Родина».

Но апогей парламентского антисемитизма — это все же «Письмо девятнадцати» от 23 января 2005 года. Собственно, это не письмо, а официальный депутатский запрос в Генпрокуратуру РФ с требованием запретить все еврейские организации в России за исповедуемое ими (!) человеконенавистничество (!). Из 19 номинальных соавторов 13 были из фракции партии «Родина» (ее лидером был Дмитрий Рогозин) и шестеро, в том числе Кондратенко и Макашов, из компартии (Зюганов вынужден был отмежеваться от них). Как видим, партией-застрельщицей «Письма» была рогозинско-глазьевская «Родина».

Скандал вышел оглушительный, часть подписантов отрекалась от своих подписей, после чего 25 января письмо было отозвано. С резким осуждением антисемитизма «Письма» выступил МИД РФ, сама же Дума отделалась осуждениями на уровне нескольких комитетов.

«Письмо», а точнее, реакция на него, вынудили высказаться и Путина как президента РФ 27 января того же года в Освенциме, на форуме «Жизнь народу моему!», посвященном памяти жертв Освенцима: «Я хочу сказать, что многим из нас должно быть стыдно и за сегодняшний день: эти «споры», «споры» этих болезней, к сожалению, не уничтожены, и мы с вами работаем недостаточно эффективно. Даже в нашей стране — в России, которая больше всего сделала для борьбы с фашизмом, для победы над фашизмом, больше всего сделала для спасения еврейского народа — даже в нашей стране сегодня, к сожалению, иногда мы видим проявления этих болезней. И мне тоже стыдно за это. Но должен сказать, что Россия всегда будет не только осуждать любые их

Акция в защиту «Мемориала»

проявления, любые проявления такого рода, но и будет бороться с ними силой закона и общественного мнения. И как президент России говорю об этом здесь, на этом форуме, совершенно открыто и прямо»³.

Бороться же между тем точно было с чем. В той же Госдуме РФ. 23 января 2017 года вице-спикер от правящей партии Петр Толстой высказался по поводу передачи Исаакиевского собора РПЦ так: «Наблюдая за протестами вокруг передачи Исаакия, не могу не заметить удивительный парадокс: люди, являющиеся внуками и правнуками тех, кто рушил наши храмы, выскочив из-за черты оседлости с наганом в семнадцатом году, сегодня их внуки и правнуки, работая в разных других очень уважаемых местах — на радиостанциях, в законодательных собраниях, продолжают дело своих дедушек и прадедушек». А спикер Вячеслав Володин не только не одернул своего зама, но неуклюже за него заступился: мол, имелась в виду «черта оседлости каторжан»⁴.

Вскоре еще один охотнорядец — Виталий Милонов — поделился пикантным эскерсисом из истории уже не российского, а мирового «еврейства»: традиционное, по его выражению, «варение христиан в котлах». А 6 мая 2019 года Глазьев поделился головокружительной гипотезой о видах заселения Донбасса выходцами из Земли обетованной как одной из стратегических задач Украины в борьбе за Донбасс.

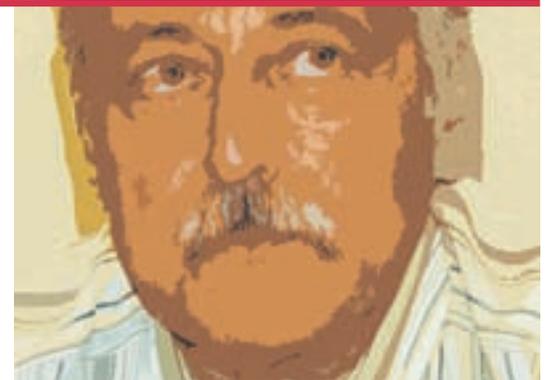
Но что можно было уверенно констатировать до недавних пор — это отсутствие

личного антисемитизма у Путина. С чем бы то ни было связано — со школьной ли учительницей, со спортивными ли тренерами или с компетентностью и качеством каких-то полученных им советов — но это факт. И факт тем более значимый, что для российских правителей малотиличный.

В то же время отсутствие антисемитизма не служит гарантией от шагов, назвать которые по отношению к евреям дружественными сложно. Тут примечательна история израильского архивиста и историка Холокоста Арона Шнеера, который, кстати, лично водил Путина и Лаврова по Яд ва-Шему в 2005 году. 24 августа 2021 года Шнеер написал в Сети: «Позор «Мемориалу» (*признан Минюстом «иноагентом и ликвидирован»* — **Ред.**), если он включает в список «Жертвы политического террора в СССР» немецких пособников и убийц. Надеюсь, что это происходит лишь по недосмотру, недоразумению. Необходимо перепроверить, перетрясти всю базу, ибо, возможно, это не единственный постыдный факт».

Но составители атакованной им базы данных по их источникам (а это, главным образом, «Книги памяти») знать никак не могли. Ему бы связаться с коллегами и сообщить о своих сомнениях. Но нет, вместо этого — «позор!». И все это — в адрес достойнейшей организации, на которую всей своей тушей навалилось государство.

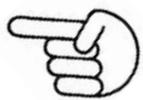
В сентябре 2021 года коллаборантов выпилили из базы данных, но было уже поздно. В декабре на заседании Совета по

Арон Шнеер

правам человека при президенте РФ Путин, сославшись на Шнеера, лично объявил, что в «мемориальских» списках обнаружены фамилии людей, участвовавших в убийстве евреев в Латвии в период нацистской оккупации. (*После того как против «Мемориала» начались репрессии со стороны власти, Шнеер заявил, что его «подставили» журналисты и что он выступает против закрытия «Мемориала», а его работу продолжает считать «важной и необходимой в деле восстановления исторической правды и памяти невинно осужденных в годы репрессий»*. — **Ред.**) Судьба «Мемориала» хорошо известна. Но печальна и судьба Шнеера, цинично и хладнокровно «использованного» в «некошерной» спецоперации.

Труслив и любит

безна- казан- ность

Википедия

Мемориал памяти жертв фашизма в Змиёвской балке

Антисемитизм и Холокост

Холокост же во внутрироссийском антисемитском контексте приобрел совершенно исключительную роль. Показателен казус мемориализации и памятования жертв расстрелов в ростовской Змиёвской балке — самой крупной на территории РСФСР акции по уничтожению евреев. В 2004 году — на основании постановле-

ния мэра города — здесь была установлена мемориальная доска с таким текстом: «11–12 августа 1942 года здесь было уничтожено нацистами более 27 тысяч евреев. Это самый крупный в России мемориал Холокоста». Но такого ростовские «интернационалисты» стерпеть не могли: 28 общественных организаций дружно выступили против этой надписи и добились того, что в ноябре 2011 года мемориальную доску заменили другой, где Змиёвская балка, как в старые советские времена, была названа

просто «местом массового уничтожения фашистами мирных советских граждан».

Время, однако, было уже не советское, так что завязалась бурная полемика, и вот ее результат. 28 апреля 2014 года на фасаде траурного зала Мемориала памяти жертв фашизма в Змиёвской балке была установлена новая мемориальная доска со следующим текстом: «Здесь, в Змиёвской балке, в августе 1942 года гитлеровскими оккупантами было уничтожено более 27 тысяч мирных граждан Ростова-на-Дону и советских военнопленных. Среди убитых — представители многих национальностей. Змиёвская балка — крупнейшее на территории Российской Федерации место массового уничтожения фашистскими захватчиками евреев в период Великой Отечественной войны».

Эволюция текста поддается такой интерпретации: здесь, в Змиёвской балке, были расстреляны разные контингенты — евреи и неевреи, но никого не будем обижать перечислением, тем более что часть расстрелов не задокументирована.

Советское ноу-хау в отрицании Холокоста заключалось не в его отрицании как таковом, а в требовании отказа от национальной идентичности жертв во имя их интернационализации, то есть в намеренном растворении евреев в общей массе, невзирая на то, что в ней они составляли неизменное большинство. Мол, не одних «ваших» тут косточки лежат.

Но только евреев расстреливали именно за то, что они евреи. Попытки Ростовской еврейской общины и Российского еврейского конгресса объяснить, почему линию компромисса в мемориализации Змиёвской балки надо провести иначе, с оглядкой только на историю, были оценены как стремление выделить жертв Холокоста среди всех жертв фашизма

и разрушить тем самым основы исторической памяти многонационального русского народа, то есть — как... сеянье национальной розни! Идея дополнить мемориал памятными плитами с выбитыми на них установленными именами убитых здесь евреев — тоже была встречена в штыки: от инициаторов издевательски требовали предоставить сначала доказательства подлинности имен и факта их гибели.

Так что совершенно не случайно, что первый из серии региональных судебных процессов по признанию преступлений (зверств) немецко-фашистских оккупантов и их пособников против мирного населения и военнопленных в годы Великой Отечественной войны состоялся именно в Ростове-на-Дону⁵. В сущности, речь идет о механической перекалфикации зверств оккупантов в «областные геноциды». Результатом такой кампании является систематическая девальвация самого понятия «геноцид» — в угоду расширения его базы и растворения в ней двух подлинных и общепризнанных геноцидов — еврейского и цыганского.

После 24 февраля

24 февраля 2022 года случилось то, что случилось, а 25 апреля, в самый разгар события, представитель РФ в ООН Василий Небензя обрушился на Израиль с критикой за радикализм действий на святых для мусульман местах, колонизацию палестинских земель и попытку переключения мирового внимания с палестинско-израильского конфликта на российско-украинский. Такого рода стилистика в российско-израильских отношениях не звучала уже очень

давно. Уже через неделю, 1 мая 2022 года, министр иностранных дел РФ Сергей Лавров давал интервью итальянскому каналу «Медиасет» (медиахолдинг Сильвио Берлускони). Корреспондент спросил его: «...В.А. Зеленский... считает, что денацификация бессмысленна. Он же еврей. Нацисты, «Азов» — их мало (несколько тысяч). В.А. Зеленский опровергает ваше понимание происходящего. Как вы думаете, В.А. Зеленский является препятствием на пути к миру?»

В ответ Лавров высказался так: «Мне совершенно безразлично, что опровергает или не опровергает президент В.А. Зеленский. У него семь пятниц на неделе, как у нас принято говорить. В течение одного дня может поменять позицию несколько раз. Слышал, как он сказал, что мы демилитаризацию и денацификацию даже не будем обсуждать на переговорах. Во-первых, они саботируют эти переговоры, так же как и восемь лет Минские договоренности. Во-вторых, нацификация есть: захваченные в плен боевики батальонов «Азов», «Айдар» и других подразделений носят на одежде, своем теле символы и татуировки свастики, нацистских батальонов «Ваффен-СС», открыто читают и пропагандируют «Майн кампф». Он выдви-

гает аргумент: какая у них может быть нацификация, если он еврей. Могу ошибиться, но у А. Гитлера тоже была еврейская кровь. Это абсолютно ничего не значит. Мудрый еврейский народ говорит, что самые ярые антисемиты, как правило, евреи. В семье не без урода, как у нас говорят».

Сухой остаток сказанного Лавровым: и Гитлер, может, не без еврейства, так что еврейская кровь от фашизма не гарантия и не индульгенция! Значит, у власти в Украине — не важно, еврей ее президент или не еврей — точно фашисты. Именно так Лавров и был воспринят всем миром. И именно это вызвало девятый вал возмущения. «Опрометчивые слова», «Тест на прочность», «Конец нейтралитета» — так или примерно так выглядели заголовки большинства израильских и мировых газет.

Назавтра, 2 мая, министр иностранных дел Израиля Лапид вызвал к себе посла России Викторова и назвал высказывания его шефа неприемлемыми и непростительными. Премьер-министр Израиля Беннет, обвинив главу МИД России во лжи, заявил о недопустимости использования трагедии Холокоста в политических целях.

Труслив и любит

безна- казан- ность

Казалось бы, произнесенное Лавровым — копеечный ресентимент, к какому не каждый культивирующий свою слабость антисемит прибег бы. Как же могло так случиться, что подобное произошло на столь высоком — правительственном — уровне? Ну хорошо, сорвалось с языка — извинись, если сорвалось или если ошибся. Так нет же! 3 мая МИД РФ вновь прошелся по Зеленскому: «...Спекулирующий на своих корнях Зеленский делает это вполне сознательно и вполне добровольно. Прикрывается происхождением сам и прикрывает им натуральных неонацистов, духовных и кровных наследников палачей своего народа...»

Сам Лавров так и не извинился, но 5 мая за него это сделал Путин, позвонивший Беннету. Тот извинения принял, и об этом можно прочесть на сайте правительства Израиля. На сайте Кремля этот телефонный разговор хотя и обозначен, но его содержание не раскрыто.

И это, кажется, было последним высказыванием президента России, нейтральным в антисемитском контексте. Сама частота и постоянство обращения к этой теме, а также неуклонное повышение статуса обращений создает, как пишет «Сова», эффект снятия табу с антисемитских высказываний для

публичных персон. И то: у Лаврова ни на проговору, ни на сумасбродство не похоже.

Так неужели кому-то и впрямь показалось, что в круг виновных в неудачах и задачах страны пора уже втолкнуть и евреев? И предложить глубинному народу подумать: а не спасать ли нам Россию традиционным дедовским способом?

В лучах такой «полемики» каждая еврейско-российская новость приобретает многокрасочность и полисемию. В мае 2022 года главный раввин Москвы Пинхас Гольдшмидт покинул Россию, а позднее, 6 июля, объявил о своей отставке. Причина — его решительный отказ от публичной поддержки действий России в Украине.

В этой ли связи или нет, но весной 2022 года поползли слухи, что и деятельность «Сохнута» (Еврейского агентства) в Москве — под угрозой. 21 июля обнаружилось, что это не просто слухи и что Минюст РФ подал иск в суд о ликвидации его российского подразделения, обвиняемого в действиях, нарушающих

законодательство РФ о персональных данных. Предварительное слушание в Басманном суде по иску Минюста состоялось 28 июля 2022 года, суд назначил первое слушание на 14 августа, а затем переносил его несколько раз: в последний раз — на 19 декабря 2022 года. Но никаких иных заседаний с той поры так и не было.

Собственно, и самих-то евреев в России сегодня не густо. До Первой мировой Российская империя возглавляла мировой список стран с наибольшим еврейским населением, перед Второй — СССР шел третьим за США и Польшей, после распада СССР — Россия, вровень с Канадой, зацепилась за четвертое-пятое место после США, Израиля и Франции. При этом еврейское население России неуклонно сокращалось, в частности, за межпереписные 2010-е годы — почти вдвое — и опустилось до 80 тыс. чел., тем самым вылетев из десятки демографических лидеров. А если сопоставить эти 80 тысяч с десятками тысяч россиян, со-

вершивших или, по крайней мере, оформивших в 2022–2023 гг. алию, то евреев с единственно российским гражданством в России — кот заплакал. Что не мешает еврейской жизни в стране, особенно в ее столицах, как религиозной, так и светской, не только продолжаться, но и развиваться.

Из истории мы хорошо знаем, что в моменты кризисов и неблагополучия всплывают самые разные риски. Но в стране, в которой не все хорошо, богоизбранные могут еще понадобиться — в привычном для себя в прошлом качестве виноватых. Поэтому очевидный всплеск антисемитизма в России в последние пару лет — надежный индикатор неблагополучия в стране.

Еще не так давно тема антисемитизма в России, виртуально существуя, не была такой заметной и мейнстримной, какой она стала в августе-сентябре 2023 года. Ньюсмейкеры тут самые разнообразные — от артистки Талызиной с ее «Боруховной» и «Нахимовной» про

Пугачеву и Ахеджакову и до президента Путина с его «Мойшей Израилевичем» про Чубайса. Самое примечательное тут — сознательная понижающая ориентация президента на заявленный артисткой уровень хохмы. Со своего высока он как бы легитимизировал этот уровень и благословил на него всех прочих желающих: вперед!

Желающие, конечно же, нашлись и найдутся, но их, согласно социологическим данным, в современной России явно недостаточно для того, чтобы повесить на евреев все трудности и беды страны⁶. Сильнее, кажется, напряглись предприниматели, и не только еврейские, явно подумавшие: а не сделают ли теперь из них новых евреев для битвы?

После 7 октября

Не было недостатка и в желающих повесить все трудности и беды государства

Израиль, атакованного ХАМАС, на контуженных произошедшим самих израильтян. Но именно к этому со злорадным смаком, что твои пушкинские черные раки, приступили зет-энтузиасты из Рунета.

Тут и нечаянная радость, что об Украине теперь на Потомаке забудут и оружия ей больше не дадут. И что все эти репатрианты, релоцировавшиеся в оазисы тишины и свободы, попали да в полямья другого конфликта — еще более, нежели СВО, чреватого Третьей мировой. И что благодаря ХАМАС с его фанатичным жидоненавистничеством, нашенский, мелкого помола и жидковатый, «плинтусный» («Алла Боруховна») антисемитизм вдруг приобрел и международный лоск, и геополитический привкус.

Павел Полян

¹ Произнесено 20 февраля 1999 г. в Новочеркасске на конференции «Движения в поддержку армии». Комментарий и.о. прокурора Ростовской области С. Устинова к иску против Макашова: «К примеру, Макашов употребил слово «жиды», но есть мнение, что еще со времен Пушкина так называли стяжателей, расхитителей, проходимцев и ворюшек. Вот пускай лингвисты и решают, можно ли в контексте выступления Макашова рассматривать слово «жиды» как попытку разжечь национальную вражду». Из решения прокуратуры: «Анализ собранных материалов свидетельствует, что выступление Макашова не было направлено на возбуждение национальной вражды». В связи с этим в возбуждении уголовного дела было отказано

(см.: Антисемитизм узаконен. Макашов реабилитирован // Коммерсантъ. 1999. № 41. 16 марта).

² В сему: <https://lenta.ru/news/2001/04/19/jirinovsky/> Ср. в другой книге В. Жириновского: «Коммунизм придумали евреи. Мои университеты, моя учеба прошла под знаком и огромным влиянием этой еврейской заразы... Евреи являются источником этой суперзаразы, этой чумы XX века — коммунизма»; «Почему я должен отказываться от русской крови, русской культуры, русской земли и любить весь еврейский народ из-за одной капли крови, которую мой отец оставил в теле моей матери?» (Жириновский, 2003).

³ См. в Сему: <https://www.youtube.com/watch?v=Tb-m9ADcxoc>

⁴ См. в Сему: <https://www.interfax.ru/russia/547072>

⁵ По состоянию на конец 2022 года аналогичные процессы прошли также в Новгороде, Пскове, Брянске, Орле, Краснодаре, Симферополе и Санкт-Петербурге.

⁶ Гудков Л. Состояние массового антисемитизма и ксенофобии в условиях военных действий России на Украине // Вестник общественного мнения. 2023. № 1–2 (Январь-июль). С. 94–107.

РИФМЫ

Рубрика
Александра **Архангельского**

Нацио- нальный вопрос испортил многих

Петр САРУХАНОВ

Советская власть была уверена, что разбирается в делах национальных не хуже, чем в законах мировой революции. У нее были проверенные практики, теории и методички. Ленинские «Критические заметки по национальному вопросу», сталинский трактат «Марксизм и национальный вопрос», сухощавые тексты товарища Суслова... Все просто, логично, разложено по полочкам. Национализм вреден, космополитизм чужд, великодержавный

шовинизм опасен, пролетарский интернационализм всесилен. По радио, обоим каналам ТВ и в аудиториях вечернего «Ленинского университета миллионов» прокручивалась мантра: «Нам нужно искусство национальное по форме, интернациональное по содержанию»; цитировалось: «Чтобы в мире без России, без Латвий жить единым человечьим общежитьем»; мечталось: «Все посмеются... все будут личиками приятно-смуглявые, и все одинаковые».

Тех, кто не соглашался жить «без Латвий», Украин, Молдов и Грузий, вынуждали смириться, уехать, залечь на дно. Не смиравшихся наглохо закрывали. Украинский поэт Василь Стус умер в лагере; русский националист Леонид Бородин выжил, но просидел долгие годы; будущий президент Грузии Звиад Гамсахурдиа отбыл срок от звонка до звонка; еврейский «отказник» Натан Щаранский провел в заключении почти девять лет, прежде чем его обменяли. Уже при Горбачеве. Низовой антисемитизм процветал, партком Гостелерадио СССР собирал и подавал наверх данные о скрытых еврейских корнях журналистов, мехмат МГУ заваливал абитуриентов с «пятым пунктом». Но действовало правило всеобщего умолчания: если ты не называешь явление вслух, то его как бы и нет. Не буди лихо — будет тихо.

И было тихо.

Правда, будущее посылало упреждающие сигналы: в 70-е национальное начало стало пробуждаться — массово, медленно, неуклонно. Певческие праздники в Балтии превратились в легальную форму национально-политического единства. В 1978-м повсеместно утверждали республиканские конституции — на основе общесоюзной,

«брежневской»; стоило появиться опасению, что грузинский язык потеряет статус государственного в Грузии, как народ в Тбилиси повалил на улицу — и никакой страх репрессий не смог остановить протесты. Власть пришлось пойти на попятный; первый секретарь грузинского ЦК Эдуард Шеварднадзе осторожно поддержал протестующих.

Великодержавие не отставало от «национальных окраин». Есть отличная книга Николая Митрохина «Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы». Отошлем к ней желающих узнать о том, как эта «партия» сложилась и сплотилась в партийно-бюрократической номенклатуре. Здесь напомним лишь о том, что в 1981–1984 годах вышел многочастный роман-эссе Владимира Чивилихина «Память», и именно тогда начало формироваться одноименное общество. Национальное чувство оказалось сильнее компартии и КГБ, вместе взятых.

Перестройка не стала исключением из формирующегося правила. И в том смысле, что история сигнализировала: империя дышит на ладан. И в том смысле, что тогдашняя власть сигналов старалась не слышать. А если слышала, то реагировала наихудшим образом.

Как срабатывала политическая сигнализация? Как это часто в СССР бывало — через литературу.

В марте 1986-го, ровно через год после избрания Горби, журнал «Наш современник» напечатал рассказ Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии». Сюжет мизантропический. Русский писатель приезжает к грузинским коллегам и постоянно раздражается на все грузинское. Последовало бурное обсуждение «пескарей», газетные страсти кипели, в июне состоялся общесоюзный съезд писателей, на котором грузинская делегация в знак протеста против публикации астафьевского рассказа собралась покинуть заседание.

Только-только успокоились, как в июле в «Нашем современнике» появился роман «Всё впереди» Василия Белова. Антиперестроечный, с антисемитским подтекстом. Если через посредство Астафьева история предупреждала о конце имперского покоя, то через клочковатый роман Белова она свидетельствовала о крепнущем

антиеврействе. Люди с нехорошими фамилиями перехватывают «русский мир», как явный антигерой романа Миша Бриш «перехватывает» у сидящего в тюрьме русского друга-страдальца любимую женщину.

Снова газетная буря. А в следующем месяце — третий конфликт. Известный историк Натан Эйдельман отозвался открытым письмом на повесть Виктора Астафьева «Печальный детектив», где мелькнуло слово «еврейчата». Начав с рассказа «Ловля пескарей в Грузии», Эйдельман закончил обвинениями в идеологическом (а не просто бытовом) антисемитизме. Астафьев яростно ответил, в новом письме Эйдельман напомнил Астафьеву о романе Белова «Всё впереди» и отправил переписку в самиздат.

Национализм плох, великодержавие ужасно, антисемитизм позорен. Но не дело политиков морализировать. Их дело различать симптомы, делать выводы и обгонять надвигающуюся бурю. Иначе: «Я поздно встал, и среди дороги / Застигнут ночью Рима был».

Стадию симптомов красная империя пропустила. Следующая стадия — паралич отдельных элементов системы. Первым крупным сбоем в отлаженном механизме государственного управления стали массовые протесты студентов в Алма-Ате в декабре 1986 года. Формальный повод — Политбюро назначило русского партийного начальника Колбина первым секретарем казахстанского ЦК. Чем нарушило устойчивый баланс: первый секретарь республиканского ЦК всегда представлял «титულную нацию», второй присматривал за ним от имени и по поручению центра. Читай: представлял государствообразующий народ.

Легче всего было объявить студенческий выплеск эксцессом, а решение поставить Колбина — кадровым просчетом, и не более того.

Так прорабы перестройки и поступили. Объяснили себе и окружающим, что ничего катастрофического не произошло, не будем раскачивать лодку, поднимать волну; как-то само рассосется. Это было роковой ошибкой, но возлагать на Горби личную вину несправедливо. Он умел быть внутренне свободным — там, где приходилось формулировать политику с нуля, думать вдаль, втягивать в орбиту размышлений Юг и Север, Запад и Восток, предлагая новые принципы мироустройства от Атлантики до Урала. Но в сфере внутренней, имперской он был в одно и то же время и носителем, и жертвой глубоко советского подхода: оттягивай конфликты до последнего, а если можешь, вообще не затрагивай национальный вопрос. Который задают враги, «нам тут подбрасывают». А то, что уже с весны 1986-го национальная тема

звучала в публичной сфере, причем сразу на полную мощь, так то ж писатели, чего с них взять.

На самом деле взять с них было что. Потому что поражает, как быстро, как неостановимо распространялось пламя сдавленного национализма. Март 1986-го — «Ловля пескарей». Июль — переписка Астафьева и Эйдельмана. Декабрь — Казахстан. Май 1987-го — Москва. Общество «Память» выводит сторонников на митинг в поддержку перестройки. Ноябрь 1988-го — волнения в Степанакерте. Впереди — разгон демонстрации в Тбилиси, пропущенные погромы в Сумгаите, беспощадная, при этом безнадежно запоздавшая стрельба в Баку, когда все страшное уже произошло, а войска лишь увеличивают жертвы. Неудачная поездка в Литву, которая не успокоила литовцев, а лишь убедила, что нужно идти до конца. Штурм Вильнюсского телецентра, Рига...

Все эти сюжеты — яркое и ужасающее подтверждение нежизнеспособности «ленинской национальной политики» в ситуации разлома. И знак того, что обновить, перестроить ее невозможно. Любой замороженный конфликт при первых признаках оттепели пробуждается просто потому, что время его пришло, силовой компромисс себя исчерпал. Власть, настроенная на медленные перемены, но искренне верующая в волшебную силу марксизма, сначала в ужасе отворачивается от реальности, заговаривает саму себя, затем пытается залить огонь горючим, а когда развязка неизбежна и близка, зачем-то применяет бесполезную силу. Наконец, опускает руки и растерянно наблюдает за происходящим.

...В тот грозный год
Покойный царь еще Россией
Со славой правил. На балкон,
Печален, смутен, вышел он
И молвил: с Божией стихией
Царям не совладеть. Он сел,
И в думе скорбными очами
На злое бедствие глядел.

Нацио- нальный вопрос испортил многих

Скажем, во главе Азербайджана стоял старый лис Гейдар Алиев, умевший балансировать на краю; если вы так хотите сохранять статус-кво, зачем менять Алиева (октябрь 1988-го) на беспомощного комсомольского вождя Везирова? Зачем, с другой стороны, несколькими месяцами ранее устраивать публичную выволочку армянской общественности? 18 июля 1988 года на специальном заседании президиума Верховного совета по карабахскому вопросу, причем в публичном поле (была трансляция) Горбачев одергивал всех выступавших «от Армении», возмущая армян и вводя в заблуждение азербайджанцев, потому что никаких преференций для них в реальности не предусматривалось. В конце концов президент академии наук Армении Виктор Амбарцумян не выдержал и язвительно ответил: «Кто был царем при Копернике?»

Итог мы знаем. При том, что лично Горбачев не был партийным начетчиком, его интернационализм не имперский, а доброкачественный, не идеологический, а живой и человеческий, отказ прорабов перестройки считаться с национальной реальностью, работать с ней на опережение — дорого обошелся им и стране. Да, главные конфликты на территории бывшего СССР вспыхнут позже, спрос за них — с другой, постперестроечной элиты, но все же, все же, все же.

И вот с конца 90-х мы наблюдаем осторожные (поначалу) попытки приручить разбухший национализм, вколоть ему необходимые прививки от бешенства, пересмотреть «основы ленинской национальной политики». А параллельно — вернуть в оборот имперские практики: разделяй и властвуй; что позволено Юпитеру, то запрещено быку; лояльность центру выше единства законов. То есть выработать эклектичную, но своеобразную идеологию национального имперства. И на ее основе построить гибкую модель управления.

С одной стороны, Путин говорил о себе и Медведеве: «Д.А. Медведев — не меньший, в хорошем смысле слова, русский националист, чем я». С другой — Чечня была сдана в аренду клану Кадыровых, и они получили

право управлять ею по своему усмотрению, не считаясь ни с моралью, ни с гуманитарными нормами, ни с федеральными правилами. Национальные имперцы с ненавистью говорят об Ильиче и с восторгом — о незыблемой державе, Лениным построенной: «Вы хотите декоммунизации. Ну что ж, нас это вполне устраивает. Но не надо останавливаться на полпути. Мы вам покажем, что значит для Украины настоящая декоммунизация».

Все это в их картине мира сочетается, все создает синергию. А возражения — не просто от лукавого, но от вражеских попыток поломать Большую Игру. Не важно, под какими лозунгами: «Хватит кормить Чечню», как требовали участники ранних выходов на Манежную, или «Давайте строить либеральную империю», как предлагал Чубайс. Никаких русофильских подтекстов. Никаких либеральных перехватов. Вырываем провода из панели управления, замыкаем национальное на имперское, заводим мотор.

Первым шагом в заданном (а точнее, добровольно выбранном элитами) направлении стал фильм Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник». Кто успел забыть — напомним. Американская авантюристка приезжает в предреволюционную Российскую империю, разводит всяких начальников на деньги, помогая сумасшедшему американцу создать ужасный механизм по уничтожению русских лесов. Заодно влюбляется в юнкера и рождает от него сына, которому суждено жить в Америке и восхищаться всех своей твердостью, великодушием и терпеливостью. Да и как иначе — «Он русский, и это многое объясняет».

Как когда-то рассказ Астафьева предсказал распад империи, а роман Белова «Всё впереди» сигнализировал о предстоящем крахе интернационализма и выплеске антисемитизма, так фильм Михалкова предвещал опасную мечту нулевых и десятых о просвещенном национализме как живой воде, способной оживить империю. Недаром

в феврале 1999-го все тогдашнее начальство выстроилось в очередь на премьерный показ «Сибирского цирюльника» в Кремле. Так на кино не ходят. Так ходят на презентацию новой идеологической матрицы, национальной идеи, правящей партии. Ну наконец-то! Мы столько лет ждали. Мы жили без цели. Теперь она есть. Он русский, и это многое объясняет. Нужно ли уточнять, что спустя всего полгода, 5 августа 1999-го, Ельцин предложит председателю ФСБ Путину возглавить правительство?

Был ли то заблаговременный заказ, или просто совпадение, или сработала интуиция режиссера — сейчас не важно. Имеет значение другое: образ новой политики был предложен публике до запуска самой политики и даже до появления политика. В этом образе сошлось все: и разрыв с советской травмой, и говорухинская «Россия, которую мы потеряли», и солженицынское «как нам обустроить Россию», и лопахинское «Вся Россия мой сад», и «Маменька приехали» из финала михалковского «Обломова», и «народная демократия», она же салазаровщина, и франкизм русского философа Ивана Ильина, с идеями которого Михалков, как сообщали слухи, чуть позже познакомит Путина.

То есть был намечен путь к так называемому корпоративному государству, если воздержаться от подсудных терминов. И как-то забывалось, что Иван Ильин был не только теоретиком авторитарного народничества, но и автором печально известной статьи в парижском «Возрождении» 1933 года, из которой видно, что ставка на силу, народ и державу прямиком ведет к национальному насилию. «Я категорически отказываюсь расценивать события последних трех месяцев в Германии с точки зрения немецких евреев... То, что происходит в Германии, есть огромный политический и социальный переворот...» Даже те, кто знал о существовании статьи «Национал-социализм. Новый дух», закрывали на нее глаза: ну мало ли что нравится большому режиссеру; мало ли что

НЕОТЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР

Ильин прославлял Гитлера и Муссолини; от культуры до политики дистанция огромного размера. Примерно так во время перестройки считали, что с писателями нечего взять, а слова — это только слова.

Так новые элиты, отчасти предсказанные, а отчасти сформированные Михалковым, сделали ставку на обеззараженный национализм как тайный способ возвращения в империю. То есть совершили важный идеологический кульбит, поставили на парадокс как формулу грядущего

Божией Матери в церковно-музейное пространство. А строительство в Москве Еврейского музея и Центра толерантности, на фоне которого меркло слияние и поглощение Библиотеки украинской литературы? Много чего было. Как говорила рыбка в анекдоте про дефолт 1998-го: «А у тебя все было». А потом не стало.

Что же оказалось точкой танкового разворота? Мюнхенская речь? Или Майдан? Сначала первый, а потом второй? В любом случае Крым был не началом, а результа-

То автор романа «Обитель» напишет благодарственное эссе от имени «либералов» Сталину, не произнося слово «евреи», но прямо указывая на них: «Ты сохранил жизнь нашему роду. Если бы не ты, наших дедов и прадедов передушили бы в газовых камерах, ...и наш вопрос был бы окончательно решен. Ты положил в семь слоев русских людей, чтобы спасти жизнь нашему семени».

То Никита Михалков, с его невероятной чуткостью и столь же невероятной беззащитностью, разоблачит в «Бесогоне» «скрывающих» свои реальные фамилии Дмитрия Быкова и Анатолия Белого. (Скрывающих от кого? Разве что от Никиты Сергеевича.) «В чем двойное предательство товарищей Вайсмана и Зильбертруда? Какая связь между людьми, которые стыдятся быть русскими и боятся быть евреями? И когда закончится период «междустулья» в нашей стране?»

То первое лицо позволяет себе пошутить о Чубайсе: «Мне показали какую-то фотографию из интернета, где он уже не Анатолий Борисович Чубайс, а Моше Израилевич какой-то там живет. Зачем он это делает? Я не понимаю. Чего он удрал?» Шутки главного начальника — отдельная тема, но представить себе такой обоюдоострый намек пять лет назад было бы невозможно.

От летучих слов, как показал перестроечный опыт, слишком прост переход к тяжеловесным политическим практикам. И вот уже мы слышим специфические рассуждения о судьбе Карабаха, после которых от России отшатывается Армения, как когда-то, в 1988-м, она отшатнулась, услышав реплики во время июльского заседания президиума Верховного совета. Азербайджан при этом благодарно говорит о Турции, отнюдь не о России. Или столь же специфические высказывания о зверствах ХАМАС, после чего из Тель-Авива косо смотрят на Москву.

В истории ничто не повторяется; все прямые аналогии построены на лжи; закон созвучия предполагает, что рифмуются разные слова. Только одно совпадает в роковых ошибках перестройки и не менее роковых сбоях нынешнего дня. Тогда не различили пробуждение национального внутри имперского, сегодня упустили миг, когда имперское польхнуло внутри национального.

И в надежде, что живая вода вернет дыхание стране, по ошибке сбрызнули ее мертвой. А вопреки любимым русским сказкам мертвая вода не склеивает, она убивает.

К сожалению, живую воду слишком легко перепутать с мертвой. Особенно когда бутылки без наклеек.

Петр САРУХАНОВ

успеха. Насколько может быть обеззаражен национализм во время войны, особенно второй чеченской, — и насколько формула «мочить в сортире» свободна от «плохого» национализма, в то время спорили много; достаточно признать, что до фразы «терпи, моя красавица» тут пока еще далеко. Хотя и ближе, чем могло бы показаться.

Поначалу новое начальство умело демонстрировало прозападный и одновременно предельно антизападный настрой. Путь к «Восьмерке» сочетали с борьбой за сферы влияния, а постоянные иронические реплики по поводу украинцев в окружении вождя («И фамилии у них какие-то странноватые: Ковальчук, Ротенберг, Тимченко — типичные москаль») — с реальным филосемитизмом. Путин демонстративно общался с лидерами московской хасидской общины, состоялась передача библиотеки любавичского ребе Шнеерсона на «сакральное хранение» Бер-Лазару, что было не менее радикально, чем вынос иконы Владимирской

том медленного неостановимого процесса. И как только политическое слилось с национальным, а имперское стало формой выражения великодержавного, на горизонте замаячило то, что во времена Афганистана называли «вводом ограниченного контингента», во время чеченской войны — «контртеррористической операцией», а в 2022-м назовут СВО.

Ситуация словно вывернулась наизнанку. В эпоху перестройки пробудились национальные конфликты, долго спавшие под покровом имперской политики, а теперь имперская политика была разбужена национальным фактором. И, в свою очередь, изменила его вектор. Этаким эффект сквозного гриппа, когда один человек заражает другого и, едва поправившись, заражается от зараженного.

Очень быстро от попытки просвещенного национализма был сделан шаг к национализму архаическому, мрачному до невозможности.

Александр Архангельский

ЧТО НА ГОРИЗОНТЕ

Как быть с Московской стеной

«НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ГОСУДАРСТВА» НЕВОЗМОЖНЫ
БЕЗ ДЕМОКРАТИИ

Петр САРУХАНОВ

САРУХАНОВ

Кирилл

Фокин

Когда мы заходим в область рассуждений о будущем, идею «нации» хочется сразу выкинуть. Никаких «наций» не существует, это социальный конструкт, «воображаемые сообщества», сложившиеся в результате цепи исторических случайностей — а в резуль-

тате разделившие человечество на множество дихотомий «свои–чужие». Но возвращаясь в 1989-й, хочется спросить — а что это было, если не победа немецкой нации? Не этнической, а политической — говоря грубо, всех, кто идентифицирует себя немцами. Этот национальный матч-реванш с историей не помешал немцам встроиться в глобальный порядок и стать его активными сторонниками, сохраняя и собственную политическую субъектность, и культурную идентичность. Может ли путь разделенной Германии послужить примером для разделенной, хоть и не по черте в центре столицы, России?

ствами, ведущими постоянную борьбу за ресурсы и выживание друг с другом.

Парадоксальным образом люди, которые придумали и впервые заговорили о «политических нациях», — как раз таки искали выход, а не новый вход в этот порочный круг насилия. И не случайно появление представления о «национальной идее» сопряжено вовсе не с тоталитарными или автократическими режимами — а с национальными демократическими революциями в Европе и Америке.

Иными словами, оригинальные «национальные государства» невозможны без демократии — иначе, простите, как же руководителям политической нации знать, что действительно в интересах *всей нации*? Один правитель — автократ или монарх — не может больше брать на себя ответственность за всех (как было раньше). Народ «вырос» и «созрел» — и теперь сам должен стать у руля своей судьбы.

Выживут только демократии

Понимание критической важности союза «нации» и «демократии», при всей интуитивной очевидности, имеет колоссальное значение:

во-первых, оно помогает расправиться с пропагандистскими манипуляциями — «если вы так болеете за народ, так почему же не доверяете ему в праве избирать и быть избранным?»;

во-вторых, оно дает понимание одного из главных спорных вопросов современных международных отношений: противоречия «права народа на самоопределение» с «нерушимостью границ». Ведь именно в демократических обществах национальные сообщества могут как получить достаточные права на самоуправление в рамках общего государства, так и спокойно поднять вопрос о выходе из его состава (вспомним референдум об отделении Шотландии);

в-третьих, уже применительно к России, оно дает ясный просpekt на будущее — что, собственно, делать? Ответ, как в последние годы любил повторять Глеб Павловский, печален, но неизбежен — строить *нормальное* национальное государство, научиться управлять самими собой, потому что волшебников на голубом (ооновском) вертолете не будет.

О чем мы говорим, когда говорим о «нации»

Когда сегодня мы слышим, как кто-то всерьез произносит слово «нация», нам сразу представляется какой-то фашистствующий пещерный тролль. Людям, живущим реальными проблемами XXI века, мышление «нациями», «государствами», «границами», «народами» и так далее кажется архаичным наследием темных веков прошлого. Да, мы видим, что «национальные» концепции используются политиками — как самое настоящее идеологическое оружие. Но всерьез обсуждать «нации» как нечто само по себе важное и существенное, вне дискурсивного анализа, кажется странным — как обсуждать «эфир» современным физикам.

Но, как ни странно, идея «нации» (и зеркальная ей «национальная идея») — в том смысле, как мы понимаем ее сегодня — это сравнительно новое изобретение. Среди историков идут споры в отношении эволюции форм человеческих сообществ: когда появились первые государства, каковы были альтернативы, можно ли, скажем, Римскую империю, античный полис и средневековое феодальное королевство называть государствами и так далее. Но если упростить, то компромиссная позиция звучит так: до эпохи Просвещения

представлений о «нациях–государствах» не было.

Представления о «народах» — да, в связи с различиями в языках, диалектах и так далее. Но идея, что некий народ имеет право и должен образовать государство, чтобы стать таким образом «политической нацией» и далее управлять своей судьбой, — это поздняя идея, идея Французской революции, Наполеоновских войн, идея, раскрывшаяся даже не в XVIII, а в XIX веке. Не так уж давно — всего 200 лет назад.

С тех пор концепция «национального государства» нашла себе неприглядное воплощение: ее использовали монархи, диктаторы, тираны, политические популисты и элиты, чаще всего проводя антинародную политику. «Национальные государства», в которых пропаганда разгоняла национализм, впаивала в само сознание граждан невозможность каких-либо уступок, объединений и интеграций, за XIX и XX века принесли человечеству огромное количество горя.

Одним из самых страшных и пагубных последствий вепонизации идеи «нации» — стала та самая аберрация сознания, что человечество *всегда, всю свою историю, жило именно так — и по-другому оно жить не может*. Разделенное по признаку рождения (земли и крови, что означает — гражданства), обязанное почитать Родину и «платить ее долги», жертвовать собой ради «общего блага коллектива», с границами и государ-

Как быть с Московской стеной

Не скрою, последний вывод меня огорчает. В нормальных разговорах о будущем, которые нам бы сейчас вести (вместо чего мы на столах выясняем, как наиболее доходчиво сказать, что «убивать людей нельзя»), тезис, что в будущем и государства, и нации отомрут, является вполне банальным.

На самом деле и сегодня у человека есть далеко не одна-единственная идентичность: у любого, кто существует в социальном пространстве, этих идентичностей множество. Даже чисто территориально: можно идти от места жительства до района, города, региона, страны, культурного региона (например, Северная Европа) и так далее. Идентичности могут добавляться как «горизонтально» (одновременно футбольный болельщик и игрок в MMORPG), так и вертикально — одна поверх другой.

В этом смысле мондиалистская идея о появлении всемирных и единых политических структур звучит, честно говоря, даже слегка скучно. Страшным сказкам антиглобалистов о триумфальном марше новой унифицированной всемирной культуры, полном упразднении всех человеческих прав, появлении безликого Всемирного рейха, судя по всему, не сбыться. Все будет совсем иначе — просто, обыденно, едва заметно.

Примерно так же, как десятилетиями из экономических договоренностей выросла Европейский союз — сложными бюрократическими процедурами, балансом политических новшеств и компромиссов. В итоге ничего страшного не случилось: французы остались французами, а немцы — немцами, просто у всех добавилась (а вернее сказать, оформилась) дополнительная идентичность — жители/граждане ЕС, с соответствующим набором благ и привилегий. Ну и главное интеграционное благо, конечно, не в добавлении нового — а в убавлении старого: а именно самой возможности войны между странами — членами ЕС (напомню, всю свою историю народы Европы провели в истреблении друг друга).

Формирование подобного миропорядка едва ли возможно насильственным путем. Политическая наука не случайно столько

внимания уделяет изучению феноменов политического авторитета и политической легитимности. Даже авторитарные, тиранические режимы, держащие в руках впечатляющий аппарат принуждения, ищут способы легитимации власти. Демократические порядки (или, более специально, «порядки открытого доступа», как их называет нобелевский лауреат Дуглас Норт с соавторами) — более гибкие, открытые к переменам и изменениям и притом стабильные и устойчивые. Интегрировать их в наднациональные структуры проще: но для этой интеграции они должны сначала сложиться.

Печально, что России — как, впрочем, и подавляющему большинству стран мира — этот процесс еще только предстоит пройти. Печально потому, что перспектива — а именно финальная точка — уже в некотором смысле очевидна, и ясно, хотя и не с точной датой, что и как будет. Невозможно из архаичного порядка мгновенно стать обществом будущего: и в этом смысле наши цели должны быть реальными, а не желаемыми.

Эта задача — построение *нормального* национального государства, где у каждого народа внутри *федерации* будет право на самоопределение и самоуправление, а сосуществовать в рамках одного сообщества — *политической нации* — они захотят не потому, что так исторически сложилось и у них просто нет вариантов, а потому, что они будут осознавать свой интерес. В этом смысле региональная федерация (как Россия) не сильно будет отличаться от федерации всемирной: разве что у последней масштаб проблем, решаемых коллективным руководством, будет побольше.

Теоретически уже одна только ликвидация армий «национального уровня» и создание некоей общей структуры безопасности не только повысит шансы человечества на избежание ядерной войны и высвободит огромное количество ресурсов, но и буквально предотвратит гибель колоссального количества людей. Опять же, это может звучать утопически, но принцип «демократии не воюют друг с другом» реализован сейчас блоком НАТО. Да и разговоры о создании единой Европейской армии уже привели к созданию целого ряда интег-

“ *Всего-то и нужно, чтобы люди, живущие вместе, получили реальную возможность — во-первых, обсудить, почему они вместе и хотят ли они вместе остаться; во-вторых, принять ответственность за общее будущее* ”

рациональных военных структур внутри ЕС (Силы быстрого реагирования, жандармерия, FINABEL — комитет начальников штабов и так далее). Про необходимость общих стратегических решений по глобальному потеплению и необъятному списку гуманитарных вопросов (голод, например, все еще на повестке дня) даже не хочется лишний раз упоминать.

Или — или

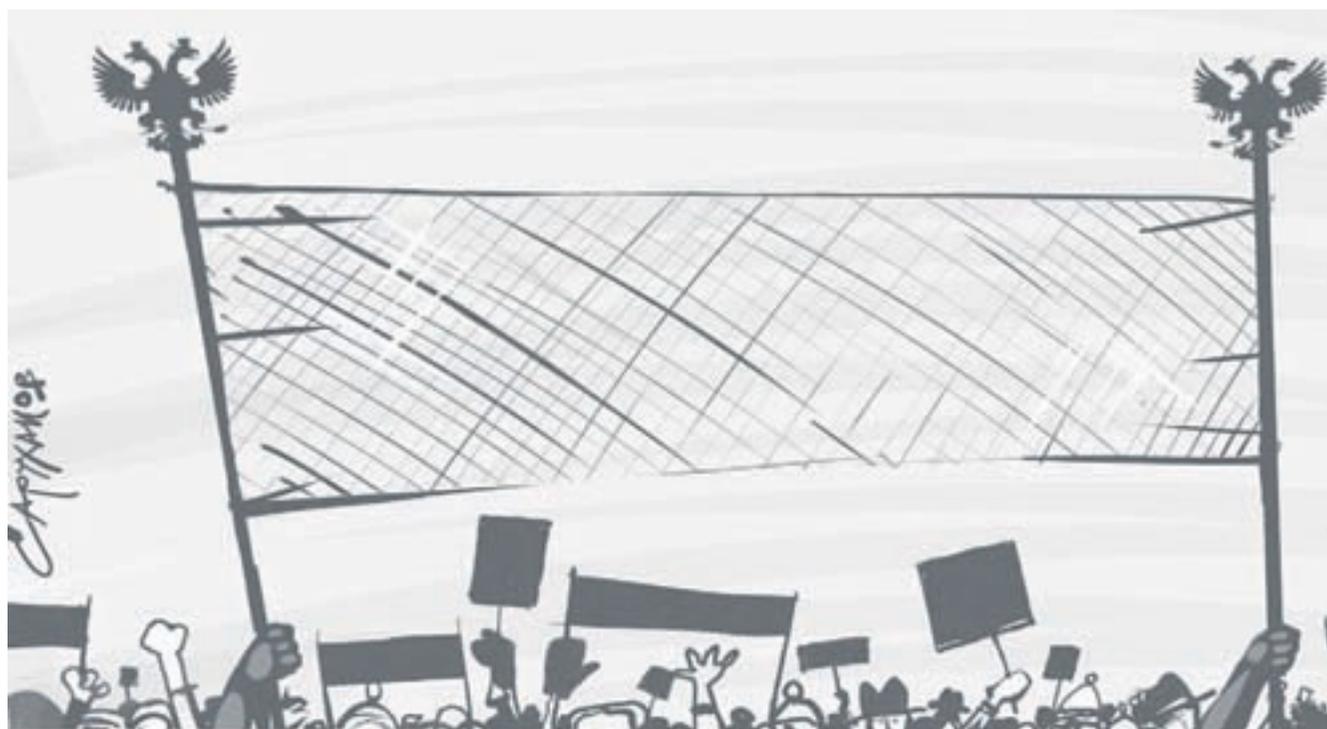
В прошлом тексте для «Горби», посвященном виртуальным/альтернативным

ния культуры наша страна гораздо ближе Европе, чем Япония; и при том Японии удалось, на совершенно ином культурном базисе, построить европейскую политическую систему и стать «национальным государством» в европейском понимании этого термина (Коткин, в силу норм английской научной лексики, предпочитает термин «западном» — western).

Здесь — пример того, как нормальное национальное государство не входит в противоречие со складывающимся глобальным порядком, но, наоборот, дополняет его, не утрачивая собственную самобытность (наоборот, даже проводя культурную экспансию).

национальное немецкое государство, которое снова соберется пойти войной на весь мир. Он предоставил немцам право самим определять свою судьбу: в отличие, кстати, от монархии кайзеров или тоталитаризма нацистов. Горбачев помог немцам создать адекватное национальное государство: демократическое сообщество, действующее в интересах людей, живущих внутри своих границ (хотя и очень различных внутри самой Германии). Та же судьба вполне могла ждать, например, Корею — но останемся оптимистами, возможно, она еще ее и ждет.

Что же до России, то мировая история знает огромное количество случаев

Петр САРУХАНОВ

реальностям, я приводил пример Японии. Страна с очень сильными национальными традициями, которая за XIX–XX века несколько раз перепридумала себя и стала не просто современной, а сверхсовершенной державой, окном в мир завтрашнего дня... но при этом не потеряла свою уникальность и осталась собой.

Впечатляет, когда гуляешь по Токио и случайно забредаешь, например, на крышу молла, исполненного в архитектурном стиле Захи Хадид, окруженного со всех сторон небоскребами и пейзажами из «Бегущего по лезвию», — и вдруг натыкаешься на маленькое синтоистское святилище, прямо здесь, в неприметном уголке.

Стивен Коткин в интервью для первого номера нашего журнала озвучил интересную мысль — что Россия в некотором смысле Япония наоборот. С точки зре-

Но можно вообразить и другой сценарий. Сценарий, при котором будущий глобальный порядок все равно наступит — а вероятность этого велика, потому что это один из наиболее вероятных треков выживания человечества в целом. Тогда государства, не успевшие разобраться сами с собой и не выработавшие внутренних инструментов самоуправления, будут включать в глобальный порядок насильно. Ведь, как известно, демократические институты почти невозможно импортировать.

Московская стена

Разрешив падение Берлинской стены, Горбачев вовсе не преследовал цели возродить Второй или Третий рейх: создать

формирования политической нации из этнически и лингвистически неоднородных сообществ. И для этого не нужны никакие практики типа «культурной апроприации» или «плавильных котлов» и прочие формы дискурсивного насилия. Всего-то и нужно, чтобы люди, живущие вместе, получили реальную возможность — во-первых, обсудить, почему они вместе и хотят ли они вместе остаться; во-вторых, принять ответственность за общее будущее.

Это и называется демократия, и ничего сложного в ней нет. Требуется только преодолеть уже новую — Московскую стену.

Кирилл Фокин

Мы предлагаем вам размышления гражданина России о путях развития нашей страны после того, как нынешний морок развеется: уже пора об этом подумать.

Это эссе — скорее тезисы для размышления. Отсюда такая плотность текста, такая концентрация мысли, такая насыщенность терминами, понятиями, отсылками к трудам классиков и современных авторов. Возможно, со временем эти тезисы можно будет развернуть в книгу.

Мы публикуем этот текст под псевдонимом, не объясняя причин, и надеемся на то, что он даст старт серьезному обсуждению нашего общего будущего, — и на то, что в этом будущем мы сможем указать имя автора.

Как ЖИТЬ далее?

С. Монтейн

Национальный
интерес:

Гештальт силы и Новое начало

Что такое национальные интересы

Сила государства — не только в его военной и экономической мощи, не только в размерах его территории, но и в том, что, как и зачем делается на этой территории.

Диалектика человеческой цивилизации особенно выпукло проявила свою амбивалентность в такие принципиально важные для развития человечества эпохи, как Осевое время¹ (1) (VIII–III вв. до н.э.), триптих Ренессанса, научной революции и Просвещения (1470–1770): с одной стороны, «большой взрыв» метапознания (от искусств, логики, философии и политической мысли до научных открытий и технологических инноваций), с другой — интенсивные и кровопролитные войны; триумфы созидания и акты самоповреждения; *Homo Faber* и *Homo Fetus*, человек творящий и человек одичавший, — тревожная и перманентная дуальность.

Ключевые вопросы смысла человеческого существования и места во вселенной с дилеммами: конкуренция и ко-эволюция, паразитизм и комменсализм, телеология и каузальность, жизнь и смерть, эрос и танатос, справедливость и общественное благо, свобода и социальная сплоченность — волновали/занимали умы и великих драматургов (от Эсхила, Софокла, Еврипида до Марло, Бенджамина Джонсона и Шекспира), и основоположников политической мысли (от Платона, Аристотеля, Фукидида, Полибия и др. до Никколо Макиавелли, Гуго Гроция, Томаса Гоббса, Джона Локка и др.). Две наиболее показательные концепции человеческой природы (как и мо-

тивационной динамики) были дистиллированы триадами Фукидида «страх, корысть и честь/слава» и Томаса Гоббса «добыча/нажива, безопасность и репутация», а также конфуцианским «Ли» (Конфуций, Мэн-цзы) и легалистским «Фа» (Хань Фэй и Гунсунь Ян).

Труды французского юриста Жана Бодена, заложившие фундамент для определения государства как политического института и его национальных интересов, были существенным образом дополнены итогами Тридцатилетней войны в Европе 1618–1648 годов и подписанным Вестфальским миром вместе с его доктринами сепарации реализма в международных отношениях с идеологическими и религиозными концептами, динамического баланса сил со сдержками и противовесами, приоритетом суверенитета и территориальной безопасности, невмешательством государств во внутренние дела друг друга. Более зрелые и системные дефиниции государства мы находим в трудах Рудольфа фон Иеринга и его соотечественника Макса Вебера в конце XIX и начале XX века.

Три основные концепции теории международных отношений (реализм, либерализм и конструктивизм) дифференцируют и приоритизируют мотивы поведения/позицию государств на международной арене и их национальные интересы. Если для классического реализма (Ганса Моргентау и его последователей) национальный интерес — аккумуляция силы и власти; для структурного реализма, или неореализма (защитного — Кеннет Уолтц и др.; наступательного — Джон Миршаймер), — это безопасность; для либерализма — тотемный экзистенциализм ценностей, прав и свобод, демократическая концепция мира, экономической взаимозависимости государств и либерального институционализма, то для конструктивизма (*Paragon*, лучший образчик чего-либо — Альберт Вендт) — приоритизация

социальной интерактивности, идеологий/культур/социальных норм/ценностей/идеалов.

Реализм нередко справедливо критикуют. Эта критика охватывает широкий спектр — от представителей либеральной школы до левой социалистической франкфуртской школы Эриха Фромма и Герберта Маркузе (иронизировавшими над реализмом как «каталогом неудач», «смещением данной реальности с реальностью», фатальным чувством трагедии и отсутствием прогрессивного видения будущего). Тем не менее реализм, в особенности классический реализм Ганса Моргентау (и целой плеяды блестящих интеллектуалов — Эдуарда Карра, Джорджа Кеннана, Раймона Арона, Роберта Гилпина, Арнольда Уолферса — и более поздних неоклассиков Ричарда Лебоу и Гидеона Роуза), актуален не только для диагностики системы или сети связей (*Nexus/Web*) международных отношений, не только для понимания внутренних сдвигов в той или иной стране, влияния иерархии ценностей и политической эпистемии элиты/лидеров на внешнюю проекцию силы этой страной, но и потому, что он чуток к динамике баланса силы, сдержкам и противовесам и, что фундаментально, — к вопросам морали и легализма. Дихотомичность Ганса Моргентау, его «автономии политики», дуальность этики/этоса и политики не лишают ценности его наследие для анализа сегодняшней динамики международных отношений.

Гештальт силы и Новое начало

Мои собственные изыскания и попытки дать определение силы/power (жесткой, мягкой, умной) как важнейшей

части, *piece de resistance*, национального интереса государств (и России в частности) привели к более широким рамкам размышлений и отклонению от принятой в науке изысканности и лаконичности. Моя концепция силы/power — не только военная и экономическая мощь, не только грандиозность территории и ресурсов, географических преимуществ и численности населения, но и то, *что* мы делаем и *как* мы делаем на этой территории; не только наши достижения в том, насколько экологично энергия конвертируется в продукты, сервисы, артефакты и мемы, но и способы генерации, агрегации, конверсии и хранения информации (не углубляясь в концепцию *it from bit*² Джона Уилера и информацию как пятой формы материи Рольфа Ландауэра³); не только в суверенности власти и границ, но и в первичной суверенности граждан этой страны (думающих и действующих автономно). Сила государства также в силе его притягательности: в эффективности его институтов, в универсальности его ценностей, идеалов, национального духа и воодушевления, социокультурного разнообразия и целостной самоидентичности, интегрального/целостного образования⁴, динамических амбиций. Его сила — в том, насколько оно каталитично/эффективно/ответственно в союзах и альянсах, в свободной циркуляции идей, в состязательности в политической и судебной системах, в прогрессирующем социальном капитале (доверии, сплоченности, взаимности и социальных навыках). И да: доверие к стране вовне начинается с доверия внутри, с верховенства права и силы духа, моральной устойчивости, морального этоса нации.

Состоявшиеся и успешные государства конкурируют не только за доступ к территории, ресурсам и технологиям, но и *за время и будущее — наименее возобновляемые ресурсы*. То, как государства реагируют на внешние и внутренние вызовы, поликризисы (климатические, технологические, пандемии, социальные кризисы с поляризацией неравенства,

slowbalization — замедление глобализации, снижение объемов международной торговли и т.д.); то, как максимально эффективно они утилизируют необходимые средства для синхронного конструирования демократических, социальных/справедливых и зеленых/устойчивых обществ, — определяет их стратегическую жизнеспособность и привлекательность.

Очевидные напряжения глобальных политических струн, амплитудный отрыв технологической мощи человечества от его коллективной мудрости (дилемма Коллингриджа⁵), риторический ядерно-сательный «джингоизм⁶ инфантильности» некоторых акторов вкуче с деградацией морали/норм/правил и глобальных институтов, как и актуальная и всеобъемлющая задача их системной и функциональной перестройки — не являются предметом размышлений этого эссе. Не будучи радикальным мелиористом и солиуционистом, я все же вижу пути уклонения от «неумолимости Великого фильтра⁷»; скорее я хотел бы проанализировать диалектику превратностей, которые претерпела Россия в прошедших десятилетиях, полных возможностей, оценить потенциал регенерации нации и сформулировать, в чем состоит национальный интерес России.

От редакции: К сожалению, стройную и продуманную автором структуру текста нам приходится в данном разделе эссе нарушить. Чтобы не выходить за рамки, определенные нынешними российскими законами, принятыми после начала СВО, мы вынуждены публиковать лишь его избранные фрагменты.

<...> Традиции экспансионизма (перманентного расширения

фронтиров как способа их защиты), политического мистицизма, мессианской исключительности, преклонения перед милитаризмом, прославления долготерпения, способности великого народа переносить лишения и страдания (вкуче с особой духовностью) на протяжении столетий были закономерностями российской политики. Мифология вместо идеологии, реставрация прошлого вместо созидания будущего, аполитичные принципы (столь же токсичные, как и беспринципная политика) и тирания конформизма вместо социального динамизма и гражданской ответственности, калейдоскоп ресентиментов и манихейского⁸ джингоизма (воинственные традиции демонстрации мускулов, как в воинственном новозеландском танце «хака», однако зачастую в отсутствие протеина) вкуче с незрелой риторикой, покрытой суицидально-апокалиптической рябью, — вот характерные особенности политического монизма с его склонностью к принятию больших, быстрых и смелых решений, зачастую ведущих к большим, быстрым и резонансным национальным трагедиям. Никогда еще в истории человеческой цивилизации наделение власти абсолютным правом решать, что приемлемо, а что нет, не заканчивалось благополучно с точки зрения политических последствий; политика слишком важна, чтобы безмятежно прокрастинировать, доверив ее политикам. Лорд Актон блестяще это сформулировал в письме к епископу Манделу Крейтону в 1887 году: «Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно».

От редакции: Что стало причиной случившегося с нами?

<...> С одной стороны, эрозия международных правил и норм, неэффективность и дисфункциональность

глобальных институтов вкупе с негативным пацифизмом (мюнхенские традиции умиротворения) вместо эффективного сдерживания на ранних этапах <...>. С другой — социальная демобилизации «морального большинства» российского гражданского общества (и при этом высокая толерантность к лишениям вкупе с имманентной гетерономией — подчинением своей воли данной извне норме), сплавленная с мешаниной из решений на грани фола, амбиций, не соизмеряющих цели и возможности, из ошибочного принятия тактических надежд и ловкости за стратегическую проницательность и силу, из политического оппортунизма, безответственности и

коллективного энтузиазма. Недооценка сил оппонента, переоценка собственных сил, <...> тактическая тонкость и дефекты операционного искусства привели ее не к *fait accompli*⁹, а к эффекту бумеранга, не к укреплению позиционирования России, а к ее попаданию в «ловушку события и лабиринт одиночества».

<...> Ни самая искусная тактика вместе с эффективным операционным искусством, ни самая эскалационная риторика (в отсутствие эскалационного доминирования, кинетического потенциала и потенциала рекапитализации) не убедительны на поле боя без внятной политической стратегии. Логика стратегии всегда политическая и

композиционная, в отличие от линейной логики тактики (и ее квинтэссенции — военной победы). При всей динамичности изменения морфологии войны (операционного искусства, тактики, технологического компонента и конвергенции технологий и т.д.) природа войны не изменилась... Технологии меняют то, как воюем, но не почему (современная война — точность, автономность, прозрачность, сетцентричность, искусственный интеллект и т.д.). В отсутствие политической цели и четкой стратегии (отвечающих национальным интересам), война по мере затягивания в ее шестерни, *engrenage de la guerre*, морфирует в банальное насилие и заводит в политический тупик, *cul de Sac*.

Политическая мудрость и благоразумие (*virtu*, «доблесть» Никколо Макиавелли и *prudence*, «благоразумие» Эдмунда Берка) — несомненные добродетели в политике; политические последствия определяются не только (и не столько) военными успехами в современном мире, но продвижением тех политических целей, которые промоутировали войну.

<...> Нам предстоит не просто очистительный катарсис с обжигающими психоэмоциональными травмами (и пурификацией этой поколенческой аберрации с ее шлейфом

ресентиментов, токсичным синтезом паранойи и медиевизма маниакальной депрессии, сонмом мифологем парка юрского периода), а полноценный метарсис¹⁰ с трансформацией для регенерации нации, ее национального сентимента и духа. <...>

Россия на обочине цивилизации

Страна, обладающая колоссальными ресурсами, имеет низкие показатели по множеству параметров, определяющих качество жизни ее населения.

Оглядываясь на узкий тракт российской регрессии, я задаюсь сущностным вопросом: как страна с самой большой территорией, насыщенной всеми ресурсами (от пресной воды до главного ресурса, человеческого, — образованного и талантливого народа) влачит столь не приличествующее ей маргинальное существование?!

Россия занимает одно из первых мест по количеству смертей в дорожных происшествиях, по количеству суицидов на душу населения, по количеству разводов, по количеству убийств женщин в результате домашнего насилия (15 000 — первое место в мире на душу населения) — сущий феминцид.

Россия находится в перманентной депопуляции: ее население к 2050 г. достигнет 130 млн человек, к 2070-му — 120 млн человек; в апреле 2022 года родилось не больше детей, чем в период 1941–1945 гг.; доля этнических русских в период 2010–2021 гг. снизилась с 78 до 72%; Россия заняла второе после Индии место по абсолютному количеству смертей от *COVID-19* (США и Китай практически достигли такого же числа) — около 1,5 млн человеческих жизней; сверхпотери населения в период 2020–2023 гг. составили 1,9–2,8 млн человек (помимо обычной демографической регрессии); по продолжительности жизни Россия на 105-м месте в мире (продолжительность жизни мужчины — 64,4 года); на 100 мужчин приходится 121 женщина); Всемирный индекс счастья, *Global Happiness Index*, определил Россию на 78-ю позицию в глобальном рейтинге.

Петр САРУХАНОВ

Гештальт силы и Новое начало

И да, в России зашкаливают неравенство и нищета (от 25–30 млн человек): при медианном значении коэффициента *Global Gini*¹¹ 0,601 в России *Gini* — 0,545.

Канада с территорией в два раза меньше и населением почти в четыре раза меньше имеет ВВП, валовой внутренний продукт, больше российского. При всей репрезентабельной узости индекса ВВП (валовой национальный доход, индекс человеческого развития, индекс включенного развития, индекс экологической эффективности с 2019-го — более интегральные и качественные метрики), ВВП Китая на человека превзошел российский; Россия ответственна за 4-е место в глобальном антирейтинге по выбросам CO₂ (вслед за Китаем, США, Индией) с 5% от мировых выбросов CO₂ (при менее 2% доли от глобального ВВП); Россия (и ее компаньоны по BRICS) — «передовики» по антирейтингу коэффициента Джини; не будем продолжать перечислять достижения. Что не так? Ответ представляется многокомпонентным: для выживания и процветания критически необходимы трансформация политической и социальной матрицы, верховенство закона, социальная мобильность и динамизм.

Демократия позволяет достичь общего блага

Горизонтальные связи, развивающиеся при нормальной работе демократических институтов, устойчивее вертикальных иерархических связей. Сила демократии — в людях.

Критерием эффективной работы исполнительной власти (менеджеров, нанятых гражданами) и законодательной власти является достижение максимальных значений в трех ключевых аспектах (*свобода гражданина* России, *его благополучие и безопасность* —

квинтэссенция высшего блага, *Summit Bonum*) на пути к построению демократического, экологического и социального общества с политическим и социальным равенством, со стремлением к снижению экономического неравенства (справедливое неравенство воспринимается толерантнее несправедливого равенства; достоинство превалирует над тщеславием). Какие доктрины и идеалы (политические/экономические, социальные, равно как и ценности, права и свободы, социальные связи и институты) являются наиболее релевантными и жизнеспособными в достижении общественного блага и *Summit Bonum*?

Гражданин/человек и его фундаментальные права и свободы (негативные и позитивные, о чем обстоятельно писали Бенжамен Констан и Исая Берлин) — *есть высшая политическая ценность*. Свободное общество существенно лимитирует то, что может делать исполнительная власть; разумность, свобода и справедливость предворяют закон и порядок. Конституционная демократия (представительская, парламентская или прямая) представляет безграничные пространства для расширения ментальной и физической свободы, конструирования свободного общества в каждом уголке национальных фронтиров и сфер интересов, уничтожая порочный континуум унылого прошлого и беспросветного настоящего. Демократия эффективнее при сепарации ветвей власти, сдержках и противовесах (как в порядке формирования ветвей власти, их функционалах, так и в структуре взаимодействия ветвей власти), динамизме баланса ветвей власти (где корреляции «власть—справедливость», «справедливость—свобода» формируют равновесие социальной гармонии).

Свобода и плюрализм опровергают политический монизм (с его неизбежной страстью к идолизации избирательного прошлого и консервации пустоты); рациональность опровергает политический мистицизм (с его синкретическим пюре). Люди рождаются с имманентными и естественными правами и свободами (столь живописно воплощенными Норманом Рокуэлом в 1943 г. в *Saturday Evening Post*: четыре картины, посвященные четырем свободам Франклина Делано Рузвельта: «Свобода слова», «Свобода вероисповедания», «Свобода от нужды» и «Свобода от страха»). Эти права и свободы — от ментальной автономии, свободы выбора, слова, действия до всего диапазона «негативных» и «позитивных» свобод; индивидуальный выбор в рамках справедливости и правды/честности — *триплеты/кодоны* нашей социальной ДНК. Исполнительная власть легитимна лишь в той степени, в которой она отстаивает эти права и свободы. Томас Пейн артикулировал это в «Здравом смысле»:

«Единственное основание политической легитимности — это всеобщее действующее соглашение: налогообложение без представительства несправедливо, и народ имеет право на сопротивление, когда контракт между правителем/Левиафаном и теми, кем он управляет, нарушен».

Демократия — это и верховенство закона, каталитическое и ответственное правительство, социальная мобильность, легитимность правил и неделимость моральных прав.

Все устойчивые демократические общества — это горизонтальные сети с высокой плотностью мелких узлов и множеством пересекающихся коммуникаций между ними; коммуникаций, создающих доверие, сплоченность,

взаимность, партисипаторность, а в конечном счете — социальный капитал, ценность сети. Такие сети имеют преобладающую ценность, пластичнее и устойчивее высокоцентрализованных/низко устойчивых/вертикальных «сетей-силосов»¹² с хрупкой гетерономией, направленной центростремительно к одному большому узлу; а это предтеча социальной декомпозиции и конечной эрозии социального капитала.

Стратифицированный социальный порядок предполагает перманентную вертикальную иерархию, с поклонением и почтением, оформляемыми как консервативные ценности и традиции. Горизонтальные, эгалитарные и устойчивые сети с автономными, рациональными и свободными гражданами с древнейших времен предпочитали демократию как организующий принцип политической культуры.

Реформы Солона и Клисфена, римский республиканизм до середины 50-х г. до н.э., традиции танистрирования¹³ в кельтских племенах, эгалитаризм народов Кавказа на протяжении тысячелетий, *Magna Carta* 1215 г., зарождение процедуры импичмента за мисдиминор (проступок) элиты в Англии с 1376 г., запрет в Итальянской Перудже на заключение договоров вассалажа (в том числе и для нотариусов) с угрозой публичного наказания из-за нетерпимости коммуны к концентрации силы сеньорами — это лишь несколько из тысячи впечатляющих ростков демократии на протяжении тысячелетий человеческой истории. К ним можно добавить учение Джона Локка о «естественных правах» человека, труд Томаса Пейна «Права

человека», принятый в Англии в 1689 г. Билль о правах (славное завершение Славной революции), американскую Декларацию независимости, принятую в 1776 г. (а также сборник «Федералист», 10 поправок Джона Мэдисона и Билль о правах 1791 г.), французскую Декларацию прав человека и гражданина 1789 г. и др.

И вновь я обращаюсь к непреходящей мудрости Рейнгольда Нибура: «Способность человека к справедливости делает демократию возможной, а склонность человека к несправедливости делает демократию необходимой». Путь к демократии долог и ухабист, что наглядно продемонстрировали демократическая рецессия последних десятилетий, новые волны плутократического популизма, «иллиберальной» демократии, наряду с эрозией репрезентативности политическими партиями, деградацией социального капитала, усугубляющимся неравенством, коррупционностью элит и т.д.

Прогрессия требует другого уровня вовлечения и доверия граждан, прозрачности и солидарности, последовательного морального этоса элит. Сдержки и противовесы/балансы сил в совокупности с социальной мобильностью играют более весомую роль в устойчивости и динамизме конституционной демократии, чем ее морфология (президентская или парламентская республика и т.д.). Парламент был мейнстримом в XIX в., политические партии — в XX в., а зарождающиеся формы перманентной демократии (с идеями Джулии Кейдж и Лоуренса Лессига), элементы партиципаторной и делиберативной демократий (местное и региональное бюджетирование, вовлечение

граждан в вопросы окружающей среды, формирование генпланов развития и т.д.), предложения «плебейского республиканизма» (Джона Маккормика, Камиллы Вергары, Лоренса Хэмилтона) формируют диалектику современной демократии; этим новеллам аккомпанирует взрывной рост социальных платформ обратной связи и децентрализованных технологий *Web 2.0* and *Web 3.0* соответственно.

Сила демократий — в людях, которые борются за нее *своим выбором и своим действием каждый день*, за каждый свой идеал и свои ценности, которые они *готовы отстаивать*, — это *часть метаболизма* и те самые *кодны нашего ДНК*; «Демократия — это ежедневный плебисцит» — в точной формулировке Эрнеста Ренана.

Отсутствие конкуренции в политической системе России, эффективных институтов (и, как следствие, ритуальные выборы и зияющая «черная дыра» вместо демократического трансфера власти, как способа омоложения и обновления), когерентной национальной идентичности в совокупности с вышеупомянутыми мессианизмом, экспансионизмом и доминированием экстернальной культуры (мир масок — не лиц; мир парадов, фасадов, форумов, вместо культуры «быть, а не казаться») — формируют видимость фатальной обреченности российской истории, о чем как-то сказал Барак Обама: «В борьбе за российскую идентичность страх и фатализм обычно побеждают надежду и перемены».

С. Монтейн

(Окончание следует)

¹ *Осевое время* — период в истории человечества, во время которого на смену мифологическому мировоззрению пришло рациональное, философское, сформировавшее тот тип человека, который существует поныне.

² *It from bit* — согласно этой концепции, все физические сущности являются информационно-теоретическими в своей основе.

³ Принцип Ландауэра гласит, что стирание одного бита информации требует определенного количества энергии, измеряемой в джоулях, т.е. что информация имеет физическую природу.

⁴ Интегральное (целостное) образование — образование, цель которого — не овладение набором академических дисциплин, а становление личности.

⁵ Дэвид Коллингридж в 1980 году описал затруднение, связанное с оценкой технологий: предсказать дальнейшее развитие той или иной технологии трудно по двум причинам: 1) Пока технология не внедрена широко, ее последствия трудно предсказать; 2) Когда технология уже внедрена широко, ее последствия трудно контролировать.

⁶ Джингоизм — шовинистический национализм, для которого характерны пропаганда колониальной экспансии и разжигание национальной вражды.

⁷ «Великий фильтр» — гипотеза Роберта Хэнсона: мы не видим признаков существования внесемных цивилизаций, потому что для их возникновения нужно, чтобы были выполнены девять условий, однако одно или несколько из них

оказываются невыполнимыми. Если человечество до сих пор не столкнулось с невыполнимостью одного из условий, значит, оно еще в будущем (например, невозможность колонизации космоса).

⁸ Манихейский — подразумевающий, что в мире бесконечно борются две противостоящие друг другу силы — добро и зло, свет и тьма.

⁹ *Fait accompli* в международной политике — термин, означающий ситуацию, когда государство нарушает международно-правовые нормы, однако международное сообщество вынуждено принять свершившееся как факт, при этом возвращение к прежнему порядку вещей невозможно.

¹⁰ *Метарсис* — сочетание «метанойи» и «катарсиса»: не только очищение души страданием, но и полная перемена души, обновление через покаяние.

¹¹ Коэффициент Джини — статистический показатель степени расслоения общества данной страны или региона по какому-либо изучаемому признаку. Используется для оценки экономического неравенства.

¹² Понятие «силосы» в бизнесе восходит к образу силосной башни и используется как метафора подразделений, которые работают независимо друг от друга и ни с кем не делятся ресурсами (информацией, сотрудниками, средствами и пр.).

¹³ Танистри — кельтская традиция выбора главы клана или короля и его приемника.

Свобода держатъ ОТВЕТ

КАК КОЛЛЕКТИВНАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СВЯЗАНА
С ВОССТАНОВЛЕНИЕМ
ДОСТОИНСТВА СТРАНЫ

Сергей
Зенкин

Наши язык и мышление засорены искаженными, ложными словами и понятиями, которые застыли нам суть вещей; а любой вооруженный конфликт в большом количестве производит такие мысленные ловушки и сам ими стимулируется. Одна из них — идея «коллективной ответственности», зазвучавшая уже с 2014 года по обе стороны границы, постепенно превращавшейся в линию фронта. Смысл ее менялся — от призыва к покаянию и/или действию со стороны граждан России до обоснования санкций против них (визовых и прочих). Чаще всего ее вспоминают в социальных сетях, и это важно: техническая обстановка, где происходят дискуссии, влияет на их содержание, на то, что в них удастся и не удастся высказывать. Бранчливая сетевая среда позволяет бесплатно и безопасно пререкаться друг с другом, стремясь не убедить, а подавить оппонента. В таких спорах никогда не родится истина.

И все же, как ни дурно поставлен вопрос о коллективной ответственности, как ни искажен он страхом и гневом, это не значит, что он сам по себе ложен. В последнее время его обсуждают русские философы, пытаясь выяснить истинный смысл понятия (в частности, Мария Секацкая и Михаил Немцев). Правильно ли они поступают, стоит ли во время кровавого конфликта рассуждать о смысловых нюансах, о точном толковании абстрактных категорий? Да, стоит, и даже особенно необходимо: в обычное время люди более или менее обходятся привычным, прилизанно интуитивным пониманием ответственности, а сейчас она стала тяжелым вопросом для общественной совести. У многих болит душа от происходящего, однако боль — плохая советчица для ума: она будоражит, но и слепит, мешает ясно

различать вещи. Тем более обязаны интеллектуалы делать свою работу — разбираться в смысловой путанице, устранять понятия-обманки; только так станет видно, насколько и как разрешимы проблемы, с которыми мы столкнулись.

Я не философ, но давню интересуюсь проблемой ответственности, писал о ней раньше как историк идей; попробую здесь развить некоторые свои соображения. Придется заходить издалека и говорить долго; удобных, всем приятных и конкретно-практических выводов не обещаю.

Оборотная сторона свободы

В «коллективной ответственности» сразу оба слова — подменные: говорят «ответственность», а думают чаще всего о «вине» или «возмездии», говорят «коллективная», а имеют в виду, более конкретно, «национальную». О национальной ответственности речь пойдет ниже, а прежде всего надо провести различие между ответственностью и ее кажущимися синонимами. Вероятно, всякая вина влечет за собой какую-то ответственность виновника, но обратное неверно — ответственность возникает не только у того, кто виноват. Можно отвечать и за других людей, за чужую вину: скажем, если ребенок попортил чужое имущество, его родители должны возместить ущерб, даже если сами никак не повинны в случившемся. Что же касается возмездия, то оно не обязательно носит моральный характер, нередко оно вообще исходит не от человеческого или божественного субъекта, а от безличных материальных сил: неосторожно наступив на грабли, можно получить возмездие в виде удара в лоб; глобальное потепление, судя по всему, — наше общее возмездие за бездумный разгон энергопотребляющей экономики. Напротив того, ответственность обязательно подразумевает моральные отношения субъектов: «отвечать» в буквальном смысле слова можно только «кому-то». Этим и различаются ситуации возмездия и ответственности: возмездие бывает всегда *за что-то*, но не обязательно *от кого-то*, а ответственность — всегда *перед кем-то*, но не обязательно *за что-то* конкретное.

Последнее следует объяснить подробнее. Некоторые считают, что личная ответственность наступает вследствие некоего события — иногда нашего собственного поступка, а иногда и чего-то такого, в чем мы сами не принимали участия. Пример Михаила Немцева: человек идет по улице, видит, что произошел несчастный слу-

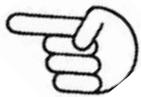
чай, — это возлагает на него моральную ответственность за помощь пострадавшим, хотя все случилось еще до его прихода. Так же и с войной: если ты хоть как-то к ней причастен — например, просто живешь в развязавшей ее стране — ты так или иначе за нее в ответе.

Это рассуждение основано на повествовательной логике: одно событие (внешнее) влечет за собой другое (внутреннее), они выстраиваются в линейную цепь. Известно, однако, что логика повествования — иллюзорная, она искусственно упрощает, вытягивает в один ряд действительную причинность, которая всегда зависит от многих факторов. Обычно при этом замалчиваются, упускаются из виду некоторые, казалось бы, очевидные, но важные условия.

Прохожий на улице стал свидетелем несчастного случая: вытекает ли отсюда какая-то его ответственность, если он неразумный младенец? или если он слепой, неспособный разглядеть происходящее? или если он арестант, которого ведут в наручниках полицейские? Мы, скорее всего, скажем «нет, не вытекает». Чтобы нести ответственность, нужно быть самостоятельным, компетентным, свободным в своих действиях... то есть, попросту говоря, *ответственным* человеком — мы ведь именно так и говорим. Это значит, что ответственность не возникает вследствие события, а предшествует ему, она всегда уже является качеством или состоянием субъекта и лишь актуализируется в событиях, которые с ним происходят; они есть не причина, а только повод к реализации. Событие налагает на нас моральный долг перед окружающими, но он зависит не от одной, а от двух посылок, объективной и субъективной, — от самого события и от нашей готовности на него реагировать. Понимаемая таким образом — как личный долг, а не как механическое возмездие — ответственность направлена не в прошлое (подобно вине за что-то уже содеянное), а в будущее, на еще не совершенные поступки.

Такую ответственность мы берем на себя добровольно и можем даже *снимать* с себя, что не обязательно является аморальным, «безответственным» поступком. Например, врач вправе сказать пациенту: я отвечаю за ваше лечение, но если вы не будете соблюдать мои предписания, станете вести нездоровый образ жизни, то я за вас уже не отвечаю. То есть моральную ответственность допустимо отозвать из-за чужих поступков.

Свобода держат ответ

Дело тут вот в чем: разбирая предыдущий пример, я не случайно упомянул в качестве не-ответственного субъекта конвоируемого арестанта. Действительно, любая ответственность — моральная, гражданская, уголовная — необходимо предполагает одно важное условие: *свободу* индивида, она является оборотной стороной свободы. Поэтому она и заканчивается там, где заканчивается моя свобода, — а именно там, где начинается свобода другого человека (вместе с его собственной ответственностью). Я, конечно, могу убеждать его, иногда я даже должен попытаться это сделать — скажем, предостеречь, если он совершает что-то безрассудное, — но он не обязан следовать моему предупреждению, в конечном счете он сам отвечает за себя. Оставаясь ответственным человеком, я не в ответе за чужие поступки, которым не волен был помешать.

То, что ответственность неотъемлема от свободы, доказывается очевидным обстоятельством: она применима только к *живым* людям. Тех, кто умер, чьи дела остались в прошлом, мы можем чтить за их заслуги и свершения и/или осуждать за ошибки и преступления — ни то, ни другое, вообще говоря, не забывается, — но нельзя сказать, что они перед нами за что-то «отвечают». Об умершем мы судим иначе, чем о живых, потому что он лишен свободы, утратил ее вместе с жизнью, а значит, исчезли и его отношения ответственности с теми, кто его пережил.

Итак, ответственный субъект возникает еще до ответственных поступков — но как? Во многих специальных случаях это оформляется особыми актами и ритуалами, такими как клятва или присяга: воинская, супружеская, президентская и т.д. Солдат отвечает за выполнение приказов, даже если он их еще не получал; свидетель отвечает за свои показания, даже если он еще не давал их: дав присягу, они взяли на себя определенный долг, связали себя ответственностью перед законом, обществом, народом. Другие виды ответственности — скажем, за посильную помощь ближнему — возникают вместе с основными социальными обязанностями человека благодаря его взрослению,

которое тоже может обозначаться ритуалами инициации, существующими в традиционных, да отчасти и в современных обществах (бар-мицва, выдача аттестата зрелости и т.п.). Само многообразие таких ритуалов показывает, насколько общество озабочено определением, ограничением ответственности своих членов; как будто ответственность — это некая самовластная стихия, которая возникает сама собой, подобно растению, вырастающему из зерна. В самом деле, как определить точку, где она начинается? Ведь даже ребенок, казалось бы, образцово безответственное существо, в чем-то уже свободен и за что-то уже отвечает — хотя бы за то, чтобы делать уроки или не мучить животных...

Эта странная неопределенность приводит к заключению, что есть два уровня ответственности: относительная и абсо-

лютная. Первая из них — ограниченная (ср. правовое понятие «общество с ограниченной ответственностью»), она более или менее регламентирована, заключена в рамки общественных обязанностей индивида; а вторая носит внеситуативный, ничем не ограниченный характер, она бывает не перед конкретными людьми или институциями, а перед целым светом, и не за конкретные действия, а за все происходящее вокруг. Эта универсальная моральная ответственность заставляет нас стыдиться за глупости и преступления, совершаемые чужими людьми, иногда требует вмешиваться в дела, которые «нас не касаются». Об абсолютной ответственности, подчиняющей себе ответственность относительную, не раз размышляли философы-экзистенциалисты. Карл Ясперс, осмысляя

катастрофический опыт нацистской Германии, сблизил ее с виновностью и называл «метафизической виной»: по его словам, это «солидарность между людьми как таковыми, которая делает каждого тоже ответственным за всякое зло, за всякую несправедливость в мире». Жан-Поль Сартр выводил подобную солидарность людей из свободы, на которую «обречен» каждый из нас и которая заставляет нас, просто «живя», тем самым утверждать некоторые ценности, значимые для всех: «Выбирая себя, я выбираю человека вообще». Эмманюэль Левинас пошел еще дальше, говоря о «предначальной ответственности», которая «предшествует преднамеренности» и «превосходит свободу». Человек как сознательное существо «предначально», уже в момент своего возникновения, находится перед лицом других, сам является для кого-то другим (книга Левинаса так и называется «Гуманизм другого человека»), и потому он облечен ответственностью даже не просто «перед другими», а «за других» или «для других» (французский предлог *pour* допускает разные переводы).

Абсолютную ответственность не могут возложить на меня люди, она «от бога». И сам я могу не столько «взять» ее на себя извне, сколько *осознать*, ввести в горизонт своей мысли то, что уже было во мне неосознанным. Для абсолютной ответственности свобода есть уже не предварительное условие, как для относительной ответственности, — они сливаются воедино, образуя непреременные и солидарные условия человеческого существования. Ответственность свободно возникает в человеке, и она сама порождает свободу.

Инфраструктура ответственности

Так обстоит дело с индивидуальной ответственностью, а какое это имеет отношение к ответственности коллективной — и вообще, существует ли она? Да, существует — по крайней мере как относительная, социально определенная ответственность. Из сказанного выше ясно, чем именно она определяется: свободой коллективного выбора и согласия. Я не отвечаю за других, если только мы с ними не договорились иначе. Коллективную ответственность, «круговую поруку» разделяют члены супружеской четы, рабочей артели, политической партии, даже уголовной банды — потому что все они добровольно вступили в это сообщество, распространили свою личную свободу и ответственность друг на друга. С меньшей точностью можно говорить о коллективной ответст-

венности некоторых элитарных групп — профессиональных корпораций, бизнес-сообщества или интеллигенции — их члены тоже сознательно выбирали свое поприще, но связанные с ним обязанности, а стало быть, и ответственность за их исполнение, не столь четко определены (у кого-то есть коллективная хартия вроде клятвы Гиппократова у врачей, другие же обходятся без нее). Ни в коем случае нельзя считать «коллективно ответственными» членов стихийно сложившихся и наследственно воспроизводимых социальных групп или классов — скажем, помещиков или крестьян; одна лишь политическая демагогия могла обосновывать репрессии против них идеей ответственности (за многовековое угнетение народа, за срыв хлебозаготовок в период реконструкции). Где нет свободного выбора, там может иметь место разве что безличное, внеморальное «историческое возмездие», которым охотно злоупотребляют политики, оправдывая свой произвол.

“

*Каждый человек
вправе сам принимать
на себя вину за дурные дела
своего государства, но это
нельзя решать за него,
объявляя виновной
его нацию*

”

Особенно сложно обстоит дело с *нацией*, которую сегодня реально имеют в виду, толкуя о «коллективной ответственности». С одной стороны, современные нации — не этнические, а гражданские — основаны не на общности крови, а на сознании своего единства, на «ясно выраженном желании продолжать общую жизнь» (Эрнест Ренан), у них всегда есть коллективная идентичность, убежденность, что «мы — оттуда-то, такие-то».

Но, с другой стороны, нация почти никогда не комплектуется из добровольцев; не случайно атрибутом большинства новоевропейских наций, едва ли не их идеальной моделью стала призывная недобровольческая армия. За исключением немногих граждан, натурализовавшихся в ней по зрелому решению, подавляющее большинство членов нации стали таковы-

ми по рождению, и им даже при желании не так-то просто это изменить, перейдя в другое гражданство. Отношения человека со своей нацией не совсем свободны, он не столько *выбирает* свою «национальность», сколько пассивно, по привычке *соглашается* с нею. В этом вся двойственность национального чувства и национальной ответственности.

Конфликты и войны между нациями, точнее, между представляющими их государствами, трудно объяснять логикой ответственности. Станет ли кто-то утверждать, что жители Хиросимы «понесли ответственность» за агрессивную политику их правительства? Да, к сожалению, сегодня приходится встречать и такое печальное смешение понятий. На самом же деле разрушение Хиросимы или Дрездена в 1945 году могло обосновываться различными резонами — возмездием, мщением, стратегической необходимостью (подавить сопротивление противника), «сопутствующим ущербом», но в большинстве своем их граждане погибали за

не сделанный ими свободный выбор — какой выбор делали дети Хиросимы? — что исключало для них и отношение «ответа».

Каждый человек вправе сам принимать на себя вину за дурные дела своего государства (стыдиться за других — нормально, вытекает из нашей абсолютной ответственности), но это нельзя

решать за него, объявляя виновной его нацию. Индивиду довольно часто вменяют, например по суду, конкретно-социальную ответственность — постольку-поскольку известна степень его свободы и поддаются точному определению его обязанности, иные из которых даже зафиксированы в корпоративных правилах, библейских заповедях или уголовном кодексе. В отношении же целой нации такое вменение неправомерно.

Свобода держат ответ

Государственные решения, принимаемые от ее имени, обычно отражают мнение лишь какой-то ее части, а то и просто навязываются ей силой (в тоталитарных государствах); винить за них справедливо только тех, кто непосредственно, в ходе свободно выбранной карьеры участвовал в их принятии. Иными словами, понятие коллективной ответственности плохо работает для нации, потому что не поддается убедительному описанию тот «коллектив», к которому ее пытаются применить. Его удастся как-то помыслить лишь постольку, поскольку мы рассматриваем его абстрактно («немцы», «евреи», «россияне»), отказываясь вникать в его конкретный состав. Стоит начать оценивать индивидуальную ответственность его членов за какое-нибудь преступное деяние государства — как он рассыпается, из него приходится исключать одну за другой большие категории населения, которые не за что винить, — детей, экспатриантов, заключенных, больных... На этом пути трудно остановиться, и философы, пытаясь заключить идею национальной ответственности в какие-то разумные рамки, вынуждены вводить все более изощренные, трудно проверяемые условия (Мария Секацкая: за преступления государства в ответе те, кто допустил их, сознавая последствия своей пассивности; кто был волен, *не становясь героем*, отказаться в них соучаствовать и т.д.).

Коллективная идентичность нации, сколь бы сильно она ни переживалась людьми, слаба этой своей абстрактностью. Нация может совершать героические подвиги, а может — бывает, даже одновременно — пассивно вручать свою судьбу какому-нибудь тирану. «Воображаемые сообщества» (Бенедикт Андерсон), недостаточно объединенные сознательным решением своих участников, демонстрируют сплоченность, пока дела идут хорошо, пока «отвечать» приходится за победы и достижения; зато при неудачах сплоченность может вдруг исчезнуть, а сообщество распасться — как распалась в 1991 году искусственно сконструированная гражданская нация, «новая историческая общность — советский народ». Составлявшие ее народы не

захотели брать на себя ответственность за экономическое разорение страны и поражение в холодной войне. Возможно, что такова вообще долгосрочная тенденция развития: нации и национальные государства, которые возникли исторически недавно (двести-триста лет назад), могут и исчезнуть, уступив место каким-то иным, постнациональным формам человеческого общежития.

Так обстоит дело с ответственностью относительной, конкретно определенной; а применимо ли к национальному сообществу понятие абсолютной, универсальной ответственности? Может показаться, что оно даже ближе ее коллективному сознанию, чем сознанию индивида, потому что нация охотнее отдельных своих членов считает себя участницей глобальных процессов, признает за собой если не мировую миссию (опасное самообольщение!), то, по крайней мере, законное место в мире, из которого вытекает и нравственный долг (пусть и часто нарушаемый). Вспомним, однако: ответственным может быть только живое существо, нация «живет» иначе, чем индивид, у нее другой способ существования. Человек за все отвечает своей жизнью — расплачивается если не целым, то какой-то частью этого уникального и конечного капитала; а жизнь нации не ограничена биологическим пределом, и ее состав полностью обновляется со временем. Оттого и ответственность, которую она способна нести, все-таки относительная, образуется не по универсальному закону, а в силу переменчивых исторических условий, на которые возможно влиять лишь отчасти.

В принципе, нация может выступать как коллективный субъект, признавая свою ответственность или даже вину, — например, может каяться перед другим народом за причиненное ему зло. Но чтобы это стало национальным консенсусом, который никем, по крайней

мере публично, не оспаривается в обществе, нужны сложные предпосылки, и в истории такие случаи очень редки; многим народам есть за что покаяться перед другими, а они так и живут нераскаянными. Дело в том, что ответственность неотделима от свободы — а для коллективной ответственности не обойтись без свободы коллективной.

Индивидуально покаяться исходя из своей абсолютной ответственности способен каждый — и ребенок (опять ребенок!), и слуга, и арестант; а чтобы сделать это всем вместе, требуется согласное, свободно принятое решение. Вынужденное принятие ответственности ничего не стоит — можно заставить в чем-то каяться обитателей тюремной камеры (сегодня так нередко делают), но кто же им поверит? Для коллективного раскаяния нужны воля и сила, это, в терминах Фридриха Ницше, господский, а не рабский жест. Это жертва символического капитала, которую могут позволить себе не все, потому что капитал сначала необходимо накопить. Чтобы вместе покаяться, надо, чтобы вас уважали — именно так, не наоборот.

Например, Германии для осознания своей национальной ответственности за нацизм потребовалась не просто смена поколений, но и «экономическое чудо» 50-х годов, и вступление в НАТО и Европейское экономическое сообщество — вообще, возвращение страны в число ведущих и уважаемых держав. Преодолев послевоенное унижение и resentment (рабское чувство), можно было заняться национальной самокритикой в масштабе всего народа, а не только отдельных, наиболее сознательных его представителей. Коллективная совесть опирается на коллективный успех, а разгромленная и нищая страна не могла покаяться всерьез. Так же бывает и в успешных странах, не проходивших через

военное поражение и иностранную оккупацию: например, Соединенные Штаты в XX веке развернули мощное движение за равные права, и оно привело к признанию, на моральном и институциональном уровне, ответственности нации за историческую несправедливость в отношении ранее угнетенных рас и народов.

Нашей стране, чтобы критически переосмыслить свою нынешнюю историю, тоже предстоит пройти долгий путь. Нужно будет восстановить себя как сознательную нацию — а сегодня политическое сознание в ней порушено во многом заботами ее же правительства. Нужно будет выйти из обидчивой замкнутости на себе, найти значимого Другого, перед которым можно было бы всерьез отвечать; таким Другим могла бы стать, например, ее нынешняя противница, сколь бы странным и даже диким это ни казалось сейчас. И нужно будет добиться настоящего, признанного успеха — экономического, научного или еще какого (упаси только бог от военного). Выполнять все эти условия будет долго и сложно, и это лишь необходимые, а не достаточные условия — так сказать, инфраструктура ответственности, на которой еще предстоит ее строить. Удастся ли построить — неизвестно.

В заботе о будущем

Выше уже говорилось, что ответственность — это не вина, а долг. Долг перед своей страной обычно называют гражданским или (скомпрометированное сегодня слово) патриотическим. Но что такое патриотизм? Считать его «любовью к отечеству» — недобросовестная ошибка, восходящая к романтической мифологии национализма. Из такого понятия нельзя вывести никакого долга, потому что любовь — чувство, которое нельзя никому вменить в обязанность; об этом знали еще драматурги классицизма, показывая неизбежные конфликты страсти с долгом. Как всякое чувство, любовь к отечеству переменчива, то усиливается, то утомляется, порой даже вообще иссякает, и патриоты разбредаются кто куда; а отечество (государство), со своей стороны, не всегда заслуживает любви, иногда оно ведет себя недостойно, даже преступно, любить его в таком состоянии — нездоровое чувство. И не надо ссылаться на его мистическую сущность, которая-де выше отдельных недостатков и пороков: это тоже обветшалый романтический миф. У нации, как и у отдельного человека, нет высшей сущности, она то,

что сама из себя делает вольными усилиями всех, кто к ней принадлежит.

Истинная суть гражданского патриотизма не в любви, а опять-таки в свободно принимаемой ответственности; верно говорят, что он проявляется не столько в гордости за достижения своего государства (это-то легко!), сколько в стыде за его ошибки и злодейства и в готовности их исправлять и искупать. Патриот отвечает за свою нацию — но он стремится и к тому, чтобы она сама умела отвечать за себя, не уклоняясь от этой ответственности, не перекладывая ее на кого-то другого, на свои или чужие правительства. Или то же самое другими словами: патриотический долг всегда включал в себя борьбу за свободу своей страны — но не только от внешних врагов, а также и от ее собственных грехов и заблуждений. Единственный путь к подлинной коллективной ответственности пролегает через восстановление ее достоинства.

И, разумеется, прежде всего — через прекращение идущих с 2014 года военных действий.

Сергей Зенкин

ГОРБИ
ГОРБУ

ДЕМИСТИ- ФИКАЦИЯ

Жестокый дефицит

КАКУЮ ЭКОНОМИКУ
«ПРИНЯЛ» МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ

Дмитрий
Прокофьев

Секретная речь

15 декабря 1969 года Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев, выступая на Пленуме ЦК, обратился к когорте руководителей партии и правительства с весьма примечательной речью¹. Сообщив, что «директивы партии по восьмому пятилетнему плану развития народного хозяйства страны по важнейшим экономическим и социальным показателям будут выполнены», политический руководитель перешел к перечислению недостатков — и перечень их был таков, что речь Брежнева не публиковалась до конца XX столетия.

Вот несколько характерных фраз:

«...У нас наметилась тенденция к замедлению темпов экономического роста.

...Слишком медленно увеличивается производительность труда, эффективность общественного производства.

...целые отрасли из года в год не выполняют плановых заданий.

...систематически не выполняются планы по наращиванию новых мощностей.

...начали появляться трудности в снабжении населения мясом, особенно в крупных промышленных центрах.

...Эти и другие моменты вызывают серьезное напряжение при реализации народнохозяйственных планов и мер по повышению жизненного уровня советских людей...» — делал вывод Брежнев.

Отдадим должное генеральному секретарю — он понимал, что имеет дело не с «отдельными недостатками» а с системной проблемой: «в народном хозяйстве до сих пор не устранены многие межотраслевые и внутриотраслевые диспропорции, особенно в развитии таких важных комплексов, как металлургия и машиностроение, топливная промышленность и энергетика, транспорт и объем перевозок, а также диспропорции между доходами населения и производством товаров народного потребления...»

В качестве «путей преодоления трудностей» Брежнев предлагал улучшить планирование, при этом отмечая, что «...Госплан слабо работает над главными пропорциями в развитии экономики и комплексным развитием отдельных экономических районов страны...».

Впрочем, генеральный секретарь вполне отдавал себе отчет, что дело не в технических аспектах планирования:

«Хотел бы вместе с тем подчеркнуть и другую сторону вопроса. Какие бы совершенные системы информации и управления ни были созданы специалистами — это хотя и важные, но лишь вспомогательные средства для решения управленческих задач. <...> Проблемы управления — это в первую очередь политические, а не технические проблемы».

Все знали, но сделать не могли

Брежнев был прав, рассуждая о важности информации для выработки правильных решений. Но финансисты СССР понимали, что советские рубли обесцениваются по отношению к товарам, причем довольно быстро — отсюда и дефицит, чем дальше, тем сильнее раздражавший население.

Правда, средние доходы людей оставались невелики, притом что цены были высокими: советское государство дорого продавало гражданам продукты их труда.

В секретной «Справке о розничных ценах на товары народного потребления»², в 1965 году направленной

Государственным комитетом цен в ЦК КПСС, говорилось:

«По сравнению с уровнем розничных цен в капиталистических странах относительно высок уровень розничных цен в СССР на сахар (в 3 раза выше), на масло животное, сыр, масло растительное и маргарин (в 2–3 раза), на рыбные консервы (в 3–3,5 раза), на вина виноградные (в 4–5 раз), на шоколад (в 10 раз)».

Гораздо дороже, чем на Западе, продавались в СССР и промтовары. Обувь стоила в 2–3,5 раза дороже, ткани — в 2–5 раз, а женское белье — вчетверо дороже.

Впрочем, советский потребитель, приученный выбирать между «дорогими» товарами и их полным отсутствием, помнивший и хлеб по карточкам и кое-что похуже, был согласен платить и больше — было бы что покупать. С другой стороны, бюджетное субсидирование цен на наиболее простые товары и услуги первой необходимости отчасти компенсировало нарастающее отставание в среднем уровне жизни от стран первого мира.

Попытка «повернуть» народное хозяйство «лицом к человеку» — развить потребительский сектор — стала одним из ключевых сюжетов экономической политики СССР в 1970-е годы.

В 1973 году Начальник Управления денежного обращения Госбанка СССР Е.Б. Большакова докладывала³ Председателю Правления Госбанка СССР М.Н. Свешникову:

«...Несмотря на проводимые меры по увеличению производства товаров народного потребления, спрос населения на многие товары удовлетворяется не полностью. Имеются трудности в снабжении населения продовольственными товарами, значительно растут цены на колхозных рынках.

Цены на колхозных рынках в 1972 году увеличились против 1970 года на 12,1%. В январе-мае 1973 года цены на рынках крупных городов возросли против 1972 года на 8%.

Недостаток товаров используют спекулянты. <...> доходы перекупщиков-спекулянтов от продажи товаров рабочим, служащим и колхозникам за 1972 год составили около 1,3 млрд рублей»⁴.

Жестоким дефицит

Причину разбалансировки денежного обращения Начальник Управления денежного обращения Госбанка видела в накоплении межотраслевых дисбалансов — обрабатывающая промышленность поглощала ресурсы, необходимые для производства потребительских товаров.

«Такие результаты в области денежного обращения вызваны нарушением ряда основных пропорций развития хозяйства.

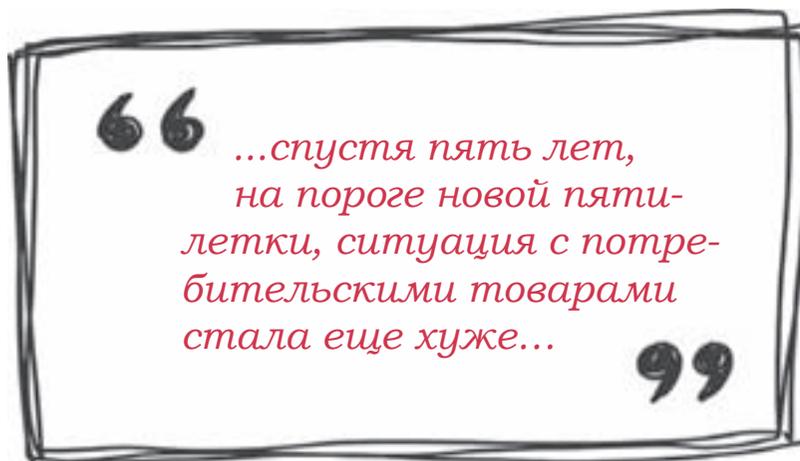
Задание по вводу в действие производственных мощностей и основных фондов за три года пятилетки выполняется примерно на 80%. Особенно плохо выполняется задание по предприятиям, производящим товары народного потребления...

Пятилетний план предусматривал опережающие темпы роста производства

экономического управления Госбанка Н.Д. Барковский и Начальник Управления денежного обращения Е.Б. Большакова докладывали, что деньги «не обеспечены» ничем, кроме надписи на самих банкнотах, что необходимо наращивать выпуск потребительских товаров, что денежная масса растет слишком быстро:

«Количество денег в обращении к началу десятой пятилетки оценивается в 36 млрд рублей, из них, по расчетам Госбанка, 8 млрд рублей сверх нормальной потребности, которые находятся на руках у населения из-за отсутствия в продаже нужных товаров.

...из общего остатка средств на вкладах в сберегательных кассах, который на 1 января 1976 года оценивается в 90 млрд

группы «Б», а фактически они отстают от темпов роста производства группы «А». За 1971–1973 годы производство средств производства увеличивается на 22,3%, производство предметов потребления — на 19,3%».

В начале 1975 года руководство Госбанка СССР направило Председателю Совета Министров Алексею Косыгину⁵ письмо «Об основных вопросах денежного обращения, которые необходимо решить в 1976–1980 годах»⁶. Начальник Планово-

рублей, часть денег — около 5 млрд рублей — также отражает неудовлетворенный спрос (не считая нереализованного спроса на легковые автомобили и кооперативные квартиры).

По мнению Госбанка СССР, в десятой пятилетке необходимо поставить задачу ликвидации дефицитности большинства товаров...»

То есть у власти было и понимание проблемы потребительского рынка, было и обсуждение на самом высоком уровне, но

С. ПЕТРУЖИН / фотоархив журнала «Огонек»

спустя пять лет, на пороге новой пятилетки, ситуация с потребительскими товарами стала еще хуже...

Без товаров, но с деньгами

В мае 1980 года Председатель Правления Госбанка СССР Владимир Алхимов направил Алексею Косыгину очередную «Доклад о состоянии денежного обращения и необходимости его укрепления в одиннадцатой пятилетке»⁷, в котором говорилось следующее:

«Ввиду отставания роста розничного товарооборота от увеличения доходов населения, несмотря на привлечение финансово-кредитной системой значительных средств населения, не была обеспечена сбалансированность денежных доходов и расходов населения. Это привело к повышенному выпуску наличных денег в обращение. За 1966—1979 годы количество денег в обращении увеличилось с 13,1 млрд рублей на конец 1965 года до 49,8 млрд рублей на конец 1979 года, то есть в 3,8 раза, при росте розничного товарооборота в 2,4 раза.

...Наличие излишних денег в обращении и во вкладах усиливает отрицательные явления в сфере денежного обращения и торговли. Все более расширяется круг товаров и услуг, спрос на которые удовлетворяется недостаточно. <...> По отношению к количеству денег в обращении товарные

запасы на 1 рубль составили в 1979 году 1,2 рубля против 2,7 рубля в 1965 году.

Госплан СССР <...> определяет необходимый объем товарооборота в 1985 году в 330 млрд рублей, между тем изысканные в настоящее время ресурсы обеспечивают товарооборот 1985 года лишь на 301 млрд рублей. По расчетам Минфина СССР и Госбанка СССР, недостает товаров на 20—25 млрд рублей».

Все всё понимали — и что товаров нет, и что деньги теряют ценность, но изменить структуру экономики, заложенную самим товарищем Сталиным, не могли.

О невозможности реформ

В чем была системная проблема с товарами и ценами на них — объяснял⁸ министр финансов СССР Валентин Павлов⁹: «...с 1931 (!) года весь ценовой механизм в стране строился по принципу перераспределения национального дохода от производителя к потребителю, а точнее сказать, к посреднику, в роли которого выступало государство. Тяжелая и оборонная промышленности были убыточными, дотационными, и чтобы изыскать средства для индустриализации, установили очень высокие ставки налога с оборота на продукты питания и ширпотреб».

Сталинская экономическая стратегия ускоренной индустриализации базировалась на бесплатной природе и на эксплуа-

тации избыточной дешевой рабочей силы, объяснял Валентин Павлов.

«Такие установки реально воплощались прежде всего в стоимостной структуре народного хозяйства: нулевые цены на землю и полезные ископаемые, низкие цены на сырье, низкий уровень зарплат и пенсий — зато очень высокие цены на конечную продукцию промышленности, в том числе на добротный ширпотреб. Все это сводило жизненный уровень населения почти к физиологическому пределу.

Понятно, что при такой ценовой структуре — а она, как известно, в несколько смягченном виде сохранилась к началу восьмидесятых годов — никакие экономические рыночные реформы невозможны...»

При этом, подчеркивал Валентин Павлов, «сбережений», на которые так рассчитывали люди, на самом деле... уже не было.

«...в СССР сбережения населения играли роль основных кредитных ресурсов. Собственными средствами предприятий обеспечивались только минимальные их потребности, остальное — кредит.

...Сбербанк брал наши деньги под низкий процент и через Госбанк СССР под более высокий процент отдавал займы тому, кто испытывал недостаток в средствах. В результате общая совокупная потребность денег в стране минимизировалась. Ведь мой временный избыток покрывал чей-то недостаток.

По статистическим данным, 55% оборотных фондов промышленности, сельского хозяйства и транспорта покрывались

кредитом, за которым стояли вклады населения в сберкассах и счета прибыльных предприятий. Принадлежа конкретным физическим или юридическим лицам, эти вклады служили источником для кредитования народного хозяйства...»

И вот что в итоге получалось:

«...При централизованном планировании все доходы и расходы в масштабах СССР строго увязывались между собой. Но зато неизменно — каждый год! — возникали очень большие сложности с балансированием доходов и расходов населения. Потому что экономика была перекошена в сторону тяжпрома. Фонд накопления достигал 36%.

Однако станками с числовым управлением, ракетами или истребителями-перехватчиками <...> нельзя было удовлетворить потребительский спрос населения. За этим вопросом стояла важнейшая проблема поддержания покупательной способности потребительского рубля.

И если порой менялись цены на отдельные виды товаров, то вовсе не для того, чтобы пополнить бюджет <...> Эти деньги нужны были прежде всего, чтобы не допустить снижения реального курса потребительского рубля.

Собственно говоря, именно здесь и выступала наружу перекошенная структура нашей экономики».

Было дело, и цены... повышали!

Среди самых популярных современных фантазий об СССР — это сказка про вечно стабильные низкие цены, которые никогда не росли, а только снижались.

На самом деле семидесятые годы XX века были временем систематического повышения цен на товары. Так, в 1973 году подорожали три вида товаров — крепкий алкоголь, рыба ценных пород и меха. В 1974 году были подняты цены на женскую одежду, в 1975-м — на изделия из серебра и мельхиора.

1 апреля 1977 года были повышены цены на ковры, хрусталь, шелк, книги, авиабилеты и проезд в такси. С 1 марта 1978 года решено было поднять цены на ювелирную продукцию, а также на бензин, шоколад, кофе и услуги по ремонту автомобилей.

Жестокый дефицит

Википедия

Игорь Бирман

1 июля 1979 года Секретариат ЦК КПСС принял очередное решение о повышении розничных цен на изделия из золота, меха, ковры — на 50%, серебра — на 95%, импортную мебель — на 30%, автомобили — на 18%. Расценки в кафе и ресторанах в вечернее время были увеличены на 100%.

15 сентября 1981 года снова выросли цены на алкоголь и табачную продукцию. На 25–30% были вновь повышены розничные цены на ювелирные изделия, хрусталь, ковры, меха и меховые изделия, швейные и галантерейные товары из натуральной кожи, шерстяные и пуховые платки, «отдельные гарнитуры мебели и фарфоровые сервизы».

В 1982 году подорожали книги и журналы, в 1983-м — электроинструмент, строительные материалы, соки, телятина, грампластинки, музыкальные инструменты, нитки.

Интересно, что повышение государственных цен в СССР в 1970–80-е кроме чисто фискальной составляющей (изъятия доходов у населения) в теории должно было привести к появлению в свободной продаже ряда прежде дефицитных товаров. (Собственно, такое соображение присутствовало в официальных обоснованиях повышения цен.)

Но ничего подобного не произошло — дефицит оставался дефицитом.

Принято считать, что причиной тому было существование черного рынка, в рамках которого работники торговли и снабжения, имевшие первоочередной доступ к товарам, перепродавали пусть подорожавший, но по-прежнему дефицитный товар «из-под полы».

Но выдающийся советский экономист и статистик Игорь Бирман¹⁰ в своей книге «Экономика нехватки»¹¹ привел другое объяснение.

В отличие от многих экономистов, как в СССР, так и на Западе, Игорь Бирман довольно скептически оценивал размеры черного рынка в СССР и не считал, что этот рынок как-то критично влияет на экономику. В конце 1970-х Бирман определял объемы так называемой «второй экономики» (перепродажа дефицита, хищения на предприятиях и перепродажа похищенного) в 20–25 млрд рублей в год — не более 8–9% от общего объема денежных доходов населения.

По мнению Игоря Бирмана, настоящей причиной дефицита были структурные дисбалансы — советская экономика просто не могла произвести необходимого количества потребительских товаров. Для этого ей не хватало ресурсов, которые преимущественно уходили на «производство средств производства», работники таких «производственных» предприятий получали зарплату, а необхо-

димых «потребительских» товаров купить не могли — их просто не было ни по каким ценам, потому что их не производили в количествах, достаточных для насыщения спроса.

С начала 1970-х советская экономика начала терять эффективность, с этим поделаться было уже ничего нельзя — как писал замечательный экономист Сергей Журавлев, «советскую хозяйственную систему убило то же, что ее и породило: «мягкие бюджетные ограничения» и безразличие предприятий к производительности труда. Замещение труда капиталом в этой микроэкономической среде невозможно, и экономика попросту утыкается в ограничение со стороны трудовых ресурсов, которые до поры до времени казались неисчерпаемыми».

Закончился (в прямом смысле слова) ресурс дешевой рабочей силы, до этого выкачивавшейся из деревни. Нужно было «труд» замещать «капиталом», а этого советская экономика делать не умела — она была ориентирована на создание новых и расширение действующих мощностей. Но когда речь пошла об обновлении производства, отсутствие рыночных сигналов для предприятий стало критическим — эти предприятия продолжали «выполнять план» на старом оборудовании, устаревшие и изношенные мощности продолжали оттягивать на себя ресурсы, которых уже не хватало для вновь создаваемых.

Собственно, об этом предупреждал и генеральный секретарь Брежнев в 1969 году:

«...Повышение эффективности народного хозяйства стало поистине ключевой проблемой прежде всего по той причине, что изменились главные факторы нашего экономического роста. Раньше мы еще могли развивать народное хозяйство, главным образом за счет количественных факторов, то есть увеличения численности рабочих и высоких темпов наращивания капитальных вложений. Период такого — как его называют, экстенсивного — развития, по су-

ществу, подходит к концу. <...> повсеместно ощущается острый недостаток рабочей силы. Имеет свои пределы и такой источник роста, как наращивание темпов капиталовложений в развитие производительных сил.

...Любое увеличение доли накоплений, естественно, может происходить только за счет доли потребления. А мы на это не можем пойти, если хотим и впредь вести курс на подъем жизненного уровня трудящихся...»

Жесткий выбор

Суть выбора между накоплением и потреблением жестко сформулировал Игорь Бирман в главе «Угроза. Альтернативы» уже упомянутой нами книги «Экономика недостатка»:

«Гаданиями о том, каким именно будет следующее советское руководство и какую именно политическую линию оно изберет, печаль (понятно, что не советская) переполнена, и я воздержусь от них. Но две вещи несомненны.

Первая — власти должны будут немедленно что-то делать с экономикой, так жить дальше нельзя.

Вторая — власти будут всячески пытаться снискать популярность какими-то податками, причем именно экономического свойства. Не будь громадных накоплений, можно было бы ввести мощные системы экономического стимулирования, подняв для этого зарплату, и таким образом несколько улучшить производство.

Но это значит еще более раздвинуть «ножницы» между денежными доходами населения и его возможностями эти доходы истратить, то есть тем количеством товаров и услуг, которое реально существует на рынке и может быть куплено!

О снижении цен для улаживания населения тоже не приходится говорить.

Получить больше товаров за границей? Внешний долг приблизился к 20 млрд долларов <...> и не видно, как его-то отдать.

Поэтому я считаю весьма вероятным (вернее говоря, я не сомневаюсь, что именно так и будет, но не могу назвать точные сроки), что вскоре после воцарения в Кремле нового вождя граждане услышат:

«Дорогие товарищи! Несмотря на колоссальные успехи и победы, клика Брежнева и примкнувшего к нему Косыгина довела страну до трудного экономического положения...»

У некоторой части населения образовались накопления. Центральный Комитет получил письма трудящихся <...> которые требуют лишить нечестных людей того, что они нажили своими махинациями и преступлениями.

Да, дорогие товарищи, у честных людей денег быть не может. И не должно быть.

Прямо сейчас каждый, предъявив паспорт, может обменять червонец на новые деньги, а старые деньги отменяются. Мы понимаем, что некоторые честные люди от этого немножко потеряют, но это, дорогие товарищи, последняя жертва...»

Бирман писал свой безжалостный прогноз в 1979 году.

Но и в 1985-м ответа на вопрос «что делать» и как найти баланс между подъемом уровня жизни людей в рамках плановой экономики, уже неспособной к повышению производительности, и отсутствием ресурсов для инвестиций в повышение этой производительности — не было.

Его предстояло найти в условиях жесточайшего дефицита времени.

И это должен был быть в первую очередь политический, а не технический ответ.

Дмитрий Прокофьев

¹ Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Брежнева Л.И. на Пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1969 г. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 168. Л. 36–60. Подлинник. Машинописный экземпляр.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 225. Л. 87–108.

³ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 28. Д. 2959. Л. 67–70, 72–77, 79–86.

⁴ В книге *The Russians* журналиста Хедрика Смита, корреспондента «Нью-Йорк таймс» в СССР, в 1960–1970-е возглавлявшего бюро, приводится пример разницы в ценах официального и черного рынка — изданная малым тиражом

книга Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» при официальной цене в 1 р. 53 к. продавалась на черном рынке за 60–200 рублей. Smith H. *The Russians* / H. Smith. N.Y., 1976. P. 119.

⁵ Косыгин Алексей Николаевич (1904–1980) — министр финансов СССР в 1948 году, председатель Госплана СССР в 1959–1960 годах, первый заместитель председателя Совета Министров СССР в 1960–1964 годах, председатель СМ СССР в 1964–1980 годах.

⁶ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 28. Д. 3266. Л. 212–217.

⁷ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 28. Д. 3661. Л. 57–80.

⁸ Павлов В. *Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку*. М.: ТЕРРА, 1995.

⁹ Валентин Павлов, в 1986–89 гг. Председатель Государственного комитета по ценам, в 1989–91-м — министр финансов, в 1991-м — премьер-министр СССР.

¹⁰ В 1960-е годы экономист и математик Игорь Бирман был одним из ведущих советских экспертов по планированию и программированию, входил в состав Государственной (ГНТК) комиссии по экономической реформе. В 1974 году Бирман эмигрировал в США.

¹¹ Бирман И. *Экономика недостатка*. Нью-Йорк: Чалидзе, 1983.

«Люди с улицы» в судебных процессах

КАК ИЗМЕНЯЛАСЬ СУДЬБА
СУДА ПРИСЯЖНЫХ

В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ

Леонид

Никитинский

Институт суда присяжных в российской судебной и правовой системе имеет свою отдельную и очень показательную историю. Его неправильно рассматривать только как одну из форм правосудия, создающую противовес обвинительному уклону профессионального суда, — это одновременно и институт гражданского общества, гарантирующий гражданам РФ конституционное право на участие в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32 Конституции РФ). Однако такой «народный элемент» — исключение с точки зре-

ния общей тенденции превращения суда в инструмент силовых структур, которую мы наблюдаем в течение всех лет существования суда присяжных в России с 1994 года.

Вынося главный вывод в начало этого текста, могу констатировать: в качестве института гражданского общества коллегии присяжных в начале — середине нулевых годов были чрезвычайно эффективны. Этот вывод я обосную собственным опытом об-

щения с десятками бывших присяжных из разных регионов и из разных процессов — в ходе своей журналистской деятельности и в рамках программы «Клуб присяжных», которую мне удалось реализовать в 2006–2012 годах. Однако в качестве элемента судебной системы он оказался ей чужероден. И хотя формально не был ею отторгнут, постепенно был превращен (как и многие другие институты российской демократии) в симулякр.

История суда присяжных на протяжении последних тридцати лет — это история законодательного сужения компетенции этого суда, развития практик манипулирования присяжными и давления на них, саботажа со стороны «правоохранительных органов» и профессиональных судей.

В настоящее время суд присяжных — рудимент 90-х, который представляет интерес скорее с исторической точки зрения — как иллюстрация упущенных возможностей демократизации государственной и общественной жизни в стране. Впрочем, когда-нибудь этот опыт может снова пригодиться.

Рассказ о судьбе суда присяжных в России надо предварить рядом общих замечаний. Идеального суда человечество не изобрело — все его формы имеют как достоинства, так и недостатки. Недостатки профессионального суда лучше всех описал англичанин, писатель и христианский деятель Гилберт Честертон (1874–1936), которого в своих лекциях цитирует бывший судья Сергей Пашин.

Честертону выпало быть присяжным в одном из процессов, и свой опыт он суммировал следующим образом: «Самое страшное во всей машине правосудия, во всех судах, магистратах, судьях, поверенных, полисменах, сыщиках не то, что они плохи (есть и хорошие), не то, что они глупы (есть и умные), а то, что они привыкли. Они не видят на скамье подсудимых подсудимого; они видят привычную фигуру на привычном месте. Они не видят ужаса судебного разговора — они видят механизм своей ра-

боты. И потому, ведомая здоровым чутьем, христианская цивилизация мудро порешила вливать в их тела свежую кровь, а в мозги — свежие мысли людей с улицы. <...> Наша цивилизация поняла, что признать человека виновным — слишком серьезное дело, и нельзя поручить его специалистам».

Участие «людей с улицы» в судебных процессах может обеспечиваться в двух основных формах: 1) суда присяжных, в котором присяжные выносят вердикт о виновности/невиновности отдельно от профессионального судьи, ведущего процесс, и 2) суда шеффенов, которые выносят приговоры (а часто и решения в сфере гражданского правосудия) вместе с профессиональным судьей — председателем коллегии,

решая при этом не только вопрос о виновности, но и о мере наказания.

Суд присяжных в современной России обязан своим появлением тому импульсу демократизации всех форм государственной деятельности, который принесла короткая эпоха перестройки и который по инерции действовал еще в первые годы ельцинского правления. Таким образом, датой рождения (или скорее возрождения, так как суд присяжных впервые был введен в России реформами Александра II) следует признать 90-е годы, хотя фактически до 2001 года, когда был принят действующий Уголовно-процессуальный кодекс, суд присяжных был доступен лишь в девяти регионах РФ, а его расцвет пришелся на начало — середины нулевых годов.

Судебный процесс в СССР (кадр из к/ф «Обвиняются в убийстве»)

Соцсети

Гилберт Честертон

От «кивал» к коллегиям присяжных

В СССР во всех процессах, наряду с профессиональными судьями, участвовали народные заседатели, для которых эта повинность считалась так называемой общественной нагрузкой и которых делегировали для этой цели «трудовые коллективы» под контролем (более или менее бдительным) партийных и профсоюзных организаций. У реформаторов эпохи перестройки к народным заседателям были справедливые претензии в плане отсутствия самостоятельности и активности с их стороны — в СССР их называли «кивалами».

Между тем судьи рассказывали (в частности, встречаясь с присяжными в рамках нашего «клуба»), что не только в отдельных случаях голоса двух заседателей, прямо не противоречившие закону, могли перевесить голос судьи, но их мнение существенно влияло также на вид и размер применяемого наказания.

Именно замена «кивал» полноценными коллегиями присяжных лежала в основе предложения о введении суда присяжных, которое впервые высказал еще на Съезде народных депутатов СССР философ и публицист Федор Бурлацкий. В 1990 году он добился введения в Основы уголовно-процессуального законодательства СССР и союзных республик статьи, где говорилось, что дела об особо тяжких преступлениях может рассматривать суд присяжных или расширенная коллегия народных заседателей (обсуждался вопрос, не увеличить ли число народных заседателей с двух хотя бы до четырех или восьми).

Федор Бурлацкий (слева)

Демократический Верховный совет РСФСР первого созыва пошел в этом смысле гораздо дальше. Комитет по законодательству во главе с Сергеем Шахраем создал подкомитет по судебной реформе во главе с адвокатом и защитником советских диссидентов Борисом Золотухиным. Была разработана Концепция судебной реформы, которую на рассмотрение Верховного

совета внес президент Ельцин, и 24 октября 1991 года она была утверждена специальным постановлением. Согласно этой концепции, суд присяжных предполагалось ввести по всем делам о преступлениях, за которые грозило наказание свыше года лишения свободы.

Это была одна из характерных утопий перестройки в русле концепции «демократии без предпосылок», которую предполагалось сконструировать с нуля, взяв за образцы в первую очередь зарубежные аналоги (например, в США, где продолжает действовать, и весьма успешно, суд присяжных, российские эксперты направля-

«Люди с улицы»

Александр ЯКОВЛЕВ / ТАСС

Вячеслав Лебедев

(№ 530-РП) и которым «заинтересованным ведомством» предписывалось подготовить законопроект о суде присяжных и определить, в каких регионах он будет вводиться «поэтапно».

Чисто бюрократически поручение было дано ГПУ, но фактически главным заинтересованным ведомством было судебное во главе с Верховным судом РСФСР и его председателем Вячеславом Лебедевым, который еще при советской власти прошел все ступени судебной карьеры, был назначен на свой пост в 1989 году и продолжает занимать его на протяжении всех этих лет. Должности председателей республиканских, краевых и областных, а также районных судов занимали в основном судьи с аналогичной биографией — вопрос о замене кадров в судебной системе в какой бы то ни было форме не ставился (это едва ли и было возможно).

Судейское сообщество вплоть до конца ельцинского периода принимало, во всяком случае внешне, концепцию правового государства и демократические правила игры: эксперты-демократы, выдвинувшиеся в юридической науке и в адвокатуре,

Фотохроника ТАСС

Сергей Шахрай

Фотохроника ТАСС

Борис Золотухин

РИА «Новости»

Сергей Пашин

частично назначенные во вновь образованные Конституционный и Высший арбитражный суды (они были созданы в 1991 и 1992 годах), имели возможность широко обсуждать с судейским сообществом в том числе проблемы становления суда присяжных на многочисленных конференциях и семинарах, в частности в рамках Московского клуба юристов.

С принятием поправок в Конституцию РСФСР, а затем Конституции РФ 1993 года право обвиняемых на рассмотрение их дел судом присяжных было закреплено на высшем законодательном уровне. Закон РФ от 16 июля 1993 года дополнил УПК РСФСР разделом X «Производство в суде присяжных». Вопреки первоначальным намерениям, его подсудность была ограничена категорией дел, рассматриваемых областными и приравненным к ним судами, однако первоначально этот критерий обеспечивал достаточно широкий круг уголовных дел — при условии, что подсудимый (или один из подсудимых-соучастников) ходатайствовал о рассмотрении дела судом присяжных.

Судейское сообщество суд присяжных в то время не отвергло, но и одобрение

его было сдержанным, с рядом оговорок, касавшихся прежде всего организации процессов. В большинстве судов краевого и областного уровня, в самом деле, не было «инфраструктуры», в частности залов, оборудованных для проведения процессов с присяжными, хотя, возможно, судьи и преувеличивали эти сложности. В конечном итоге «поэтапно», как бы в экспериментальном порядке (при этом что Пашин категорически отвергал слово «эксперимент») суд присяжных после проведения обучающих ролевых игр стал действовать в тех регионах, где председатели судов лучше других встречали его идею: Иваново, Московская область, Рязань, Саратов, Ставропольский край (с 1 ноября 1993 года), Ростов, Ульяновск, Краснодарский край и Алтайский край (с 1 января 1994 года).

Рост оправдательных приговоров и недовольства «правоохранителей»

В 1994 году суд с участием присяжных рассмотрел 173 дела в отношении 241 человека. В дальнейшем доля дел, которые рассматривались судом присяжных, все время нарастала, и в 1999 году было рассмотрено 422 дела в отношении 867 лиц. Доля оправдательных приговоров в 1994 году составила 18,2%, в 1997-м — 23%, затем она стабилизировалась в районе 16%, но в любом случае была на порядок выше аналогичного показателя в процессах без присяжных.

На этом этапе росло и число подсудимых, которые ходатайствовали о суде присяжных. В 1994 году их было 20% от тех, кто имел на это право, в 1996 году — 37%, в 1997-м — 43%, в 1999-м — 44%. Однако если в 1994 году Верховный суд отменил 20% оправдательных приговоров, вынесенных на основании вердиктов присяжных, то в 1997 году процент отмен составил 26,5%, в 1998-м — 37%, в 1999-м — 50%. Одновременно стали появляться сообщения о том, что представители органов обвинения и даже судьи (видимо, с подачи следователей и прокуроров) в ходе подготовки к рассмотрению «не советуют» подсудимым настаивать на суде присяжных, угрожая, в случае вынесения обвинительного вердикта, максимальными санкциями в пределах соответствующих статей УК.

«Экспертно-правовой совет» (некоммерческая организация, созданная правозащитниками при участии Московской Хельсинкской группы) в конце 90-х годов

опросил около 2000 судей, из которых против суда присяжных высказались 46,7%, а в поддержку — 45,8% респондентов. Логика судей, которые выступали за суд присяжных, наряду с указанием на его реальную состязательность, основывалась на том, что судье не приходится писать длинный мотивированный приговор, а достаточно сослаться на вердикт присяжных.

Логика противников, наряду с указанием на громоздкость и сложность этой формы процесса (что правда), основывалась, хотя чаще всего не эксплицитно, на том, что «присяжные часто оправдывают преступников». Эксплицитно судья и не может выразить такую мысль, так как юрист, что бы он про себя при этом ни думал, не может назвать преступником оправданного подсудимого. Однако представители следствия и прокуратуры уже тогда открыто высказывались в таком смысле, а судьи, по существу, солидаризировались с ними.

Эта логика, безусловно, имеет под собой основания, но, как мы уже указывали, идеальный суд не изобретен, и в зависимости от задач, которые ставят перед собой государство и гражданское общество (если его мнение учитывается) приходится мириться с перекосом или в сторону обвинения, или в сторону оправдания. Исторически надо принять во внимание, что с середины 90-х и особенно в последующие годы шел параллельный процесс усиления зависимости судей от «правоохранительных органов» и силовых структур — через механизм их назначения (включая карьерный рост) президентом, а фактически — непрозрачной кадровой комиссией при администрации президента, в которой руководители и представители силовиков приобретали все больший вес.

18 декабря 2001 года был принят и с 1 июля 2002 года введен в действие новый Уголовно-процессуальный кодекс. Он действует и поныне, но с многочисленными поправками, касающимися в том числе (если не в первую очередь) суда присяжных. Суд присяжных стал действовать во всех регионах РФ, и одновременно в связи с этим институт народных заседателей был упразднен по уголовным делам с 1 января 2004 года, а по гражданским делам еще раньше — с 1 февраля 2003 года. В известной эйфории, вызванной повсеместным введением суда присяжных, демократически настроенные юристы и представители гражданского общества не придали этому факту того значения, которого он заслуживал.

«Люди с улицы»

Между тем доля уголовных дел, рассматриваемых с участием присяжных в областных и приравненных к ним судах (их около 100 с учетом специализированных военных), фактически стала уменьшаться. В 2006 году в таком порядке было рассмотрено 707 дел, в 2007-м — 606, в 2008-м — 536 дел (по сравнению с 432 делами в девяти судах в 1999 году). В этот период присяжные рассмотрели 14% от дел областной подсудности, или 0,05% всех уголовных дел. При этом доля оправдательных вердиктов присяжных колебалась в районе 15–20% по сравнению с десятками долями процента у профессиональных судей.

«Дело Поддубного»

Здесь я перехожу к собственному опыту общения с бывшими присяжными, который, по сути, уникален и в большей мере касается той стороны этого суда, с которой он предстает как институт гражданского общества.

В 2005 году мне как журналисту «Новой газеты» позвонил адвокат некоего Игоря Поддубного Виктор Паршуткин, который спросил, готов ли я выслушать нескольких бывших присяжных из только что распущенной коллегии, которые рассматривали в Московском городском суде «дело Поддубного». Поддубный, как он сам рассказал мне позже, был одним из трех оптовых импортеров в Россию сигарет, которые ввозили их даже не ящиками, а вагонами. По его мнению, дело против него было «заказано» конкурентами, о чем, в самом деле, свидетельствовали некоторые особенности его расследования и рассмотрения. Поддубный и его бизнес-партнер обвинялись в создании преступного сообщества (что и предопределило подсудность Мосгорсуда и дало подсудимым возможность ходатайствовать о суде присяжных) и в контрабанде, которая выражалась в неправильной «растаможке» сигарет. К моменту, когда подсудимые предстали перед первой коллегией присяжных, они находились под стражей уже около пяти лет.

Старшиной этой коллегии, пришедшей с адвокатом Паршуткиным ко мне на встречу, была Людмила, по профессии

библиограф, которой в 90-е годы самой приходилось заниматься бизнесом. Она и объяснила другим присяжным, если те сами этого не знали, что весь импорт в РФ «растамаживался» подобным же образом, а главными бенефициарами этой практики были таможенники, которые на суде выступали лишь как свидетели обвинения.

Рассуждая в абсолютно правовой логике недопустимости избирательного правоприменения, эти присяжные были готовы вынести оправдательный вердикт. Однако об этом стало известно обвинению и председательствующему судье, которые прибегли к тактике затягивания процесса и делали это до тех пор, пока по каким-то причинам коллегия не развалилась физически: в этом процессе было только двое запасных присяжных.

Затем по «делу Поддубного» в Мосгорсуде была набрана и приступила к его рассмотрению вторая коллегия присяжных.

Периодически я и присяжные из первой коллегии посещали судебные заседания, причем присяжные из второй коллегии, как позже выяснилось, принимали нас за родственников подсудимых. Пришли мы и на последнее заседание, на котором

председательствующий судья раздал присяжным опросные листы и отправил их в совещательную комнату. По лицам присяжных нам казалось, что вердикт будет обвинительным.

Когда спустя три часа вторая коллегия вышла из совещательной комнаты с единоголосным оправдательным вердиктом и эти присяжные стали расходиться, прямо в Мосгорсуде произошло стихийное братание членов первой и второй коллегий. Между тем, в отличие от второго подсудимого, Поддубный не был освобожден в зале суда — ему была инкриминирована якобы имевшая место в СИЗО драка со следователем.

Сюжет о встрече присяжных первой и второй коллегий попал в СМИ, его сопровождали рассуждения о том, что в коллегии идут «только безработные и малограмотные люди», которые стали с тех пор традиционными. Познакомившись со многими бывшими присяжными, я могу утверждать, что это совершенно не соответствовало действительности.

По факту встречи присяжных двух коллегий по «делу Поддубного» проводилась доследственная проверка, но состава

“

...на вопрос, что они лично вынесли из опыта присяжного, многие отвечали, что иначе стали смотреть на суд и вообще на государство

”

Геннадий ПОПОВ / Фотохроника ТАСС

Выступление государственного обвинителя, советника юстиции Александра Корокина (на заднем плане — присяжные заседатели), 1994 год

преступления обнаружено не было, так как встреча произошла уже после того, как присяжные второй коллегии сложили свои судебные полномочия. Тем не менее на этом основании вердикт был отменен, а дело было передано на рассмотрение третьей коллегии присяжных.

Однако и третья коллегия вынесла оправдательный вердикт в 2007 году.

«Клуб присяжных»

Ранее, в 1997 году, при поддержке председателя Верховного суда РФ Вячеслава Лебедева и председателя Высшего арбитражного суда Вениамина Яковлева мы совместно с другими журналистами, работавшими в судебной тематике, учредили некоммерческую организацию — Гильдию судебных репортеров. Создание «Клуба присяжных» стало одной из ее наиболее успешных программ.

По согласованию с председателями областных и краевых судов (не все, но большинство из них шло мне навстречу) я объехал порядка двадцати этих судов, где сотрудницы, ответственные за работу с присяжными, помогли мне собрать

бывших присяжных. Я отбирал в «Клуб» тех, кто наиболее интересно формулировал свои впечатления от процессов и мысли по этому поводу — собранный таким образом актив насчитывал порядка 40 бывших присяжных.

Один из первых вопросов, который я задавал пришедшим на предварительные встречи, был: почему вы пришли в суд по повестке, а не манкировали ею, как делает большинство? Наряду с традиционным «гражданским долгом», одним из наиболее часто встречавшихся ответов был такой: «Я хотел посмотреть, как это работает». На вопрос, что они лично вынесли из опыта присяжного, многие отвечали, что иначе стали смотреть на суд и вообще на государство, то есть оценивали этот опыт как своего рода школу гражданского взросления.

Эти встречи позволили прийти к заключению, что российские граждане, в том числе голосующие, условно, за ЛДПР, попадая в комнату присяжных, где им приходится искать сложное и очень ответственное решение по заранее сформулированным строгим правилам, ведут себя там чрезвычайно ответственно, порой споря так, что затем стараются избегать друг друга. Они переживают этот опыт как совершенно экзистенциальный и важный для последующей

жизни. Среди тех, кто затем вошел в актив «Клуба», были и бизнесмены среднего уровня, и менеджеры крупного бизнеса, учителя, врачи и работники других профессий.

После формирования актива «Клуба» было проведено несколько общих встреч под Москвой и Санкт-Петербургом, на которые приезжали также ученые, правозащитники, гражданские активисты и судьи. Эти встречи, в частности, позволили судьям лучше понять логику присяжных при вынесении вердиктов, которая отличается от их собственной, но всегда присутствует.

Например, присяжный из Томска, по профессии врач-хирург, специально пришедший ко мне утром в гостиницу, так как накануне он был занят и не смог прийти на общую встречу, начал свой рассказ со слов: «Я счастлив, что мне удалось спасти человека». Этим человеком была молодая женщина, разошедшаяся с мужем, который постоянно ее избивал и продолжал это делать, даже когда они разошлись, и она уехала с ребенком на съемную квартиру на окраине города.

«ЛЮДИ С УЛИЦЫ»

В один из майских праздников они с соседями устроили пикник в близлежащем лесу, а когда вернулись к дому, пьяный бывший муж был тут как тут, и снова напал на бывшую жену. Соседи ввязались с ним в драку, а подсудимая в состоянии умопомрачения схватила с балкона канистру с остатками горючей жидкости, облила бывшего мужа и бросила спичку. Он скончался от ожогов в больнице спустя несколько дней.

Присяжный — хирург, который служил во время войны в Афганистане и имел богатый опыт ожоговой терапии — уточнил с помощью вопросов, заданных свидетелям через судью, и объяснил товарищам по коллегии, что потерпевший умер не непосредственно от ожогов, которые сами по себе не были смертельными, а в результате того, что его в больнице просто никто не лечил. В этой логике присяжные вынесли оправдательный вердикт, который не был отменен Верховным судом.

Чрезвычайно интересные присяжные были набраны в «Клуб» из Санкт-Петербурга, где в нулевые годы прошел ряд процессов над участниками националистических банд, избивавших и убивавших «нерусских» приезжих. Одна из таких коллегий рассматривала известное дело об убийстве таджикской девочки — девятилетней Хуршеды Султоновой, зарезанной в одном из скверов города в 2004 году. Обвинение в убийстве было предъявлено лишь одному из семерых участников компании, замеченной свидетелями в сквере, остальным попавшим на скамью подсудимых было предъявлено лишь обвинение в хулиганстве.

Под руководством судьи Санкт-Петербургского городского суда, которая затем принимала участие во встречах «Клуба» и оказывала нам содействие, эта коллегия вынесла обвиняемому в убийстве оправдательный вердикт, сочтя его виновным, как и остальных подсудимых, только в хулиганстве. По мнению присяжных, доказательств вины в убийстве именно этого подростка следствием собрано не было. Впоследствии питерский журналист Евгений Вышенков, хорошо ориентирующийся в неонацистских группировках Санкт-Петербурга и проводивший собственное расследование, убедительно показал, что убийство Хуршеды было совершено во-

обще другой группировкой, а осужденных в момент его совершения на месте преступления не было. Отменять вердикт «хулиганам» никто не стал, но тягчайшее обвинение в убийстве с невиновного подростка было присяжными все же снято.

Еще одно питерское дело, заслуживающее нашего внимания, касалось обвинения нескольких юношей, увлекшихся исламом, в подготовке террористического акта. Это

где-то работали и были самозанятыми, и продолжали загромождать процесс огромным количеством доказательств, подчас имеющих мало отношения к главному для присяжных вопросу о виновности подсудимых. Судьи этому никак не препятствовали и перед уходом присяжных в совещательную комнату выдавали им целые «простыни» опросных листов, непротиворечиво ответить на которые

в 2012 году законодательства об «иностран- ных агентах» деятельность «Клуба присяж- ных» пришлось и вовсе свернуть.

Наступление на присяжных

В 2009 году коллегия присяжных в Московском областном суде вынесла оправдательный вердикт в отношении Вадима Рябченкова — главы поселка Андреевка (это бывший «наукоград», непосредственно примыкающий к Зеленограду), который обвинялся в получении взятки от застройщиков. Рябченков не отрицал получения денег, однако объяснил и доказал присяжным, что застройщики, для которых Андреевка была очень лакомым куском, старались не вкладываться в инфраструктуру поселка, из-за чего его старые жители (сотрудники предприятия, когда-то делавшие обшивку для советских космических аппаратов, с семьями) испытывали затруднения с транспортом, водо- и теплоснабжением, уборкой мусора и прочими коммунальными услугами. Деньги собирались главой в специальный фонд и расходовались на эти нужды, а дело в отношении него с большей долей вероятности было «казачным».

Первая коллегия присяжных оправдала Рябченкова, а мне удалось найти в процессе работы над темой для газеты одну из присяжных — преподавательницу института, которая рассказала об оказываемом на них давлении со стороны судьи, которое первой коллегии удалось преодолеть. Однако их вердикт был отменен на том основании, что один из присяжных не сообщил о судимости кого-то из родственников, о чем его, впрочем, судья прямо и не спрашивал. Это весьма распространенный прием: судимые родственники есть у многих, не факт, что это как-то настраивает присяжных против судебной системы, а органы «оперативного сопровождения» на стадии отбора присяжных могут не располагать сведениями об этом, а могут и знать, но держать аргумент про запас — на случай, подобный этому, если вердикт окажется оправдательным.

После отмены вердикта глава, освобожденный в зале суда, успел переизбраться в Андреевке на следующий срок полномочий, а дело ушло на рассмотрение второй коллегии. 5 февраля 2010 года я, следя за этим делом, приехал в Мособлсуд, где после последнего слова Рябченкова присяжные должны были удалиться в совещательную комнату.

“

*...после принятия
в 2012 году законода-
тельства об «иностран-
ных агентах» деятель-
ность «Клуба присяж-
ных» пришлось
и вовсе свернуть*

”

дело, которое профессиональный судья, скорее всего, в 2008 году завершил бы обвинительным приговором, на взгляд присяжных, было построено на подброшенных доказательствах и провокационных заявлениях, сделанных на скрытую камеру одним из членов группы, который не попал на скамью подсудимых. Поскольку само по себе изучение Корана не является преступлением, присяжные вынесли подсудимым оправдательный вердикт. В то время он не был отменен Верховным судом вопреки истерике, устроенной органами ФСБ.

В ходе набора присяжных с помощью сотрудников судов они, разумеется, избегали приглашать на встречи присяжных из тех процессов, в которых органы обвинения имели тот или иной «специальный интерес» — будь то «политический» или чисто коммерческий. Исключением был Санкт-Петербургский городской суд, а председатель Московского городского Ольга Егорова вообще от греха подальше отказала нам в наборе бывших присяжных.

Главным недостатком, из-за которого уже в нулевые годы большинство граждан, получавших повестки с приглашением в присяжные, отказывались от участия в процессах, была их крайняя занятость. Органы обвинения не перестроились на такие процессы, не проявляли уважения к присяжным, большинство из которых

часто оказывалось невозможно. Рекордом, зафиксированным в «Клубе», было пермское дело о создании преступного сообщества, в рамках которого судили нескольких сутенеров и чуть ли не десятки проституток, — оно тянулось три с половиной года и завершилось, как и следовало ожидать, оправдательным вердиктом.

Кроме того, было выявлено, в частности, что постоянное удаление присяжных из зала при исследовании заявлений подсудимых об оказываемом на них давлении и пытках, а также пресечение судьями их соответствующих заявлений и вопросов — воспринимаются присяжными как неуважение к их мнению и часто чисто психологически влекут вынесение оправдательных вердиктов (как в первом процессе, связанном с убийством Анны Политковской).

Уже в этот период популярность суда присяжных у подсудимых пошла на спад, а граждане стали массово игнорировать повестки, из-за чего на отбор присяжных приходило недостаточно кандидатов, и процессы систематически срывались.

Мы были готовы уже на этой стадии в 2008–2012 годах сформулировать свои предложения и пытались достучаться с ними до судейского сообщества, но логика деградации института шла в другом направлении, и наши предложения никому там не были интересны. А после принятия

«Люди с улицы»

В день вердикта двое присяжных были заменены запасными — один сообщил, что его не отпустили с работы, а вторая присяжная просила отложить заседание на полчаса, но председательствующий судья не пошел ей навстречу. Когда она все же приехала, то рассказала мне в коридоре (ее полномочия присяжной уже не действовали), что ночью кто-то замотал снаружи ворота ее дома в деревне металлической цепью и запер ее на замок, из-за чего ей пришлось добираться не машиной, как обычно, а общественным транспортом. Обновленная таким образом коллегия с незначительным перевесом голосов вынесла обвинительный вердикт.

В 2013 году в Саратовском областном суде шел процесс по обвинению в организации убийства в 1998 году одного из местных преступных авторитетов. Этим организатором был якобы мэр города Энгельса (фактически — район Саратова, отделенный от него Волгой и мостом) Михаил Лысенко. Помимо неувязок в обвинении, на которых мы здесь не будем останавливаться, Лысенко судила довольно странная коллегия присяжных. На отбор 24 присяжных (с запасными) по повесткам пришло 39 человек, из них пятеро ранее уже были присяжными в других процессах, 34 были жителями Саратова (хотя в списки присяжных включаются и районы), пятеро из отобранных имели юридическое образование. Старшиной коллегии был избран некий Павел К., который на отборе представился журналистом, но настоящие саратовские журналисты выяснили, что в указанной им газете никто такого человека не знает. Этот старшина был отведен из процесса, после того как адвокат Лысенко увидел и сфотографировал его в кафе, беседующим о рассматриваемом деле с сотрудником правоохранительных органов.

Надо ли говорить, что эта коллегия вынесла бывшему мэру обвинительный вердикт? Не будем гадать, кто из весьма высокопоставленных представителей российской политической элиты мог быть заинтересован в осуждении Лысенко, но самым интересным было то, что тогдашний председатель Саратовского областного суда — человек настолько приличный, насколько это вообще могло быть возможным в судебной системе в 2013 году — выз-

вал сотрудников, ответственных за работу с присяжными, и распорядился ответить на все вопросы, которые я смогу им задать у них в канцелярии.

Благодаря этому удалось понять механизм, с помощью которого отбираются присяжные для процессов, в которых у органов обвинения есть «специальный интерес». По спискам присяжных, которые формируются (тоже непрозрачным образом) с помощью системы ГАС «Выборы», часть повесток рассылается веерно и рандомно, и по ним чаще всего приходят единицы. Наряду с этим списки дают возможность сотрудникам «оперативного сопровождения» выбрать в них бывших сотрудников правоохранительных органов или зависимых от них лиц — таким кандидатам сотрудники суда (давшие мне эти пояснения) специально звонят или даже приносят повестки лично.

Несмотря на все эти откровенные и тайные ноу-хау, освоенные сотрудниками судов и правоохранительных органов, суд присяжных все еще оставался (и остается) для них не полностью контролируемым инструментом. В связи с этим компетенция суда присяжных на протяжении этих лет неуклонно ограничивалась путем внесения поправок в Уголовно-процессуальный кодекс.

В 2008 году из компетенции присяжных были изъяты дела о терроризме, диверсиях, «экстремистской» направленности и по другим составам, подследственным органам ФСБ, а также о массовых беспорядках. По новым правилам, например, питерское дело любителей Корана было бы разрешено единоличным судьей и вряд ли с тем же результатом. Если бы не поправки 2008 года, на суде присяжных могли бы настаивать и обвиняемые по «болотному делу», возбужденному в 2012 году, которое председатель Замоскворецкого районного суда Москвы Наталия Никишина провела со значительными отступлениями от принципов состязательности и равенства сторон: требования защиты обратить

внимание на действия во время мирного марша 6 мая 2012 года властей и силовиков ею просто игнорировались.

В 2013 году «в связи с введением апелляции в уголовный процесс», то есть без вразумительных обоснований, из ведения присяжных были изъяты дела о взяточничестве, преступлениях против правосудия, транспортные и половые преступления, подсудность по которым была спущена на районный уровень. Между тем взятка и другие должностные преступления — это составы, которые чаще всего используются в виде провокаций в корпоративных и иных конфликтах, где у силовых органов может появиться собственный интерес.

Тогда же, в связи с судебной реформой 2013 года, определенным казуистическим образом права на суд присяжных были лишены женщины, мужчины старше 65 лет, а также все лица, обвиняемые в совершении не оконченных преступлений. К этому разряду относятся между тем многие дела о приготовлении к совершению террористических актов и другие со «специальным» оттенком, которые все более широко возбуждаются в России ФСБ и центрами «Э».

Изменения в УПК привели и к автоматическому сокращению числа дел, рассматриваемых с присяжными: по данным Судебного департамента по состоянию на 31 декабря 2013 года, в судах с участием присяжных ожидали рассмотрения 833 дела, а на 31 декабря их осталось 492 (сокращение более чем на 40%).

В 2016 году был принят закон, по которому с 1 июня 2018 года суд присяжных был распространен на районный уровень, однако в его компетенцию вошли составы преступлений, совершаемых обычно «в условиях очевидности», — это чаще всего бытовые убийства и тяжкие телесные повреждения, где сложные вопросы о виновности и не возникают. Определенный смысл участие присяжных на районном уровне приобретает по «наркотическим» делам, однако в их ведение попадают лишь наиболее тяжкие составы таких преступле-

Петр САРУХАНОВ

ний. В районных судах состав коллегий по реформе 2016 года был определен в 6 присяжных, в областных и приравненных к ним судах — снижен до 8 присяжных, что облегчает формирование коллегий.

Расширение перечня статей, дела по которым может рассматривать коллегия присяжных, привело к некоторому увеличению числа подсудимых, которые ходатайствуют о суде присяжных. В 2019 году присяжные вынесли вердикты в отношении 470 человек в судах областного уровня и 625 человек в районных (городских) судах, в 2020 году — соответственно, в отношении 367 и 663 человек, в 2021 году в отношении 436 подсудимых в областных судах и 795 в районных. Наблюдался и незначительный рост доли оправдательных вердиктов коллегий присяжных — после реформы 2016 года он составляет 17–18% подсудимых, что, скорее всего, следует отнести на счет снижения качества следствия.

Что дальше?

Сегодня институт суда присяжных в России — лишь слабый отголосок того импульса общей демократизации, который донесся из 90-х годов прошлого века. Судя по статистике и отдельным исследованиям, которые все с большим трудом удается проводить, присутствие присяжных в ряде дел в областных и районных судах по-

прежнему несколько сдерживает обвинительный уклон в профессиональном правосудии. Однако сегодня такие программы, как «Клуб присяжных», проводить невозможно, и никто не может сказать, насколько суд присяжных сохраняет свое значение как институт гражданского общества.

Как бы то ни было, рано или поздно проблема радикальной реформы судебной системы, которая в настоящее время в России деградировала фактически до полного отсутствия правосудия, встанет снова. Внутри системы и судейского сообщества ни импульса, ни кадров для этого уже нет. Между тем опыт суда присяжных в его лучшие годы указывает тот путь, по которому могла бы пойти такая реформа — разумеется, при существенном изменении законодательства и с пониманием тех минусов (обратных перекосов), к которым это может привести.

Постоянное превышение доли оправдательных вердиктов в суде присяжных на порядок и более по сравнению с «профессиональным судом» (возьмем это в качестве вычки, так как фактически его уже нет) объясняется очень просто: «люди с улицы», рассуждающие здраво и немного со стороны, воспринимают состязательность и презумпцию невиновности в правосудии ответственно и всерьез.

Интерес граждан к суду присяжных угас и не мог не угаснуть вследствие того объективного и субъективного противодействия, с которым этот «рудимент» сталкивался со

стороны профессиональных судей и «правоохранителей»: в первую очередь в виде крайне длительных, рутинных и большей частью бессмысленных для этого института процедур, а также унижительных манипуляций, о которых все меньше пишет пресса, но рассказывает сарафанное радио.

Несомненной ошибкой был и отказ от института народных заседателей — шеффенов. Разумеется, следовало изменить порядок формирования этого института, обеспечить случайность выборки шеффенов, как теоретически это сделано в отношении присяжных, а также независимый контроль за этим на стадии формирования списков и отбора. Вместе с тем не вызывает сомнения, что в случае сохранения института «народных заседателей», который было бы в дальнейшем очень трудно полностью ликвидировать, правосудие сегодня было бы хоть сколько-то другим. Достаточно посмотреть на дела об административных «протестных» правонарушениях и на дела, связанные с выборами: в присутствии шеффенов многие судьи просто не могли бы (да и не захотели бы — не следует считать, что всем им это нравится) выносить такие решения, какие они выносят сегодня.

Леонид Никитинский

Волонтеры насилия

КАК НАСЛЕДНИКИ «ЧЕРНОЙ СОТНИ»
ПОМОГАЮТ БОРОТЬСЯ
С ОППОЗИЦИЕЙ И ИНАКОМЫСЛИЕМ

Осень 2002 года,
в центре
Москвы пылают
книги. Романы
Владимира

Сорокина горят прямо на
Земляном Валу. До этого их
закинули в пенопластовый
унитаз, а еще раньше пыта-
лись выменивать у россиян на
тома Бориса Васильева (край-
не возмущив этим его самого).
Изумленная публика впервые
столкнулась с теми, кому
много позже найдется имя,
заимствованное из украин-
ских реалий, — «титущки».
Сперва эти, безымянные еще,
покажутся чистой публике
случайным пароксизмом ули-
цы, шпаной в трениках, рети-
выми идиотами. Потом над
их выходками будут смеяться
как над способом чиновников
распилить бюджет. Пройдет
время, и власть поручит та-
ким, как они, грязную работу
по борьбе с инакомыслящими.
А взамен даст трибуну, залы
для пресс-конференций, став-
ки пропагандистов. А некото-
рым — думские и чиновные
кресла.

Татьяна
Брицкая

«Русская свастика»

Впервые уличные радикалы появились в Советском Союзе в 1990 году. Тогда было основано ныне запрещенное экстремистское «Русское национальное единство» Александра Баркашова. Через девять лет оно попытается участвовать в выборах в Госдуму. Баркашов писал о «мировом еврейском заговоре» и почитал русских потомками атлантов. Он был не первым, кто громко призывал к реновации фашизма — еще в 80-х в СССР появилось общество «Память» (также ныне запрещенное), историко-культурное объединение общественных активистов (инженер Фрыгин, музыканты Поповы, слесарь Андреев, артист Кузнецов, полковник МВД Лобзов). Свое название «Память» взяла от известного романа Владимира Чивилихина. Примечательно, что в начале пути общество всячески поддерживало перестройку, но уже в 1990 году в ЦДЛ выступило против членов общества «Писатели в поддержку перестройки», что сопровождалось избиением участников последнего. После этого в разговоре о «Памяти» и прозвучало впервые слово «фашизм» — в эфире программы «Взгляд»: «Это движение политическое, фашистское». Правда, вскоре движение распалось, проведя еще лишь одну акцию — вломившись с угрозами в редакцию газеты «Московский комсомолец». Активное ядро «Памяти» ушло в группу с говорящим названием «Черная сотня». Чуть позже в стране возникла организация с еще более узнаваемым именем — «Союз русского народа». Впрочем, активность той и другой сводилась к собраниям и публикациям в «местных» малотиражках. Фашистов власть еще куралась, но позволяла существовать в формах, казавшихся безобидными.

Более деятельным оказалось упомянутое РНЕ, отколовшееся от «Памяти»: квазивоенная форма, свастика на эмблеме, строевые занятия и харизматичный лидер — тренер по карате Александр Баркашов. Идеи РНЕ откровенно нацистские, а у самого Баркашова на груди татуированные свастики (фото «во всей красе» до недавнего времени красовалось у него в соцсетях). Баркашовцы вышли на улицы однажды — защищать Верховный совет в 1993-м. Тогда им и раздали оружие. Как раз за это лидер движения впервые сел — но только в СИЗО и ненадолго. Ему

было предъявлено обвинение в организации массовых беспорядков и незаконном хранении оружия, однако Баркашов, как и многие другие участники противостояния, попал под амнистию. Чуть позже он получил два года условно за избиение милиционера. Правосудие к нему милостиво.

В 1996 году Баркашов планировал участвовать в выборах президента России, но передумал. Участвовал в выборах в Госдуму, но был снят с выборов. РНЕ же при всей своей экзотичности не было деятельным, его члены мечтали снова пойти в бой, но случай так и не представился, организация в 2000 году развалилась. Правда, ее экс-участники засветились на юго-востоке Украины в 2014 году в рядах сепаратистов, а в 2022 году Баркашов уже вел набор для некоей частной военной компании, участвующей в СВО. Обещал новобранцам по 250 тысяч рублей в месяц, премии и в случае гибели — компенсацию родственникам в 8 миллионов рублей.

Заметным неонацизм в России стал в 1990-х в форме движения наци-скинхедов. Заметным в первую очередь визуально — бритоголовые выделялись на улицах, а их граффити с фашистской символикой быстро заполняли городские пространства. Российские скины копируют идеологию европейских соратников, а вот символика — «местная»: вместо свастики — российский аналог, коловрат, вместо «зиг» — «славянские руны». Заметными стали и выходки сторонников крайнего национализма: в стране все больше становилось нападений на людей с «неславянской внешностью». На рубеже 1999–2000 годов исследования «Левада-центра»* зафиксировали резкий скачок уровня этнической ксенофобии. К началу 2000-х скинхедов было уже несколько тысяч.

Тем временем под новый русский фашизм подвели теоретическую базу. Вот цитата из книги ныне столь любимого Кремлем Александра Дугина «Тамплиеры пролетариата»:

«Мы обязаны сплавить воедино все то, что противостоит миру, «прогрессу»... У нас общий враг. Пришло время создать партию еще более нового типа. Религиозную, националистическую, большевистскую, оккультную, субверсивную. За пределом всех разделительных линий... Французский фашистский писатель Робер Бразийак перед смертью

произнес странное пророчество: «Я вижу, как на Востоке, в России восходит фашизм, фашизм безграничный и красный». Заметьте: не блеклый, коричневатый-розоватый национал-капитализм, а ослепительная заря новой Русской Революции, фашизм безграничный, как наши земли, и красный, как наша кровь... Мы никого не простили; мы ничего не забыли. Мы не обманулись сменой социальных декораций и политических актрисек. У нас очень долгая память, у нас очень длинные руки. У нас очень суровая традиция».

Как нетрудно заметить, идеолог фашизма сделал недурную карьеру. Теперь недавне-

Соцсети

Александр Баркашов

го маргинала с амвонов цитируют иерархи РПЦ, а с трибун — чиновники. Ту книгу редко вспоминают, но из продаж она не изъята и в список экстремистских не внесена. Дугин нынче призывает провозгласить смерть основной жизни, в его писаниях компот из оккультизма и верноподданничества.

Русский же фашизм, к чьему расцвету так призывал Дугин в книге «Тамплиеры пролетариата», окреп к концу десятилетия — в конце 2000-х появились боевые группы, самой известной из которых стал ныне запрещенный БОРН (Боевая организация русских националистов). В 2008–2011 годах группировка совершила ряд резонансных убийств: судьи Мосгорсуда Эдуарда Чувашова, адвоката Станислава Маркелова и журналистки «Новой газеты» Анастасии Бабуровой, лидеров антифашистских движений Федора Филатова, Ильи Джапаридзе и Ивана Хуторского, чемпиона мира по тайскому боксу Муслима Абдуллаева...

* Организация признана «иноагентом».

Волонтеры насилия

В 2011 году за убийство адвоката Станислава Маркелова и журналистки Анастасии Бабуровой к пожизненному заключению был приговорен один из лидеров и создателей организации Никита Тихонов, а его сожительница и сообщница Евгения Хасис получила 18 лет лишения свободы. В июле 2015 года к пожизненному заключению был приговорен создатель организации Илья Горячев за организацию банды, пяти убийств и незаконный оборот оружия.

После дела БОРН националистическое боевое подполье было зачищено вполне решительно. Государство, годами не замечавшее неонацистов, оторопело, когда они стали не только бить дворников-мигрантов, но и убивать представителей власти. И дало жесткий ответ.

Сторонников правых взглядов, не замеченных в реальных преступлениях, отныне можно было в широком ассортименте видеть лишь на «Русских маршах» раз в год — 4 ноября, в День народного единства.

Марш примечателен двумя обстоятельствами: во-первых, как бы ни ужесточилось законодательство о массовых мероприятиях, шествие практически всегда разрешали власти (исключение — ковидный карантин). Во-вторых, в 2005–2011 годах «Русский марш» был самой массовой уличной манифестацией в России.

Проект оказался настолько успешным, что в апреле 2016 года Дмитрий Дёмушкин даже зарегистрировал товарный знак «Русский марш». Под черно-желто-белыми стягами сформировалось движение, отличавшееся от националистов 1990-х годов. Оно ориентировалось не на ностальгический образ «Святой Руси», а на идею построения новой, этнической государственности на территории России. С жесткой госвластью и сильной армией. Эта мысль наверняка грела сердца некоторых госчиновников, застрявших в поисках новой идеологии.

При этом наиболее радикальных деятелей аккуратно изолировали от общества силами Центра «Э» — тогда они ловили не оппозицию, а нацистов. Что дало свои плоды. По данным центра «Сова»*, количество жертв нападений по мотивам ненависти в различное время составля-

ло до 700 человек в год (максимальные значения зафиксированы в 2008–2009 годах), но к 2015 году это количество снизилось до 80 человек.

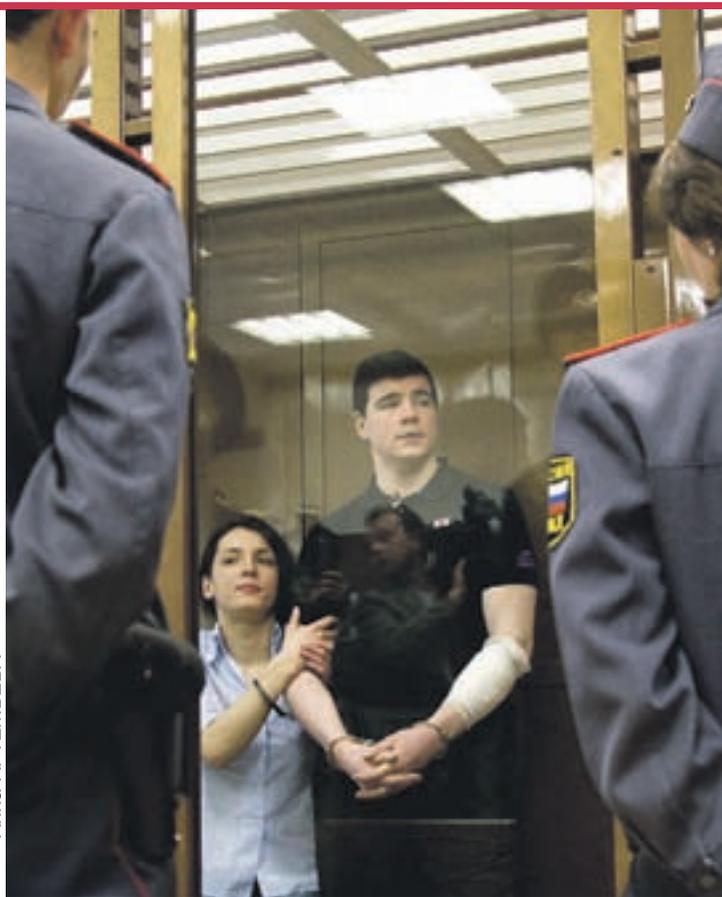
Фрики на доволствии

В это же время пассионариев с правыми взглядами принялись организовывать в провластные группировки. Делать это было несложно: душа рвалась к подвигу, который был дозволен в рамках, очерченных «кураторами». Так появился «Антимайдан».

Решение до некоторой степени остроумное: вместо открыто криминальной деятельности разного рода «имперцев» мобилизовали на службу власти, а точнее, против оппозиции. Власть именно тогда впервые признала, что ей с представителями маргинальных, ксенофобских и профашистских движений по пути. Содействовали этому признанию украинские события, столь напугавшие чиновников, что приличия были отброшены, пришлось спешно искать соратников на улице.

Ничего нового не придумали, соорудили косплей: во времена украинского Майдана провокациями и избиениями протестующих занимались «титушки» (по фамилии спортсмена из Белой Церкви Вадима Титушко). Верный признак «титушек» — поддержка со стороны властей и гарантированная безнаказанность. Вот по этой дороге и пошли.

Правда, сначала у российских чиновников блин вышел комом. «Антимайдан» вспоминают как нечто комическое. Он был структурой сложной: в инициативную

Анна АРТЕМЬЕВА

Никита Тихонов и Евгения Хасис

группу вошли представители «Боевого братства», Совета ветеранов Афганистана, Центрального казачьего войска и «Ночных волков» — мотоклуба под предводительством Александра Залдостанова, имеющего неоднозначную репутацию в байк-среде и неограниченный доступ к государственным грантам.

Они сообщили, что намерены не допустить в России протестов, аналогичных украинским. Правда, этих самых протестов в РФ как раз не наблюдалось. Однако байкер Хирург (Залдостанов), писатель Стариков и сенатор Саблин, выступавшие на первой пресс-конференции новорожденного движения, решительно пообещали с ними бороться силами 10 тысяч военных, казаков, спортсменов и байкеров.

Вроде хорошо бороться с тем, чего нет, но все же трудно. «Антимайдан» оказался способен на банальную драку после срыва

* Организация признана «иноагентом».

лекции в московском кафе и стычку с противниками установки в Москве памятника князю Владимиру. Какие-либо более содержательные акции вспомнить затруднительно. В этом «Антимайдан» сродни дружественному НОДу — движению, претендующему на лидерство в номинации «фрик». Нодовцы верят в то, что Россия — американская колония, находящаяся под внешним управлением. И борются за ее «освобождение».

С марта 2019 года представители движения собирают подписи за проведение референдума по изменению действующей Конституции России. Инициатива включает отмену приоритета общепризнанных принципов и норм международного права над законами РФ, отмену запрета государственной идеологии. Над нодовцами долго смеялись. Пока не заметили, что их безумные требования постепенно реализуются. Конституция «обнулена», приоритет международного права отменен, идеологию вот-вот легализуют.

Во главе НОД депутат Госдумы от «Единой России» Евгений Федоров. Других узнаваемых людей в движении нет. Зато рядовые члены то и дело мелькают на разных пикетах, где их, в отличие, скажем, от пацифистов, не задерживают. НОД постоянно стоит в пикете у дверей Госдумы, а также появляется у разного рода неприятных чиновникам зданий. У посольств, например, или офисов редакций независимых СМИ. Их отличительный признак — черно-оранжевый флаг и «матюгальник». Шуму от них много. В пикетах, как правило, скучающие дома пенсионеры, на штурмовиков не тянут. Однако случаются и нападения: в 2016 году нодовец напал на писательницу Людмилу Улицкую, ее и других организаторов и участников церемонии награждения победителей XVII Всероссийского конкурса исторических исследовательских работ старшеклассни-

ков «Человек в истории. Россия — XX век» облили зеленкой и забросали яйцами. Тогда нападение осудил Кремль. Но нападавшим ничего не было.

НОД обвиняли в нападении на съезд Конгресса интеллигенции, когда неизвестный человек разлил вонючую жидкость в помещении (в это время НОД пикетировал мероприятие). 11 декабря 2016 года в ходе освещения акции в защиту ЛГБТ фотокорреспонденту газеты «Коммерсантъ» Давиду Френкелю нодовец разбил камеру. Дежурившие рядом сотрудники полиции заявление не приняли и задержали самого журналиста.

В 2023 году активисты НОД напали на оператора, записывавшего на видео танцы под к-рор музыку. Его ударили и разбили камеру. Мотивировка такая: «Ты транслируешь разврат». Как обычно, никого не нашли.

Журналисты выяснили, что движение получает финансирование через развитую сеть некоммерческих организаций, которые, в свою очередь, являются получателями президентских грантов. Реальные объемы полученных и расходуемых средств неизвестны.

Еще одна откровенно прокремлевская группа националистов — «Русское освободительное движение SERB». Известна своими провокациями против российской оппозиции. Движение появилось в 2014 году на Украине и действовало против сторонников «революции достоинства» в Днепропетровске, Запорожье и Кривом Роге, руководитель — Игорь Бекетов (псевдоним — Гоша Тарасевич). После возбуждения на него уголовного дела активисты SERB переехали из Украины в Россию. По свидетельству бывшего члена организации Чурсина, движение курировал сотрудник центра по противодействию экстремизму МВД.

Активисты SERB занимались срывом антивоенных акций, написанием доносов на протестующих и нападениями на оппозицию. Среди пострадавших Алексей Навальный (обсыпали мукой и облили прокисшим молоком около редакции «Эха Москвы», в другой раз — залили глаза зеленкой), Юлия Латынина (включена Минюстом в реестр «иноагентов») и Виталий Манский (включен Минюстом в реестр «иноагентов»). SERB не раз беспрепятственно уничтожал народный мемориал на месте убийства Бориса Немцова, срывал культурные мероприятия, атаковал посольства Турции и Украины. Полиция претензий не имела, ни один нападавший не найден.

Борьбой с оппозицией с середины 2010-х занимаются уличные маргинальные группы, некоторых трудно идентифицировать, роднит их лояльность власти и безнаказанность. А также информированность о перемещениях объектов их ненависти, которая мешает поверить в стихийный характер нападений.

Происходящее заставило вспомнить о периоде, когда власть уже выдавала лицензию на насилие. Только в годы Большого террора насилие не было франшизой, его применяло государство в лице НКВД, от которого Сталин требовал «смертным боем бить».

Теперь же бить может каждый ретивый: кадывовцы, нодовцы, казаки. И это, безусловно, признак размывания государства. Самый яркий пример — бесчисленные нерасследованные нападения на журналистов и правозащитников в Чечне, которые привели фактически к полной атрофии федеральных законов в отдельно взятом субъекте.

Власти порой кажется, что хунвейбины сделают ее сильной. Но в долгую государство они ослабляют, лишая монополии на легальное насилие. Поэтому, как учит история, однажды за ними приходят.

Станислав КРАСИЛЬНИКОВ / ТАСС

Движение «Антимайдан»

С флагом и хоругвью

На стыке политического активизма и ксенофобских движений стоят группы, позиционирующие себя как религиозные. Однако на практике занимавшиеся тем же, чем вышеупомянутые, — нападениями на либеральную оппозицию.

Самые яркие из них «Союз православных хоругвеносцев» и «Сорок сороков».

«Союз православных хоругвеносцев» — православные фундаменталисты, требовавшие возрождения монархии. Главой и основателем был умерший год назад Леонид Симонович-Никшич.

Хоругвеносцев внешне легко спутать с националистическими группами — это странновато одетые люди с «имперскими» полосатыми флагами. Однако кроме оных «православные» были оснащены еще и хоругвями. Их многочисленные шествия были чем-то средним между крестным ходом, «русским маршем» и ноябрьской демонстрацией. Поначалу активисты этого крыла казались просто фриками типа ныне действующих «отрядов Путина» (группа пенсионеров, регулярно производящая видео с проклятиями Америке или Илону Маску). Хоругвеносцы, например, проводили похороны игрушечной обезьяны, борясь таким образом с теорией Дарвина. Предварительно они вбили в грудь игрушке осиновый кол, на этом действии у них особая фиксация, в ходе другой акции колом протыкали портрет певицы Мадонны.

От относительно мирных перформансов быстро перешли к более активным действиям. Сжигали книги (в огонь пошли «Гарри Поттер», а также романы Сорокина и Радзинского), называя себя «священной инквизицией». А также приняли участие в разгоне гей-парадов с воплями «Москва не Содом!».

Лозунг хоругвеносцев, в котором исповедуемой ими религии противопоставлялась смерть, был признан экстремистским и запрещен. Позднее стало известным фото депутата-ортодокса Милонова в футболке с этой надписью. За репосты этой фотографии несколько человек были оштрафованы. Депутата к ответственности не привлекали.

20 декабря 2006 года Патриарх Московский и всея Руси Алексей II наградил вождя хоругвеносцев Симоновича-Никшича орденом Сергия Радонежского.

Еще одной заметной группой православных фундаменталистов стало движение «Сорок сороков», отметившееся нападениями на инакомыслящих. Создано в 2013 году композитором Андреем Кормухиным и спортсменом Владимиром Носовым. Они уверяют, что в движении 10 000 человек, однако активных членов явно значительно меньше.

Главной задачей называют строительство храмов. Правда, сами не строят, а разгоняют протестующих против возведения церквей, например, в московском парке «Торфянка». Также члены движения сопровождают разного рода святыни, выставленные для поклонения. Особо интересна их поездка в Киев с Дарами волхвов в разгар Евромайдана.

Волонтеры насилия

Считается, что вместе с членами движения тогда в Украину просочилось немало активистов иного рода — с особенной миссией. В частности, Игорь Стрелков, через несколько месяцев возглавивший сепаратистов востока страны.

В 2017 году движение провело в ряде городов России массовые акции против выхода на экраны фильма «Матильда», в 2019-м — митинговали против закона о «домашнем насилии» (так и не был принят), в 2020-м потребовали лишить российского гражданства Ивана Урганта, осмелившегося пошутить на Рождество.

До пандемии COVID-19 движение шло в ногу с чиновничеством, но во время локдауна сделало ошибку, потребовав открыть православные храмы для верующих на Пасху и начав распространение дезинформации о вакцинах. И даже призвало отправить правительство России в отставку за якобы «придание вакцинации принудительного характера». Депутат Госдумы Мария Бутина в декабре 2021 года написала в Роскомнадзор и Генпрокуратуру запрос о деятельности движения из-за их «ложных выводов» о вакцинации против коронавируса. Ранее проверить активистов на экстремизм требовала Оксана Пушкина.

После пандемии «Сорок сороков» затихли. Как, впрочем, и их соратники — хоругвеносцы. Тезисы, которые транслируют с амвонов теперь отцы церкви вроде Андрея Ткачева, таковы, что фрикам с хоругвями с ними просто не сравниться.

Ликующая гопота

Эксперименты по созданию управляемого народного гнева продолжались. В 2018 году

«Сорок сороков»

«Молодая гвардия Единой России» объявила о создании в крупных городах РФ отрядов в 100–200 человек для борьбы с оппозицией и антиправительственными митингами. Молодогвардейцы отличились многочисленными попытками сорвать мероприятия оппозиционеров и пикетированием эстонского или грузинского посольств.

Ранее, в октябре 2007 года в Приморье молодогвардейцы тренировались в стрельбе по портретам врагов: Ксении Собчак, Гарри Каспарова (внесен Минюстом в реестр «иноагентов»), премьер-министра Эстонии Андруса Ансипа и террориста Усамы бен Ладена.

Еще одно заметное движение — «Местные», которое в феврале 2008 года вышло на Славянскую площадь, чтобы сказать нет «несогласным и всякой прочей сволочи». «Местные» сначала называли себя движением экологов — убирали мусор в Подмосковье. Однако быстро развернули борьбу с нелегальными мигрантами: устраивали облавы на рынках, пикетировали вузы, раздавали листовки с фотографией девушки, демонстративно отказывающейся от услуг водителя кавказской внешности.

Молодогвардейцы и «Местные» нередко действовали совместно с «Нашими» — самым крупным прокремлевским молодежным проектом.

Он был создан в 2005 году братьями Якеменко — Борисом и Василием (первый отвечал за «православное» крыло, позиционирует себя как публицист, второй — быв-

ший глава движения «Идущие вместе», которое отличилось скандальными акциями). На учредительном съезде движения присутствовал министр образования Андрей Фурсенко.

Движение позиционировалось как антифашистское, но занималось в основном борьбой с инакомыслием. На протяжении нескольких месяцев «Наши» преследовали посла Великобритании Энтони Brentона, срывая его выступления и требуя от него извинений за участие в конференции оппозиции «Другая Россия».

Когда возник конфликт между Россией и Эстонией по поводу переноса останков советских воинов, «Наши», «Молодая гвардия» и «Местные» взяли в блокаду эстонское посольство. Взяли на себя ответственность за взлом сайтов эстонских правительственных организаций.

23 марта 2009 года в Сочи было совершено нападение на Бориса Немцова и членов его предвыборного штаба. Неизвестный облил Немцова смесью нашатырного спирта и кока-колы. Штаб Немцова обвинил в этом нацистов. В том же году нацисты осаждали дом правозащитника Александра Подрабинека.

нацисты прошли шествием по Москве, в оцепление ставили по несколько тысяч милиционеров. При этом организаторы уверяли, что никакого админресурса не задействовали, а люди приезжали в столицу за свой счет.

Ежегодные слеты «Наших» на Селигере посещал президент, патронировал движение замруководителя президентской администрации Владислав Сурков. В 2007–2010 годах движение получило от различных государственных организаций по госконтрактам и президентским грантам более 460 миллионов рублей.

На одном из селигерских слетов в лагере была размещена инсталляция «Здесь вам не рады» из насаженных на палки портретов Людмилы Алексеевой, Кондолизы Райс, Михаила Саакашвили, Николая Сванидзе, Юрия Шевчука, Эдуарда Лимонова, Бориса Немцова, Михаила Ходорковского (внесен Минюстом в реестр «иноагентов»), Виктора Ющенко и Квентина Тарантино в фуражках с нацистской символикой.

В феврале 2009 года петербургская организация молодежного движения «Оборона» заявила, что вскрыла агентурную сеть,

которая многие годы действовала в рядах оппозиционных движений, — по проекту «Связной президента» агенты «Наших» внедрялись в ряды ОГФ, «Обороны», «Молодежного Яблока». Вскоре информацию подтвердили сразу двое участников проекта.

Движение рекламировалось как карьерный лифт. Но крупной карьеры не сделал никто из его активистов. В самом же его названии был курс на ксенофобию: если это «наши», то

остальные — чужаки. Журналистка Юлия Таратута дала «Нашим» точное определение — «ликующая гопота». После этого ее начали преследовать неизвестные, так что ей пришлось сменить номер мобильного.

«Наших» больше нет, как нет и иных более или менее фриковатых организаций, питающихся из бюджета, поставленного на военные рельсы. Теперь и уличные группы соответствующие — военизированные. В первую очередь это ветеранские или псевдоветеранские организации вроде «Союза десантников», связанные с которым люди в апреле 2022 года напали на главреда «Новой газеты» Дмитрия Муратова (внесен Минюстом в реестр «иноагентов»). Тот же

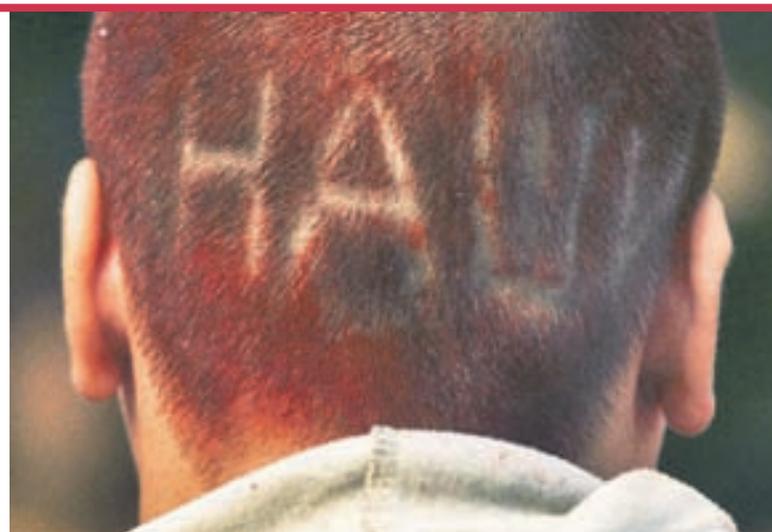
почерк: осведомленность о перемещении объекта, бессилие полиции, отсутствие уголовного дела и, разумеется, горделивые отчеты о совершенном в соцсетях с новыми угрозами. Кстати, старые кадры тоже в теме, но теперь не делом, а словом: Борис Якеменко, переодетый в камуфляж, теперь постоянный спикер телеканала «Соловьев LIVE», где призывает к избиениям несогласных. Если прежде условным нацистам приходилось осторожно нащупывать, кого можно трогать, а кого нет, теперь все упростилось. Граница дозволенного — лояльность СВО. Тех, кто за ней, телеграм-черносотенцы готовы уничтожить. Государству это выгодно: борьба с оппозицией идет чужими руками, оно не отвечает за последствия. Любопытный фрик теперь ко двору, если он готов травить критиков власти. Ну а связь с ним — попробуй докажи!

Так уже было. Все эти молодежные и не очень группы напоминают историю «Черной сотни», появление которой было инспирировано чиновниками ради борьбы с социалистами. Она стала символом погромов и покрываемого властью беззакония. Но также и фактором разрушения государства: чиновники, создавшие эту структуру, сами в итоге и поверили в ее реальность и могущество, которое защитит империю от революционеров. Как известно, прогноз не оправдался.

При этом у «Черной сотни» столь популярная сейчас ксенофобская повестка также была декорацией, а истинной целью стала борьба с оппозицией. Было тут все: и бюджетное финансирование, и безмолвие полиции, и лояльность властей. Не помогло.

История знает еще одну яркую параллель нынешним погромщикам — китайских хунвейбинов. В середине 1960-х годов Мао Цзэдун велел им «открыть огонь по штабам», чтобы расправиться со старыми партийными кадрами, представлявшими угрозу личной власти диктатора. Молодежь из провинции кормили досыта, одевали, возили по стране, объяснили, что они участвуют в строительстве нового Китая. И позволяли делать с врагами буквально все. На выходе это привело к дикому экономическому и гуманитарному отставанию страны.

Глеб Павловский в 2021 году провел параллель между российскими «титущками» и немецкими штурмовиками в коричневых рубашках: «Формируется платформа для штурмовых отрядов. Это создание машины атаки на граждан России, независимо уже от их оппозиционной активности».

Михаил ФОМИЧЕВ / ТАСС

В марте 2009 года бывший активист движения «Наши» Дмитрий Копылов совершил попытку подкупа сотрудников редакции «Новой газеты». Но те пригласили на очередную встречу с Копыловым представителей правоохранительных органов. Против Копылова было возбуждено уголовное дело по статье «Коммерческий подкуп». После этого в редакцию пришла бандероль с окровавленным куском мяса, отрезанные ослиные уши и телеграмма: «Вам не избавиться от слежки. Теперь нас сотни, и у нас развязаны руки».

«Наши» собирали на свои акции десятки тысяч участников, бюджет их мероприятий оценивался в миллионы долларов. Чтобы

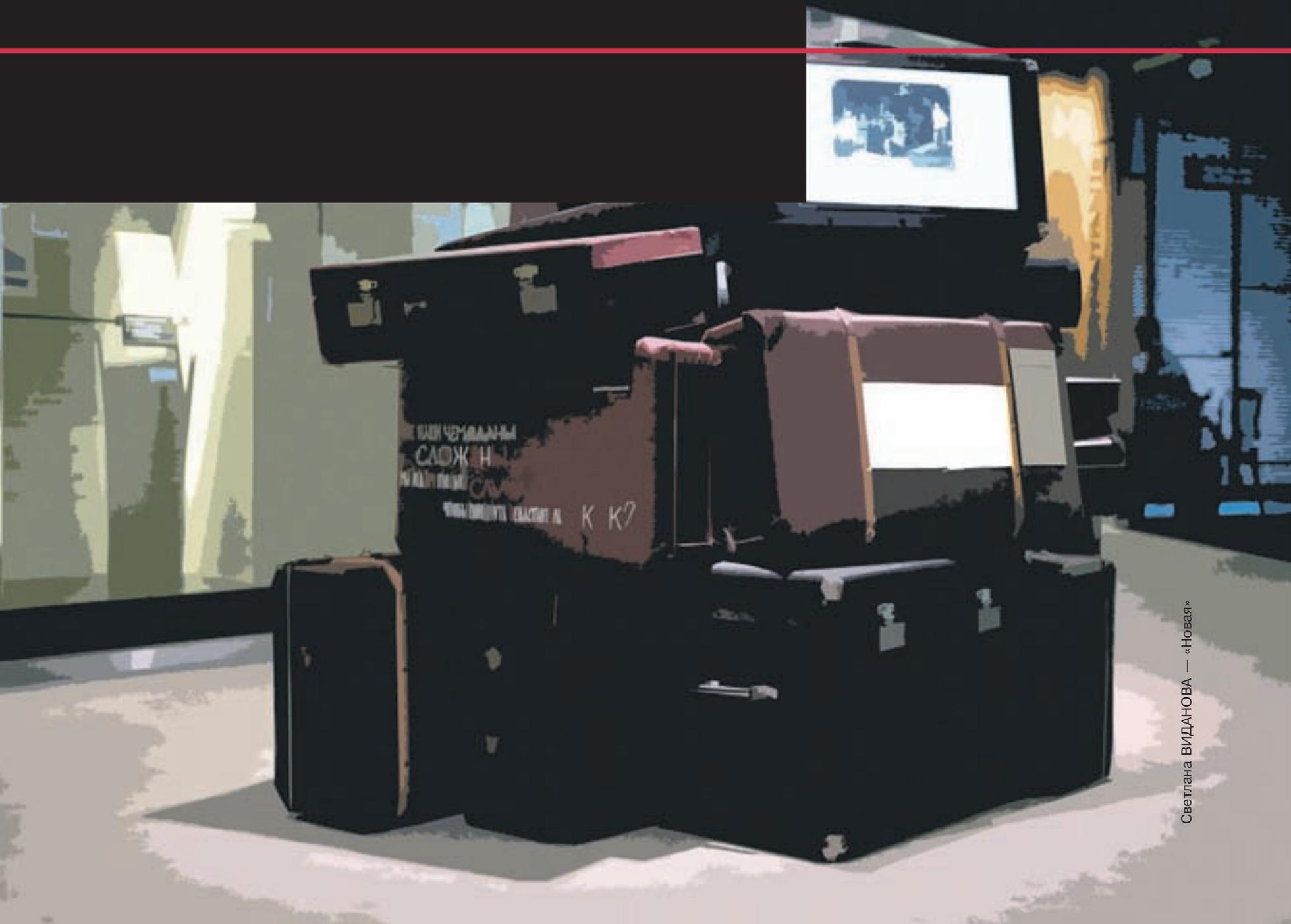
ГОРБИ
SORBY

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

«Милые ж вы мои!

Вы кто ж будете?»

ПОЧЕМУ ПРОБЛЕМА
«ВОЗВРАЩЕНЦЕВ»
ОПЯТЬ СТАЛА
АКТУАЛЬНОЙ

Борис
Минаев

Одним из важнейших сюжетов эпохи Михаила Горбачева

была судьба «возвращенцев», то есть русских эмигрантов, в разные годы покинувших СССР. Это было в свое время выразительным знаком того, что историческая справедливость все-таки существует. Пусть не сразу, постепенно, но возвращались на родину и книги, и идеи, и сами люди. Но сама идея возвращения на родину из эмиграции — имеет в нашей стране огромную и трагическую историю. О том, как это было, — мы вспомнили на примере двух недавно вышедших книг.

В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ РОМАНЕ СЕРГЕЯ БЕЛЯКОВА «ПАРИЖСКИЕ МАЛЬЧИКИ В СТАЛИНСКОЙ МОСКВЕ»

(АСТ, РЕШ, 2022) есть два главных героя: сын Марины Цветаевой Георгий (Мур) Эфрон и сама, собственно говоря, «сталинская Москва».

В книге этот мир предвоенной (все-таки!) Москвы описан не просто подробно, а феерически подробно: все сорта мороженого, меню ресторанов и кафе, программы джазовых и классических концертов, мода, книжные лавки, цены на все практически продукты, съемного жилья и одежды, перипетии первых чемпионатов СССР по футболу, нравы девушек того времени, песни, танцы, джаз — даже для меня, родившегося в Москве в конце 1950-х и вроде бы хорошо знакомого с этим миром, эта информация была порой абсолютно новой, захватывающей дух и даже фантастической, насколько много

всего удалось собрать автору в этом почти 700-страничном томе.

И собрать вроде бы по делу: для того, чтобы лучше понять загадочного, трагического, овеянного легендами (порой довольно темными), мальчика Георгия Эфрона (а его дневник, изданный еще в 1990-е годы, давно стал интеллектуальным бестселлером), — надо, действительно, хорошо понимать, где, в каком мире, в каких обстоятельствах пишет он свои юношеские откровения.

И тем не менее один вопрос все же у меня к книге остался.

Почему так мало про «возвращенцев»? Что это было за движение? В чем его корни?

У Белякова получается так: Сергей Эфрон, муж Марины Цветаевой, отец Мура, бывший белогвардеец, был завербован НКВД (это факт общеизвестный), участвовал в тайных операциях «зарубежного отдела»: похищения, покушения на «врагов советской власти» — именно этим определялось его стремительное бегство из Франции, именно это определило и дальнейшую судьбу его самого и его семьи. Определило само возвращение.

Все вроде бы так, но что-то осталось и за кадром.

«Союз возвращения на родину» возник в Париже еще в 1925 году. До поры до времени он влачил не слишком заметное существование.

Тогда же возник термин «возвращенчество».

Он оказался связан с именами четырех талантливых русских публицистов, выступивших осенью 1925 года с призывом «засыпать ров» между эмиграци-

ей и Россией. Они проповедовали идею возвращения домой — и долг русского интеллигента разделить со своим народом все испытания. То были А.В. Пешехонов, бывший редактор дореволюционного журнала «Русское богатство», известная публицистка Е.Д. Кускова, ее муж экономист С.Н. Прокопович и писатель М.А. Осоргин. Свои идеи они выдвинули в связи с истекшим официальным сроком трехлетнего изгнания из СССР в 1922 году известной группы писателей, ученых и общественных деятелей. «Роман Гуль в книге «Я унес Россию» привел убедительные свидетельства того, что уже это выступление первых «возвращенцев» было искусно инициировано Дзержинским — через Екатерину Пешкову, возглавлявшую в эти годы Красный Крест, которой все доверяли и которая сама с простодушным доверием попала на удочку. Ей и в голову не могло прийти, что все затеяно вовсе не ради возвращения высланных, а ради внесения смуты в умы и сердца эмигрантов и дробления русской эмиграции», — пишет авторитетнейший исследователь жизни и творчества Марины Цветаевой Ирма Кудрова.

«Внешне «Союз» был закамуфлирован под культурную организацию, — продолжает она. — В нем и на самом деле велась разнообразнейшая культурная работа. В Латинском квартале Парижа, на улице де Бюси, в нескольких комнатах второго этажа почти каждый вечер «возвращенцы» собирались то на очередной семинар, то на лекцию, то на занятия в хоровом кружке.

Воскресные собрания были посвящены современной советской культуре. В библиотеке «Союза» можно было подписаться — на льготных условиях! — чуть ли не на все советские издания. В читальном зале были представлены свежие номера советской журнальной периодики...

Устраивались выставки русских художников, живших во Франции. А также просмотры новых советских кинофильмов. Ленты Пудовкина, Довженко, братьев Васильевых, Герасимова, Эйзенштейна пользовались ошеломляющим успехом, их крутили по многу раз.

Поразительно: при своих крайне скромных доходах «возвращенцы» умудрялись подписываться на советские займы и собирали деньги на строительство советских самолетов-гигантов. Так, 1 июля 1935 года они перечислили в фонд постройки таких самолетов — на адрес редакции газеты «Правда» — три тысячи франков...

В одной из комнат «Союза» располагалась редакция журнала «Наш Союз».

Зная, что Сергей Эфрон, муж Марины Цветаевой, и его дочь Аля несколько лет редактировали «Наш Союз» — я решил поискать эту газету, главный орган «возвращенцев», в московских библиотеках. В «Историчке» нашел микрофильм с целой коллекцией эмигрантских газет. Прокрутил до нужных сканов ветхих страниц «Нашего Союза». Прочитал. И пришел в настоящий ужас. Муж Марины Цветаевой... Образованный, глубокий человек. Как говорится, «из хорошей семьи». Как же такое возможно? Это был самый кондовый, самый лубочный пропагандистский листок из всего, что мне доводилось читать в этом жанре, — даже «Голос Родины», издававшийся в СССР после войны и ненавидимый всеми идейными противниками советской власти, и то был как-то потоньше.

«8 марта международный женский день, революционный праздник тружениц. В самых различных точках земного шара: и там, где свистят фашистские бичи, где в поту и крови трудящихся куется золото богатым, где под покровом демократического парламентаризма женщины остаются рабынями капитала, — повсюду в этот день революционные труженицы соберутся под знаменем борьбы за социализм» (выпуск «Нашего Союза» от 10 марта 1929 года № 20(162)).

Продолжаю цитировать Ирму Кудрову:

«Милые ж вы мои! Вы кто ж будете?»

Соцсети

Марина Цветаева и Сергей Эфрон с дочерью Ариадной и сыном Георгием

«Мне приходилось встречаться с бывшими «возвращенцами».

Они в один голос рассказывали, каким теплым домом стал для них «Союз» к середине тридцатых годов. ...Тут царил такая дружелюбная, даже веселая атмосфера, что вечерами ноги сами вели эмигрантов на эту узенькую уютную улочку. Они получа-

ли здесь наслаждение уже от самого звука русской речи. В этом пространстве, облученном доброжелательством и тоской, советские газеты и журналы в мощном содружестве с талантливыми фильмами... делали свое дело... Кипучая плодотворная энергия — там, чувство хозяина жизни — там, в то время как здесь, на Западе, гниль и бес-

перспективность. И неизбежное ощущение «метека», чужака.

Правда, эмигрантская «Иллюстрированная Россия» публиковала фотографии вымерших от голода украинских деревень, статьи в других эмигрантских журналах приводили данные о заключенных, погибших на строительстве Беломорского канала. И из России шли сдержанно-кислые письма от ранее уехавших... Но чары любви и веры броней закрывали от сомнений русских, истосковавшихся на чужбине».

Ностальгия. Тоска. Но все это, конечно, слишком просто. Слишком очевидно.

Я случайно прокрутил микрофильм, сидя в просторном зале «Исторички», на одну единицу вперед. Эмигрантские газеты собраны по алфавиту — и сразу за газетой «советских организаций в Париже» идет газета «Наш путь», орган российского фашистского союза в Харбине. Прямо в шапке каждого номера газеты — мощная свастика. Статьи полны дремучего антисемитизма... и любви к Гитлеру, к фашистской идее. Но зато — все авторы газеты искренне и люто ненавидят советскую власть.

Такие вот идейные «ножницы», такая развилка.

Именно в ней находились многие эмигранты тогда. В том числе и те, кто жил в Китае — в Харбине, Шанхае и так далее.

Отсюда, из Китая, шла еще одна волна «возвращенцев».

«А вообще, мамочка, все хорошо, у меня светлые надежды на будущее».

«Живем в Находке без особых удобств, но прилично... К морозу привыкла, почти не мерзну. Старикам и детям наша жизнь в бараках все же тяжела. То, что для меня интересное приключение, для тебя было бы нелегким путешествием. Морально чувствую себя прекрасно. Выпустила здесь стенгазету. Верю в социализм. Верю в себя», — так писала Наталия Иосифовна Ильина в 1947 году матери, оставшейся в Китае. Сама она, молодая женщина 33 лет, с группой «возвращенцев», которые получили (после долгих лет ожидания) советское гражданство, — направлялась в Россию, где первые годы жила в Казани.

КНИГА ИЛЬИНОЙ «ДОРОГИ И СУДЬ- БЫ» ВНОВЬ ПЕРЕ- ИЗДАНА В КОНЦЕ

2022 ГОДА.

Очень яркие, обладающие массой психологических деталей, невероятно живописные портреты людей русской эмиграции — матери, сестры, актрисы МХТ Натальи Корнаковой, Александра Вергинского. Практически классика русской литературы.

И тем не менее, читая сегодня эти страницы, невозможно избавиться от противоречивого ощущения: но ведь что-то не так! Пафос «возвращения на родину» в 1930–1950-е годы в прямом смысле погубил буквально десятки тысяч жизней. А он в этой книге — чуть ли не главный мотив. Не просто фон, а фундамент, на котором все строится.

«20 сентября 1937 г. появились два документа, подписанных наркомом внутренних дел СССР Н. Ежовым: «Оперативный приказ № 00593 «О мероприятиях в связи с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из харбинцев» и «Закрытое письмо № 60268 «О террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из харбинцев».

Согласно документам НКВД, в СССР насчитывалось до 25 000 так называемых «харбинцев». К ним относились бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги и реэмигранты из Маньчжоу-Го, которые в тот момент работали на железнодорожном транспорте и в промышленности СССР. Среди харбинцев, подвергшихся репрессиям, было немало и тех, кто на момент репатриации не имел прямого отношения к КВЖД.

Как считает исследователь Н. Аблажей, в ходе «харбинской» операции репрессиям подверглось 42 507 человек, в том числе к высшей мере наказания пригово-

р алогического древа», где люди ищут своих родственников.

Естественно, на этом фоне относительно благополучная судьба Наталии Ильиной, которая была среди «возвращенцев» 1947 года, всегда вызывала обоснованные подозрения.

В книге Михаила Ардова «Вокруг Ордынки» есть такие строки:

«Я уже упоминал, что свою приятельницу Наталию Ильину Ахматова считала осведомительницей. Свое мнение Анна Андреевна объясняла весьма убедительно и просто:

— Все те люди, которые вместе с нею вернулись из Китая, отправились или в тюрьму, или в ссылку. А она поступила в Литературный институт на Тверском буль-

варе... Ум и интуиция редко подводили Анну Андреевну. Теперь, спустя полвека с той поры, как Ильина стала приходить на Ордынку, у меня появилось косвенное подтверждение ахматовской правоты. Сорок с лишним лет назад, 12 октября 1957 года, парижская газета «Русская мысль» напечатала «Открытое письмо Наталии Ильиной, автору романа «Возвращение». Журнал «Знамя», Москва». Начинается эта публикация так:

«Милая Наташа!

Могу Вас поздравить, Ваш роман «Возвращение» читается в Рио-де-Жанейро русскими, прибывшими с Дальнего Востока, нарасхват.

К сожалению, должна отметить, что читают его главным образом как документ из секретного отдела НКВД. Не там ли Вы и писали его, Наташа, и не был ли он Вашей платой за право проживания в Москве и прочие блага?»

Мне кажется, Наталия Иосифовна Ильина таких слов не заслужила — достаточно прочитать ее книгу, чтобы это понять.

Если попытаться понять феномен «возвращенцев» в целом — получится довольно сложная картина. Это и Алексей Толстой, «советский граф», прекрасный писатель, создатель «сталинской» литературы — и не «предвоенной», а именно сталинской, к сожалению. Какие бы талантливые вещи он ни писал, все это удачно ложилось в общую идейную канву того времени. Кстати, сыну Цветаевой Муру — Толстой пытался помочь как мог.

Горький — тоже хрестоматийная история «возвращенца», вернулся в СССР с помпой, создал Союз писателей, развернул кипучую деятельность, попал в «золотую клетку», умер при таинственных обстоятельствах.

рено 28 348 человек, — эти данные содержатся и на ресурсах закрытого ныне «Мемориала»*, и на сайте «Русского гене-

* Признан Минюстом «иностранным агентом».

Большинство работников Китайско-Восточной железной дороги, вернувшихся на родину из Китая в 1930-е годы, были репрессированы, больше половины расстреляны. Дмитрий Святополк-Мирский, офицер царской армии, один из самых ярких критиков и историков русской литературы. Тоже идейный «возвращенец», один из авторов философии русского «евразийства». Расстрелян в 1937 году.

Но все это — годы тридцатые.

А вот в 1940-е, после войны, были и другие судьбы, куда более обнадеживающие. Например, Александр Вертинский. Гастролировал по всей стране, собирал огромные залы, получил от советской власти квартиру на улице Горького. Покупал продукты в «Елисейском». Правда, далеко не все песни разрешалось ему петь в концертах. Ну что ж... В 1960-е, уже после его смерти, они разошлись по стране миллионными тиражами на пластинках фирмы «Мелодия».

О Вертинском знают многие, но не все знают, что среди «возвращенцев» из Китая были, например, и братья Олег и Игорь Лундстремы, создатели едва ли не лучшего в СССР джазового оркестра. Первые годы жили в Казани, играли танцевальную музыку в кафе и в небольших залах.

Но, как говорится, и у них все постепенно наладилось.

Больше того, в главе «Моя неведомая земля» Ильина рассказывает поразительные факты: была официальная установка от партийных органов — помогать «возвращенцам», устраивать их на работу, даже опекать. И опекали, и устраивали.

Но ни слова не пишет Ильина о том, как к ним, «возвращенцам», относились «компетентные органы», и тут ее можно заподозрить в «ловкости рук», в утаивании главного, но...

Для меня главным аргументом в этом споре является то, что по поводу Ильиной вы не найдете ни одного упоминания о ее доносах, о том, что она якобы лично на кого-то стучала и кого-то погубила.

Только предположения (очень понятные на том фоне, о котором я выше писал).

Для меня книга Наталии Ильиной — человеческий документ, важный именно сегодня потому, что в нем подробно, глубоко описывается механизм возникновения самой идеи — идеи возвращения на родину из эмиграции, описывается «сила судьбы»,

«Милые ж вы мои! Вы кто ж будете?»

которая за этим эпическим возвращением стояла.

О том, что сама она знала об СССР, Ильина пишет так: «Мы, конечно, слышали. Но, конечно, не верили. Впрочем, живя в Харбине, я вряд ли что-нибудь слышала. Газет не читала. Политикой не интересовалась. Это, видимо, уже в Шанхае (*то есть после 1936 года.* — Б.М.) я от кого-то услышала, что из вернувшихся «кавэжедеков» никто не уцелел, всех арестовали! Уже гораздо позже, уже будучи в СССР, я узнала — так оно и было! В 1962 году на пароходе Москва—Астрахань я случайно разговорилась с двумя пожилыми людьми — мужем и женой. Они были чудом уцелевшие «кавэжедеки». «Неужели никто из вернувшихся не избежал ареста?» — спрашивала я. В ответ пожимали плечами: «Откуда нам знать? Но впечатление такое, что процентов девяносто-девяносто пять были репрессированы».

Это писала Ильина в восьмидесятые годы — вспоминая шестидесятые. До новой волны «возвращенцев» оставалось несколько лет. Первым вернулся Юрий Любимов, главный режиссер Театра на Таганке. Май 1988-го. Есть потрясающая фотография Юрия Феклистова: Любимов, красивый, еще совсем не старый, но седой человек, сидит на корточках возле бродячей собаки, растянувшейся на земле Ваганьковского кладбища. Он пришел сюда на могилу к Высоцкому.

В 1987 году газета «Московские новости» перепечатала так называемое «письмо 10-ти», опубликованное в «Нью-Йорк таймс», в ряде европейских газет.

«Что представляет собой новая политика Михаила Горбачева — тот самый исторический поворот, о котором мы мечтали, знаменующий собой конец угнетения и нищеты в Советском Союзе? Или мы стали свидетелями лишь короткой «оттепели», тактиче-

ского отхода перед новым наступлением, как выразился Ленин в 1921 году?»

Да, сегодня из лагерей и ссылки возвращен ряд ведущих правозащитников. Этот жест можно только приветствовать, однако нельзя не отметить, что подобное «избирательное милосердие» на то и рассчитано, чтобы произвести максимум впечатления на общественность при минимуме настоящих уступок.

Если отношение к таким людям в СССР действительно меняется, почему бы просто не объявить амнистию всем узникам совести, вместо того, чтобы принимать решения по некоторым особо нашумевшим делам одно за другим, в течение года?» — писали тогда Василий Аксенов, Владимир Буковский, Эдуард Кузнецов, Юрий Любимов, Владимир Максимов, Эрнст Неизвестный, Юрий Орлов, Леонид Плющ, Александр Зиновьев и его жена Ольга.

Не все из тех, кто подписал это письмо, вернулись в 80-е и 90-е. Но большинство все-таки вернулись. Пусть не сразу, «наездами», пусть с оговорками и условиями, но процесс пошел. Любимов, Аксенов, Буковский, Зиновьев, Войнович — стали в Москве и в СССР в целом частыми гостями, а потом кое-кто переехал и навсегда. Им возвращали гражданство, возможность публиковаться и выступать по телевидению, собирать полные залы, получать премии и награды, наконец, даже отнятые квартиры им тоже вернули.

Буквально в день августовского путча (19 августа 1991 года) в Москве состоялся «конгресс соотечественников». Сюда приехали самые разные люди — и потомки первой, «белогвардейской», как принято было считать в СССР, эмиграции. И люди из последующих «волн» (всего 700 человек из 22 стран). Конгресс должен был знаме-

новать начало огромного процесса «нового возвращения»: выставка во Дворце молодежи, международная конференция, юридические, политические, экономические аспекты проблемы — все тут было намечено обсудить с участием членов российского правительства, а само открытие конгресса показать торжественно — по телевидению.

...И тут на улицы Москвы вышли танки.

Для многих участников «конгресса соотечественников» (например, для потомков бывшего председателя Государственной думы Родзянко) это стало громом с ясного неба.

Тем не менее люди все-таки начали возвращаться. Приезжать. Обживаться, пускать корни на «исторической родине». Тому есть масса примеров.

нений, встречи по всей России со своими читателями.

Какими глазами мы смотрим сегодня на те события? Вспоминать их горько. Надежды не сбылись. История повернулась вспять.

Но неизбежность возвращения — это, видимо, какая-то историческая данность. И к ней именно так и стоит относиться.

Буквально за несколько дней перед принятием закона об электронных повестках один известный оппозиционный блогер написал: «Я знаю, многие из вас хотят сегодня вернуться — мол, ничего не происходит, все затихло. Но это совсем не так».

И верно, в апреле-мае этого года началась довольно заметная тенденция к возвращению. Люди устали, отчаялись, изверились, им захотелось обратно — в Москву, Питер. Домой, домой.

В книге «Дороги и судьбы» есть страницы, в которых сквозит самая убедительная правда о мотивах «возвращенцев» — Ильина описывает унижительную нищету (отсутствие лишней пары туфель, нормальной одежды, новой юбки для молодой девушки), бесконечная, вечная долговая яма, в которой находится семья, полная зависимость от чужого, чуждого мира.

Но особенно убедительными показались некоторые фразы из писем Ильиной, адресованные матери тогда, в начальный период возвращения на родину, в 1947-м: «Ведь я еду в страну, где от энергии, труда и активности человека зависит все!» И еще на ту же тему: «Не будет больше комплекса неполноценности, который нас мучил в Шанхае, где мы были «граждане без национальности».

Почему *сейчас* я пишу об этом так подробно?

Да, в общем, все очень просто — потому что мы постепенно вползаем в ту же ситуацию. Есть новая волна эмиграции и есть дети, «второе поколение», которые постепенно растут, ощущая себя снова «гражданами без национальности». Что с ними будет?

Сегодня мы все надеемся на «поворот колеса» истории, на то, что возвращение возможно — но уже в другую страну, в другую историческую эпоху. Ну а если нет?

Снова — трагедия разделенных на годы семей. Снова — проблема «второго поколения», идентичности «граждан без национальности», которая затем встанет очень остро: проблема языка, проблема очень неполного и очень субъективного знания о той стране, которую оставили их родители. Рискованные и нервные переходы через границу. Свара между уехавшими разных политических «направлений». У большинства — неустроенный, тяжелый быт. Проблема денег. Проблема адаптации к новым условиям.

Многие уехавшие из России живут с ощущением, что «вот-вот», надо потерпеть, и все изменится...

И здесь хочется воскликнуть: нужно что-то делать! Не повторять ошибок истории. (Хотя не повторять их практически невозможно.)

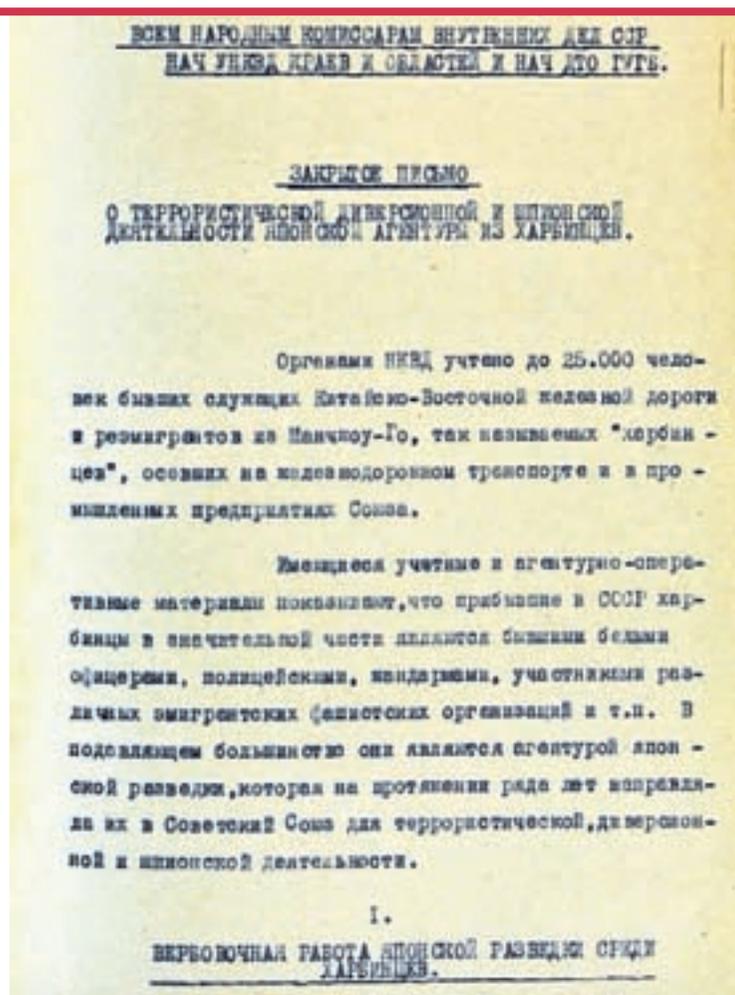
Учить детей русскому языку и культуре, не поддаваться на провокации и искушения, создавать общественное движение, которое убедит правительства стран, где живут покинувшие Россию, предоставлять им пакет минимальных прав, твердый юридический статус. Создавать горизонтальную сеть взаимопомощи. Не питать иллюзии.

Но самое главное — избежать той дихотомии ненависти, полюсов жгучей ненависти, которые возникают в эмиграции по любому поводу. Учиться вести диалог со всеми максимально уважительно.

Закончу еще одной яркой цитатой из Наталии Ильиной:

«Летом 1947 года в Шанхае по дешевке распродалось американское военное обмундирование — полушубки, грубые рыжие полуботинки, брюки защитного цвета, а также армейские зеленые одеяла и полотенца. На многих из нас были удобные в пути, теплые легкие полушубки, внутри мех, сверху брезент, а на спине намалеваны черные несмыываемые буквы U.S.N... Женщины в брюках, невиданная обувь, эти буквы на спинах — было от чего прийти в изумление. Старушка, у которой я однажды покупала молоко, прощамкала: «Милые же вы мои! Вы кто ж будете? Не французы?» «Какие французы? Русские мы, бабушка, русские!» — твердила я, с наслаждением повторяя слово «русские» и едва удерживаясь, чтобы не обнять старушку. «Откуда путь держите?» — «Из Китая». — «Ишь ты. А хлеб белый там есть?» — «Есть, бабушка». — «Чего ж уехали?» — «Но... Но мы в России хотим жить!» — я тут несколько сникла, меркантильность собеседницы огорчила меня — разве хлебом единым? «Так, так», — неопределенно пробормотала отсталая старушка.

«Так, так...» — повторяю я вслед за этой старушкой.

Какую-то важную точку в этом процессе поставило невероятное возвращение Солженицына — через всю Россию, в обычном железнодорожном вагоне, в котором он ехал с востока на запад. Здесь, в России, его ожидала триумфальная встреча, регулярная программа на телевидении, попытка вручить ему государственную награду (им отвергнутая), создание Фонда русского зарубежья, полное собрание сочи-

Доктор Смех

ОН СПАСАЕТ ЛЮДЕЙ
ОТ ГОРЯ И ОТЧАЯНИЯ

Автор этого текста — клоун. Работа клоуна — смешить. Работа клоуна, который делает это в лагере беженцев, кажется невозможной, потому что странно представить смех рядом с горем и потерей. Так считают все, кого миновала участь видеть смерть вплотную. Но истинный клоун знает, что улыбка есть признак жизни. Какой бы она ни была. Клоун, как и священник (если они подлинны), дает человеку силы увидеть смысл жизни.

Игорь Наровский провел несколько месяцев с маленькой клоунской труппой в лагерях беженцев. Из-за требований цензуры мы не можем напечатать весь текст без купюр. Не можем и назвать место, где они работали. Но если читать написанное им, абстрагируясь от реалий места и времени, то можно увидеть главное — самое ценное, что осталось в нынешнем миропорядке, — это сострадание. На него вся надежда.

Игорь
Наровский

Фрагменты
из документальной
книги «Орфей»

«Клоун не борется с существующим порядком вещей, но доводит его до абсурда. Когда порядок теряет всякий смысл — происходит освобождение. Клоун готов сойти в лабиринт Минотавра вместе с тем, кто ищет этого освобождения. Но убить чудовище должен сам человек. В каком облики предстанет Минотавр — клоуну безразлично: это не его чудовище. Но он обещает вывести Тесея из лабиринта, став его нитью Ариадны. Клоун — трикстер. Он провоцирует душу на игру, какой бы хтонической она ни была. Ибо в игре что-то внутри оживает, начинает меняться и в итоге — перерождается».

«Одетый в красный, как грудка зарядки, пиджак, я стоял посреди бело-мраморного зала с колоннами. Не по размеру мал, бархатный пиджак стягивал мои лопатки, выпячивая

вперед грудь с воздушным жабо. Ко мне были прикованы взгляды теней. Они словно выглядывали из темных комнат, чтобы посмотреть на присевшую на подоконник птицу. Я оказался пойман в клетку их ожиданий — «ну весели нас». Я медлил.

Я облетел несколько кругов под бело-снежными сводами: здесь встал в очередь, ожидая несуществующего номерка; тут взбил похожую на подушку куртку и уснул на плече женщины; там зашебетал вместе с музыкой из наушников, за что получил от девушки-подростка значок *weekend is coming*. Я кружил среди теней, высматривая тех, кто особенно нуждался в маленькой красногрудой птичке на подоконнике.

Тени мужчины, его матери, его жены и сына стояли возле высокой мраморной колонны — молча, лицом друг к другу, образуя сомкнутый круг. Именно это странное, поглощающее молчание бросилось мне в глаза.

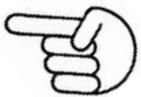
— Герр Штраус, — представил я плюшевого страуса. Как сделал бы карточный шут, если бы задумал какую-нибудь комбинацию.

Вы всегда найдете у карточного шута аксессуар — палочку, на которую на-

сажена его же голова. Наследуя шуту, клоун играет любую отведенную ему роль, кроме собственной. На такой случай он носит свою копию на палочке. Герр Штраус был такой копией: я играл им себя самого, когда больше ничего не оставалось. Бог знает, чего я избежал его милостью: Герр Штраус был во всех отношениях потрепанной игрушкой. Нога его была перебинтована, шея надорвана, из нее торчал клок синтепона, в животе пищало инородное тело, а под выulptенными глазами чернели следы бесчисленных остановок сердца — детям в больнице не раз приходилось спасать его птичью душу. Ко всему прочему из-за длины и хрупкости шеи его голова постоянно валилась набок. Но если изловчиться и балансировать ею, что с годами я освоил мастерски, Герр Штраус мог довольно долго держать клюв по ветру.

Доктор Смех

Представив Штрауса, я слегка наклонил его корпус, и игрушка упала в обморок. — Он просто не выспался, — оправдывался я, трясая Герра Штрауса. — Вставайте, Герр! Что ж вы меня позорите на людях! Ладно, чиж с ним. Вы-то как? — обратился я к семье.

Но, видимо, не было такого языка, на котором они могли бы ответить. Не оставалось иного выхода, кроме как такой язык изобрести. Я предложил использовать положение головы Герра Штрауса как шкалу, где положение на 12 часов означало «абсолютное счастье», на шесть часов — «подавленность», на девять часов — «не-что среднее». Все утвердительно кивнули, когда голова Герра безжизненно повисала на шести.

— А что с Герром Штраусом? — вспомнил я про игрушку. — Его бы не мешало немного взбодрить. Чтобы стал наконец достойным прямостоящим господином. Может, зернышко стресса? Но где его взять?... Хм... Может, у вас есть чем поживиться? Лишняя щепотка.

— Этого добра у нас достаточно, — усмехнулась пожилая женщина, и два обручальных кольца на ее груди звякнули друг о друга.

— И у вас? — обратился я к остальным. Кивок.

— Да мы богаты! — вскрикнул я чуть ли не фальцетом. — Добро, стресс у нас есть. Как же нам его передать Герру Штраусу? Давайте найдем какой-нибудь способ! И, установив шею страуса на 12 часов, я приготовился отпустить руку, предоставив им самим найти способ, как удержать ее в «абсолютном счастье».

После неловкой паузы, серии подмигиваний и подбадриваний с моей стороны, нащупав голос, семья обрушилась на Герра Штрауса криком, сопровождая его жестами «удушу», «в пыль сотру».

Мысли «что я делаю — я же взрослый человек, а я стою ору на плюшевого страуса» кляпом затыкали им рты, но тут же выплевывались смехом. И пока их ярость продолжалась, Герр Штраус витал в «абсолютном счастье». Но стоило им выбиться из дыхания или задуматься, как голова Герра безжизненно валилась набок. Видя это, тени преодолевали себя снова, ими завладел азарт. Похоже, они были готовы ради игрушки на большее, чем ради себя самих. Их бледные лица оттаивали румянцем. В них словно наступала оттепель: лед еще не сошел, но уже не сковывал. Но главное уже случилось: они снова чувствовали. Люди проступали из теней, ибо тенью делает не ужас и боль, но неспособность их переживать».

«— **П**оза-ботьтесь о нем, — обратился я к вы-

сокой, как огненный столп, рыжеволосой женщине, укладывая Герра Штрауса в уютный капюшон ее дутика.

— Хорошо, — кивнула она, складывая документы в затертый пакет с васильками. Ее уже ждали у следующего стола.

— Трудно отпускать из родного гнезда. Но с вами ему будет лучше: он обрел свой дом в вас, — утешал я сам себя, укладывая Герра поудобнее.

Женщина поправила торчащие из капюшона страусиные ноги и поспешила к столу регистрации.

— Не забудьте его тоже зарегистрировать, — крикнул я вслед.

— А какой назвать адрес проживания?
— Назовите: карман мистера Робина.
И женщина растворилась за черными спинами. А я остался.
— Покинул родное гнездо, — вздохнул я. — Как же быстро растут дети.

По лицам окружающих промелькнула улыбка. Тема покинутого гнезда была для них особенно живой и болезненной и отзывалась возможностью сострадания.

— А хорошо ли я поступил? — вдруг сомневался я. — Я же все-таки мать.

— Ты хорошо поступил, мать, — послышался голос из очереди. — Нужно уметь отпускать своих близких.

Обстоятельства сделали сальто. Человек, ищущий утешения, только что сам стал его источником. И тем слово выросло над собственной трагедией. Нашел в себе силы, о которых раньше не подозревал. Отыскал слова, которые исцеляли обоих. Помогая одному — помогаешь всем, но в первую очередь себе. Клоун разыгрывает ситуацию так, чтобы в его маленькой беде размером с ладонь отражалась необъятная боль человека, как в осколке зеркала большое целое. Рассеивая мои сомнения, эта пожилая женщина утверждалась в собственной правоте. Как будто на каждом ее слове теперь стояла печать — «я сделала это сама».

— Ничего, ничего, — утешала она. — Он уже большой, вернется с цыплятами.

— Это что значит — я стану бабушкой?

Остолбневший колоннами холл содрогнулся хохотом.

— Вы думаете, я буду хорошей бабушкой? — робко спросил я у сгорбленной, будто плечами спрятавшей сердце свое от мира, пожилой женщины.

— А как же! — улыбнулась она, оторвав взгляд от анкетного листа на коленях.

— Но я даже не умею делать галушки.

— Ничего. Мы тебя научим.

Из-за покачивающихся спин показался затертый пакет с васильками. Вслед за ним, как Мадонна с младенцем, вышла женщина, прижимая к груди Герра Штрауса.

— Ваш Штраус, — улыбнулась она, протягивая мне игрушку. В пространстве, образовавшемся между ножкой Герра и женской ладонью, покоилась вся нежность мира».

«Женщина сидела одна в пустом зале. На ее сутулые плечи, как прошлая жизнь, было наброшено черное кашемировое пальто. Вынужденный выбор между двумя безысходностями, запертость в собственном горе, как в одежде, которую

невозможно сменить, когда находишься в долгой дороге, черный экран телефона, отражающий бездну смятения, которая смотрит на тебя из собственных зрачков: вся эта усталость превратила ее тонкое красивое лицо в маску. Взгляд женщины — в нем почти не было движения — падал на лист с вопросами. Призрак, невидимка, беженка.

«Всю родину с собой не заберешь. Забрала! Забила памятью чемодан и вывезла».

Мир рядом с ней отчего-то казался до неузнаваемости почерневшим, выжженным дотла, захлебывающимся собственной смолой. Рядом с ней присутствовало происходящее с ее землей».

«— Хочешь взлететь? — спросил я девочку Киру.

— Очень хочу, — собранно и серьезно ответила она.

— Когда будешь наверху, не забудь, что ты балерина, — и, присев на корточки, я взял девочку под мышки. — Готова?

Кира сосредоточенно кивнула.

Розовые кроссовки Hello Kitty оторвались от липкого ламината. Кира поплыла,

полетела — над полом, над головами, над тяжестью мира. И там, наверху, окончательно порвав с земным, девочка раскинула руки и ноги и превратилась в звезду мирового балета. Раздались овации.

Впервые я увидел Киру вчера. Точнее — услышал.

Я шел среди зевающих и лязгающих раскладушек и напевал:

Дом — где мое сердце,

Дом — где мое сердце,

Дом — где мое сердце,

И я сердцем с тобой.

— Я тоже умею петь, — послышался нежный голос из-под горы пледов.

Это была Кира. Она скинула с себя покрывала, убрала невесомые волосы со лба и запела:

Дом — где мое сердце,

Дом — где мое сердце...

Зарытая в серый вязаный свитер, мать девочки наблюдала за всем этим со стороны. Она как будто не решалась подойти ближе — боялась спугнуть детское счастье? стеснялась своего вида? (Душ в этих пределах — редкость и роскошь.)

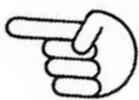
Дом — где мое сердце,

И я сердцем с тобой...

И я запел с девочкой — тихо, чтобы голос ее летел над моим.

Доктор Смех

Мать стояла в стороне и впивалась ногтями себе в подушечку большого пальца чтобы не плакать, «нельзя плакать».

«Дом — где мое сердце...»

Розовая дутая курточка Киры вдруг оказалась платящем. Она кружилась. Мать зарыдала и, подхватив дочку на руки, стала целовать, целовать, целовать девочку, как если бы они никогда не виделись, но всю жизнь снились друг другу.

Мы с клоунами обняли их и уже все вместе хором запели:

Дом — где мое сердце...

В кругу было жарко, но тело матери дрожало. К глазам моим подступали слезы. Их уже можно было услышать в голосе. Но слезы эти были не от горя — от освобождения. От красоты.

Дом — где мое сердце,

И я сердцем с тобой».

«**П**од центр беженцев был отведен бывший торговый комплекс. Получив бейджики волонтеров, мы вошли внутрь.

За оградительной лентой, какими маркируют опасную территорию, толпились тени. Их взгляды, тянущиеся к дверям, сквозили тоской. Из-за женских спин тут и там, как чертики из углов, выглядывали детские головы. Поднырнув под ленту, я проскользнул между тенями и двинулся глубже — внутрь. Под бездонными потолками, перелетая с балки на балку, гнездились голуби. Соскакивая с раскладушек, как с батутов, на мой красный пиджак сбегались дети. Среди них почему-то одна

не умещалась в это общее «дети» — шестилетняя девочка в розовой курточке с сердечками. «Девочка», «курточка», «сердечки» — иначе о ней нельзя: слишком нежной она была. Скажешь «в куртке» — и ранишь весь образ.

Протискиваясь меж плотно сомкнутыми плечами, ко мне подошел парень с желтым лицом. Он протянул мне бутылку воды, как преподносят дар от племени. Приняв его, я обнаружил себя как будто стоящим вверх ногами. Пол обрушился на меня, как потолок. (Чтобы придать значимости дару, я вообразил его неподъемным, и меня опрокинуло тяжестью на пол.) Я тужился оторвать бутылку от пола, но не мог. Племя рассыпалось от хохота. От невозможности вместить в себя свой триумф они топали, прыгали и плясали. Смеющееся желтое лицо вождя вдруг сменилось маской серьезности. Хохот стих. Вождь вышел в центр круга и, демонстрируя магическое превосходство их силы над чужеземной, поднял бутылку над головой.

Получив одобрительный кивок «можно», соплеменники вожака кинулись протягивать мне каждый что-то свое: кто — шоколадку, кто — обгрызенный колпачок от ручки, кто — резинку для волос. Каждый жаждал убедиться: что легко для него — неподъемная ноша для меня.

В конце концов в круг вышла та самая девочка. Она тащила на себе огромного медведя. Она взвалила медведя мне на грудь. Мои длинные ноги расплзлись по сторонам, усадив на шпагат. Девочка хихикнула.

— Я помогу тебе, — сказала она и, поднырнув под медведя, вытолкнула его в воздух.

На следующий день я вновь встретил желтолицего вождя. Он помахал мне рукой. Знал ли он, насколько тонкими выглядят его руки в этом чужом мешковатом свитере?

Я вдруг понял, что не знаю его имени.

— Мистер Робин, — представился я.

— Силач, — ответил вождь и побежал вдоль белых штор, отделяющих комнаты

без стен, вдоль раскладушек и коробок с гуманитарной помощью. Это был один из тех редких случаев, когда видишь, как созданный тобой мир начинает жить без тебя. «Силач». В парне по-прежнему был жив вчерашний триумф».

«**Н**ас пригласили войти в большой белый шатер для родителей с детьми. Они проводили здесь первые часы. Задняя стена палатки, как стена плача, от пола до потолка была заклеена детскими рисунками — вместо молитв и пожеланий. Каждый — как окно в мир, который еще предстояло открыть. От движущихся теней палатка казалась сумрачной. Тут и там стояли раскладушки с откинутыми пледами, еще теплыми от человеческих тел. Между раскладушками пробирался мальчик на деревянных костылях. Чуть в стороне в инвалидном кресле сидела укутанная в кремовую шаль тучная пожилая женщина. Она остро пахла грязным нижним бельем. Ее лицо было похоже на восковой слепок. Резкие, глубокие морщины с осевшей в них усталостью расходились по лицу — от глаз, от уголков бледно-лилового рта. Ее взгляд был мутно-стеклянным. Она смотрела куда-то в пол. Она видела память. Видела картины, которых не должен видеть человек. Картины, от которых мать раскаивается, что родила на свет ребенка. Она была глубоко не здесь. Ее звали Зина.

Мадам Толян — клоунесса — присела к ней, взяла женщину за руку и, напевая ее имя, затанцевала с ее рукой. Зина вслушивалась в свое имя, как будто пытаясь вспомнить, кому оно принадлежит. И вспомнив, вдруг увидела нас, сидящих у нее в ногах. На лице ее мелькнуло что-то вроде улыбки. Казалось, за последние пару месяцев ее мимика забыла про эту странность — улыбку.

Я пригласил Зину на танец. И мы закружились под музыку хора, поющего имя «Зина». Она в коляске, а я перед ней. Ее правая рука (левая безжизненно висела на подлокотнике) начинала по-апрельски теплеть. Зина улыбалась глазами.

Чуть в стороне, безучастно наблюдая за всем, сидела девушка. Красавица. Блондинка, сдержанный маникюр, едва заметный блеск на пухлых губах. Она держала маленькую собачку. Неуместная здесь,

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

как если бы она вышла из салона красоты не в ту дверь. Оказалась здесь случайно.

Я спросил, как ее зовут.

— Лера, — отыскивая голос, ответила она.

И мы тут же запели имя «Лера». И как только спетое имя коснулось ее идеальной кожи, девушка зарыдала».

«**Б** алаганным шествием клоуны с музыкой вошли в центральный зал. У окошек кассы давка. Робин жонглировал разноцветными платками. Куски неба. Люди держались чемоданов. Срослись воедино. Их шествие струилось между людьми. Руки подхватывали летящую ткань и бросали обратно клоуну. Каждый становился участником представления. Не прощались, но праздновали друг друга. Очертания танца.

В центре зала стояла женщина. Мистер Робин приглашал ее на танец.

— Я не могу, — отнекивалась она. — У меня багаж. Не могу его оставить.

Робин ждал. Женщина отпустила чемодан и вложила руку ему в ладонь. Они закружились по центральному залу. Под музыку и аплодисменты. Солнце выглянуло из-за туч. Под потолком зажглась готическая роза. Разноцветная мозаика солнечных зайчиков на полу. Танцуют вместе с нами. Женщина

завершила оборот, и Робин встретил ее в объятия. Засмеялась. Счастливая. Нашупала рукой чемодан. Но уже не ей передалась тяжесть, а чемодану — ее легкость.

Волонтеры позвали клоунов в следующий зал. Зал ожидания. Люди на решетчатых скамейках, похожие на птиц в клетках. Почему-то и там клоунов встретили аплодисментами.

Робин выпрямился, откинул воображаемые фалды и, выбросив руки вперед, принялся дирижировать. Тише, громче. Разделил зал пополам. По взмаху руки одна половина замирала, другая гремела овацией, доходила до крещендо, опрокидывалась и возрождалась в первой. Борьба противоположностей. Робин вскинул обе руки над головой, и зал взорвался аплодисментами. Единство. Опрокинул руки — зал затих. Шествие клоунов двинулось дальше и остановилось в коридоре. На длинной скамейке, зарывшись в куртку, дремал мужчина. Руки и ноги скрещены. Снятый с креста. Острый подбородок вонзался в грудь. Волосы на висках и затылке липли к голове. Снятый терновый венок.

Музыка клоунов превратилась в колыбельную. Мужчина разлепил глаза и как-то неожиданно скоро и легко улыбнулся. Ждал. Он сбросил скрещенное тело и откинулся на спинку. Робин сел рядом с ним. Солнце светило через вокзальные окна, золотя лицо мужчины. Робин заглянул ему в глаза. С трепетом: слишком близко для

взгляда. Златоглазый. На лице дрожала улыбка. Тишина. Красота раненого человека. Красота сострадания. Красота самой возможности жизни. Лицо Робина помимо желания и усилия превратилось в улыбку».

«**С** музыкой клоуны шли по коридору. Робин остановился у одной из комнат. На все помещение одна тусклая лампа. Услышав в коридоре мелодию, старушка с прозрачными волосами вскочила и стала танцевать. Заводная балерина в шкатулке. Женщина однообразно кружилась по темному помещению: руки на плечи партнера, которого не было. Улыбка на хрустальном лице.

Мистер Робин поднырнул под женские руки. Стать этими плечами. Но он был лишним в их танце.

Робин выхватил из кармана воздушный платок и подбросил его женщине. Непредсказуемость и легкость платка сбילה ее с ритма.

— Ух! — вырвалось у нее.

Она поймала платок. Прислушалась: к его мягкости и воздушности. Перекатив его в пальцах, она перебросила платок Робину.

— Я бы тоже потанцевала, — горько произнесла тучная женщина и стала нащупывать что-то под раскладушкой, добавив: — Если б могла.

Она пошарила рукой в темноте. Нашупав костыль, подняла его над головой. Оправдание немощности. Перекатилась на край раскладушки и села. На пол опустились две опухшие ноги. Эти ноги давно уже не влезали ни в одну обувь, кроме чешек.

— Ничего, можно танцевать и руками.

Тяжелое тело женщины сидело в плечах. Робин присел на колени и взял ее за руку. Позади него стояли клоуны. В четыре инструмента они импровизировали мелодию. Под эту мелодию руки описали круг в воздухе, затем другой — пока в движении не появилась уверенность. Робин на секунду отпустил женскую ладонь и дал ей самой вернуться к нему. Ладони снова сошлись и устремились вверх. Музыка сопровождала их. Чем выше взлетали их руки, тем ближе оказывались лица друг к другу. Робин поцеловал женщину в щеку.

Наступила невероятная легкость и тишина. На соседней раскладушке заплакали две женщины».

Подготовила
Наталья Чернова

Иллюстрации выполнены на основе фотографий, предоставленных автором.

Обложка «Букваря» времен СВО

*«Букварь» готовится к печати
в издательстве «Новой газеты»*

Что в следующем номере?

- 2052 ВОРОНКИ
НА КВАДРАТНЫЙ КИЛОМЕТР.
Экологические последствия военных
действий на Украине придется устранять
десятилетиями
- ХУК СЛЕВА, ХУК СПРАВА.
Переживет ли мировая демократическая
система наступление антилиберализма
- ЧТО ДЕЛАТЬ,
ЧТОБЫ СТРАНА ВЫЗДОРОВЕЛА?
Окончание эссе «Гештальт силы и Новое
начало»

ГОРБИ
GORBY